

A fantastical landscape featuring a large, glowing blue moon in the sky, a sunset with orange and yellow light, and a large, dark, spiky castle on the left. The foreground shows rocky terrain with some small plants.

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

ВЕРА

ОТЗВУКИ
СЕРЕБРЯНОГО
ВЕТРА

МЫ - ЕСТЬ!

Отзвуки серебряного ветра

Иар Эльтеррус

Мы – есть! Вера

«Автор»

2006

Эльтеррус И.

Мы – есть! Вера / И. Эльтеррус — «Автор», 2006 — (Отзвуки серебряного ветра)

Надвигаются грозные события. Но не ждать же их, покорно опустив руки? Нет, конечно. И снова выходят из гиперпространства рядом с маленькой планетой Земля крейсера ордена Аарн. И десятки тысяч землян становятся аарн. Именно им суждено изменить очень и очень многое в ордене. Именно они сумеют добиться того, чего еще не добивались никогда.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Иар Эльтеррус Мы – есть! Вера

Иар Эльтеррус

* * *

*Тот, кто увидел смерть —
Может увидеть ад.
Тот, кто откроет дверь —
Будет тому не рад.
Те, кто придут вослед —
Могут спасти тот сад,
В который они затем
Пути не найдут назад.*

*Тот, кто посмотрит вдаль,
Может увидеть Свет.
Но может он и упасть,
И падать во Тьму сто лет!
Не только одна лишь Тьма
Несет за собою тень.
Без ночи наступит день,
И высохнут все поля.*

*Знай, что придет тот час,
Когда не спасешь ты сад.
И в миг тот взгляни назад —
Увидишь ты тени нас.
Мы – это те, кто смог
Избрать себе путь, но знай:
Только лишь ты один
Способен создать свой рай.*

*Рай – это то, что ты
Хотел бы создать для всех.
Но может, они хотят
Лишить тебя красоты?
Для многих, заметь, твой рай —
Окажется только Злом.
А рай, где несчастен ты —
Они назовут Добром.*

*Те, кто придут вослед —
Двери откроют в сад.
Зная при этом, что
Пути им не будет назад.
Только лишь тот замкнет
Дверь, что ведет во Тьму
Кто побывал там сам —
Иначе он не поймет.*

Джордж Локхард

Глава 1

Дикая кошка у входа в комплекс, похожий на что-то изломанно-абстрактное, ошетилившаяся в зеленоватое небо десятками кривых спилюлей, казалась живой. Она прижалась к полу, глаза горели яростью, да нет, бешенством. Никита задумчиво хмыкнул, поглядев на нее, и вздохнул. Рядом стояла жена, Лави. Любимая, единственная и неповторимая, которую офицер наконец-то встретил.

Они с Ником решили не ждать, не путешествовать по Аарн Сарт, а сразу направиться в расположение штаб-квартиры легиона «Бешеные Кошки» на планете Аргиум-II. Будучи альфа-координатором, Никита узнал слишком многое о внутренних и внешних делах ордена. После этого ему не давало покоя ощущение надвигающейся беды. Почему? Казалось, никаких причин для таких предчувствий не было, орден находился на пике своего могущества. Но контрразведчик ничего не мог с собой поделать и нервничал. Бывший комиссар Красной армии полностью разделял его опасения и согласился, что времени на досуг нет. Стоит разобраться с текущими делами, а потом уже можно и отдыхать, если возникнет такое желание.

И вот они втроем стояли у входа в здание, в котором сейчас находилась командир легиона. Передав через ставший частью мозга биокомп просьбу о встрече, Никита вошел, держа жену за руку. Одно только беспокоило его. То, что «Бешеные Кошки» – легион-семья. Тогда как ему, кроме Лави, не нужен никто. Ощувивший его опасения Ник тихонько фыркал и посмеивался, отчего Никита то и дело бросал на комиссара укоризненные взгляды, крепче прижимая жену к себе.

Перед глазами возник указатель и медленно поплыл впереди. И хорошо, а то найти дорогу в безумном лабиринте коридоров и овальных залов главной резиденции «кошек» не представлялось возможным. Как обычно в зданиях ордена, гравитация была совершенно непредсказуемой. Она то опускалась почти до нуля, то плавно поднималась до двух, а то и трех G. В одном месте царил невесомость, другое почти невозможно было пересечь. Никита морщился, не понимая, зачем это нужно, но молчал. Для чего-то ведь нужно. Вряд ли в штаб-квартире контрразведки ордена стали бы просто так играть с гравитацией.

Коридор сменялся коридором, им то и дело встречались молодые мужчины и женщины, одетые во что попало, порой в нечто совсем уж несуразное. Впрочем, молодыми они выглядели, а реальный возраст каждого знал только он сам. Некоторые были обнажены, здесь, похоже, на это не обращали никакого внимания. Но чаще всего люди и гварды носили легкие, светлых оттенков шорты с рубашками. Все встречные приветствовали троицу, в эмообразах «котов» и «кошек» горело живое любопытство.

Никита несколько смутился – похоже, все вокруг уже знали, зачем они пришли, и приветствовали, как родных. Комиссар чувствовал себя здесь, как рыба в воде, он целовал встречаемых девушек, сразу начинающих хихикать, швырялся эмообразами, от которых все, ощутившие их, покатывались со смеху.

Войдя в очередной круглый проем, Никита увидел стоявшую у стены красивую молодую женщину с прямыми черными волосами до плеч. Она была одета во что-то, слегка напоминающее японское кимоно из темно-серого тармиланского псевдошелка. Большие черные глаза внимательно смотрели на вошедших. Тина Варинх, Кровавая Кошка, как зовут ее пашу. Командир легиона с недавних пор.

– Отлично, что сами пришли, – сказала она. – Собиралась уже отправляться искать. Нас с тобой, Никита, через два часа ждет Мастер. Ника он тоже хотел видеть.

– Мастер? – нахмурился контрразведчик. – Для чего?

– Не знаю, – покачала головой Тина. – Боюсь, происходит что-то серьезное и неприятное. Таким обеспокоенным я Илара не видела довольно давно. На него, кстати, произвела большое впечатление твоя работа, и он просил передать тебе его благодарность и восхищение.

– Спасибо, – улыбнулся контрразведчик, слышать такие слова было до чертиков приятно. – А мы, собственно, пришли в легион поступать...

– Знаю, – рассмеялась Тина. – Сразу могу сообщить, что за разгром Проекта вам обоим присвоено звание лор-капитанов. Заслужили, черти. Поздравляю!

– Благодарю за доверие, госпожа дварх-полковник! – привычно вытянулся Никита, Ник вторил ему, хотя и выглядел несколько удивленным.

– Только тренировку и преобразование тела все равно придется проходить в полной мере, – развела руками командир легиона. – Нелегко придется, очень нелегко. У «кошек» в тело встраивается особое, нестандартное для остальных легионов оборудование, каждый из нас становится вещью в себе, полностью автономной боевой единицей, способной адекватно реагировать на любую внешнюю угрозу.

– Кто бы сомневался, – хмыкнул Ник, с интересом смотрящий на женщину, которая с этого момента была его командиром. – Когда приступить?

– Сейчас внесу вас в списочный состав «Бешеных Кошек» и покажу, где у нас что. Потом встреча с Мастером. Дальнейшее зависит от того, что он решит нам поручить. Может, вообще сию секунду придется грузиться на корабль и гнать куда-то на форсаже. Не знаю.

– Посмотрим, – вздохнул Никита, в его эмообразе переливалось беспокойство. – Хочу для начала прояснить одну скользкую ситуацию...

– Можешь даже не говорить какую, сама знаю, – задумчиво посмотрела на него Тина. – Мы – семья. Но никто, никогда и никому ничего не навязывает! В среде ордена такое просто невозможно. Никто из «котов» и «кошек» даже близко не подойдет ни к тебе, ни к Лави, если на то не будет вашего желания. Понимаешь?

– Понимаю, – несколько успокоился свежеиспеченный лор-капитан. – Извини, но я немного нервничал.

– Я в свое время такая же нервная была, – во взгляде дварх-полковника проскользнула смешинка. – Позже сами все поймете. Каждый имеет право на свою жизнь и свою радость. Главное, чтобы вы знали: все вокруг вас любят и всегда помогут.

– Уже знаем, – широко улыбнулся бывший красный комиссар.

– Кстати, я тоже хочу в легион. Если Никита, то и я, – вмешалась Лави, продолжая держать мужа за руку.

– Кто бы сомневался, – весело хмыкнула Тина, с некоторой иронией глядя на влюбленную парочку.

Никита поначалу хотел возразить, но почти сразу понял, что не имеет смысла. Лави была мягкой только тогда, когда сама того хотела. В ином случае никакое давление со стороны не могло заставить девушку уступить, она становилась сталью. Впрочем, нечему удивляться после всего, что ей довелось пережить на родине. Сейчас он считывал память жены и только тихонько вздыхал. Лави как бы не тяжелее пришлось, чем ему самому на гражданской. Привыкла за время войны к полной самостоятельности. Вот и теперь – приняла решение и не отступится от него.

Что ж, значит, так тому и быть. Его жена станет не просто женой, а другом и соратником. Никита нежно поцеловал Лави в ухо и послал ей образ раскрывающегося на фоне восходящего солнца белого лотоса. Она ответила образом безоблачного голубого неба. С каждым днем после Посвящения они все больше и больше сливались в нечто единое, цельное, понимали и чувствовали друг друга все лучше.

– Нерарх! – позвала Тина. – Познакомься с Никитой, Ником и Лави. Прошу внести их в списочный состав нашего легиона. Никиту и Ника в звании лор-капитанов, Лави в звании рядового.

– Приветствую, братья и сестры, – накрыл стоявших в комнате наполненный добродушной иронией эмообраз. – Вы и сами, наверное, поняли, что я – дварх легиона. Существо я веселое и неунывающее. Ехиден. На шутки прошу не обижаться.

Он немного помолчал и спросил:

– К какому отделу приписывать?

– Внешней разведки, – ответила Тина. – К Расу с Кариной. Никита с Ником ребята бойкие, они там на своем месте будут.

– К тем двум охламонам еще и этих троих? – с сомнением переспросил Нерарх. – Ты уверена? Они же впятером весь орден на уши поставят!

– Да пускай ставят! – расхохоталась дварх-полковник. – Ордену только на пользу пойдет немного на ушах постоять. Сообщи Расу и в биоцентр. Пусть подготовят ти-анх к внедрению оборудования.

– Какого класса?

– Высшего. Включая последние модификации боевых наноботов. Мне почему-то кажется, что обычными делами Никита с Ником заниматься не будут. А раз так, сам понимаешь.

– Щас сделаю, – отозвался дварх. – Готово. Пока прощаюсь, у меня сегодня масса дел. Двойной анализ экономических тенденций в Тиуме делать придется, мне совсем не нравится происходящее у них после разгрома Проекта. Неприятно как-то касты между собой грызутся, необычно для этой страны. Очень возможно, что мы не всех там достали. Да и на твоём родном Нахрате снова какое-то непонятное брожение начинается.

– На Нахрате? – обеспокоенно приподняла брови Тина.

– Да, но что именно там происходит сказать пока не могу. Инфосеть не дает цельной картины происходящего, не получается добиться нормальной сходимости модели. Боюсь, придется кому-нибудь туда отправляться. Лучше тебе самой. Лорд Станис хорошо к тебе относится, и будет сотрудничать куда охотнее, чем с кем-либо другим.

– Посмотрим, – сказала дварх-полковник. – Выясни, что можно, потом доложишь. Спасибо за помощь, Нерарх. Всего доброго.

Внимательно слушавшие не очень понятный им обмен быстрыми эмообразами, Никита, Ник и Лави тоже попрощались с двархом и пожелали ему удачных поисков, тот ответил образом хитро подмигивающего котенка и отключился. Тина немного постояла, о чем-то напряженно размышляя.

– Мне все больше кажется, что одного легиона для разведки и контрразведки маловато, – сказала она через несколько минут. – Есть, конечно, еще «Ангелы Тьмы» Дерека, но они занимаются нашими делами только время от времени.

– Так почему бы не специализировать на разведке еще два-три легиона? – удивился Никита. – Люди, естественно, не сразу научатся, но можно временно перебросить к ним опытных профессионалов, которые помогут поставить работу как надо.

– Боюсь, так и придется сделать... – вздохнула Тина. – С каждым днем ощущение, что мы не справляемся, становится все сильнее. Пожалуй, на встрече с Мастером я подниму этот вопрос.

– Я бы сразу посоветовал взять легион Релира, – вмешался Ник. – Ребятишки там великолепные, учатся быстро. Никита вон подтвердит, за две недели на базе Проекта ни один не прокололся и не вышел из образа.

– Подтверждаю, – кивнул контрразведчик. – «Ищущие Мглу» отработали отлично.

– Учту, – эмообраз Тины переливался цветами озабоченности. – Ладно, идемте. Покажу, что здесь и как. Откройте входные порты биокомпов, сейчас сброшу информацию по нашей резиденции, тренировочных и жилых комплексах, биоцентрах и всем остальном.

– У Лави еще нет биокомпа, – заметил Никита.

– Да? – удивилась Тина. – Ну, ничего. Не позже, чем завтра-послезавтра пойдете на преобразование. А может, и сегодня вечером, чтобы времени зря не терять. Пока передаю информацию вам двоим, сами поделитесь с девушкой.

– Хорошо.

Никита закрыл глаза и привычно переключился на ускоренный режим мышления. В мозг ударила огненная волна, перед внутренним зрением замелькали обломки геометрических фигур, обрывки формул и ряды цифр. Закончив прием информации, он задействовал процедуру адаптации знаний. Еще две секунды во внешнем мире, добрых полчаса напряженной работы для него, и Никита вышел из ускоренного режима. Голова немного побаливала, но биокомп быстро справился с этой проблемой, урегулировав гормональный баланс. На скорую руку просканировав собственную память, контрразведчик задумчиво хмыкнул. Его и до сих пор изумлял такой способ учебы. Мало того, подобным образом передавались не только теоретические знания, но и практические навыки, что вообще ни в какие ворота не лезло. С этого момента он ориентировался на главной базе легиона как у себя дома. Впрочем, после поступления в легион база и становилась для новичков домом.

– Идемте, – деловито сказала Тина и открыла гиперпереход.

Все четверо ступили в него и оказались у входа в какое-то огромное белое здание, похожее на ракушку улитки, только более перекрученное. Никита порывлся в памяти и понял, что перед ним резиденция отдела внешней разведки, возглавляемая на данный момент дварх-майором Ш'Равом Хеведом, темно-зеленым драконом.

Отдел делился на четыреста основных рабочих групп от пяти до двадцати разумных в каждой. Часто группы объединялись для разработки сложных проектов. Их с Ником определили в объединившую десять других групп команду лор-капитана Раса Тонго. Странно, у командира такое же звание, как у него самого. Впрочем, будучи альфа-координатором Никита не раз отдавал приказы дварх-полковникам, и те подчинялись. Похоже, нужно подробнее разобраться в структуре и иерархии легиона. А то он что-то немного запутался...

Тина вошла в треугольную дверь, задействовала внутренний транспортер, и вскоре они оказались в большом овальном зале с мохнатыми стенами. Перед висящей в воздухе голографической звездной картой о чем-то яростно спорили два дракона, бело-синий арахн и высокий, беловолосый человек с круглыми глазами. Они не обратили на вошедших никакого внимания.

– Ш'Рав! – позвала Тина, ехидно ухмыляясь.

– Чего тебе? – недовольно повернулся к командиру темно-зеленый дракон. – Отстань, не видишь – занят!

Никита удивленно покосился на него – вот так приветствие вышестоящего офицера. Впрочем, в легионах ордена почти не было формально-уставных отношений, разве что в боевых условиях. А уж в разведке... Но все-таки ему стало несколько не по себе. Непривычен такой подход.

– Пополнение тебе привела, – проинформировала дварх-полковник, продолжая ехидно ухмыляться.

– А, те самые... – заинтересованно протянул Ш'Рав и внимательно оглядел новичков. – Хорошо. Рад. Приветствую, братья и сестра. Значит, в группу Раса? Добро. Надеюсь, Никита в этом бардаке хоть какой-то порядок наведет. Ты уж их там, лор-капитан, погоняй, на пользу пойдет. Обленились что-то, совсем мышей не ловят. А как балаган устроить, так первые.

– Постараюсь, – улыбнулся контрразведчик. – Разобраться нужно для начала, что там и как.

– Разберись, разберись, – проворчал дракон, наклонив голову набок. – Кстати, познакомься.

Синего дракона, стоявшего неподалеку, звали М'Ранг Ванхар, он тоже имел звание дварх-майора и занимал должность альфа-координатора отдела общей стратегии легиона. Бехра-Вланкса, бело-синий, очень крупный арахн, имел звание лор-капитана и был бета-координатором отдела боевых операций. Высокий, беловолосый тиумец, Ксавен Ехтимах, оказался непосредственным начальником арахна. До недавнего времени его нынешнюю должность занимала Тина, месяц назад возглавившая легион уже официально.

– Через два часа явитесь ко мне, – приказал Ш'Рав новичкам. – Надо обсудить, какими вопросами вы займетесь в ближайшее время.

– Извини, не получится, – отрицательно покачала головой Тина. – Через час нас ждет Мастер, и сколько мы у него пробудем, неизвестно. Таким расстроенным я Командора редко когда видела.

– Понятненько... – заинтересованно протянул дракон. – Тогда, ладно. Жду, как освободитесь. Похоже, нынешняя запарка нам скоро отпуском покажется.

– Очень боюсь, что ты прав, – тяжело вздохнула дварх-полковник, потирая щеку. – Что-то надвигается. И что-то очень паскудное. Хотела бы я только знать, что именно, и как с этим чем-то справиться. Очень жаль, что Кержак упустил Сартада, просто до невозможности жаль.

– Никто из нас не бог, – щелкнул жвалами арахн. – Благодарение Сплетающему Сети, что хоть остальных взяли.

– Извините, но мне кажется, что агентурная работа у нас поставлена из рук вон плохо, – негромко сказал Никита. – Если бы «Пик Мглы» случайно не наткнулся на уничтоженную колонию, мы бы и до сих пор ничего не знали о Проекте.

– Может, ты и прав, – вздохнул Ш'Рав. – Только учти, инициатива наказуема. Ты сказал, тебе эту агентурную работу и ставить.

Контрразведчик иронично приподнял брови в ответ – надо же, забыл об этой старой истине. Значит, агентурную работу ставить? Хорошо, поглядим, что в этом вопросе сделать можно. Однако стоило подождать разговора с Мастером, еще неизвестно, что после него делать придется. Но зарубку в памяти он на всякий случай сделал.

– Ладно, еще увидимся сегодня, – эмообраз командира легиона был несколько мрачноват. – Отведу ребят, познакомлю с Расом и Кариной, им вместе служить.

Она шагнула в возникшую на стене неподалеку воронку гиперперехода. Никита кивком попрощался со снова начавшими о чем-то спорить координаторами отделов и последовал примеру командира. Ник и Лави отправились за ним. Они оказались в большом, довольно уютном светлом зале, похожем на смятый шар изнутри. Прямо в воздухе висело несколько платформ, на которых сидели погружившиеся в инфопространство люди, гварды и арахны. На первый взгляд их было около тридцати, Никита не считал, внимательно осматривая место, где ему предстояло работать. Интересно. Масса непонятного оборудования. Конечно, Тина передала ему достаточно информации, и контрразведчик был уверен, что в его памяти имеется все необходимое. Но поди разберись сразу в этом ворохе данных.

Над самым полом висела треугольная платформа, на которой возвышался пульт большого биокомпа, мощности которого позавидовал бы любой вычислительный центр обитаемой галактики. На огромном голоэкрane – быстро меняющаяся абстрактная фигура. Перед экраном сидели три человека – двое мужчин и совсем юная девушка. Они быстро перебрасывались сложными многомерными эмообразами, и фигура на экране продолжала меняться. Похоже, разрабатывают какую-то социоматическую модель. Скажи Никите кто-нибудь дома, что разработка подобных моделей является одной из главных задач контрразведчика, он бы только пальцем у виска покрутил. Но землянин давно уже не был столь наивен и понимал всю полезность ситуационного моделирования.

– Рас, Карина, Стен! – позвала Тина, в ее эмообразе сквозила добрая, слегка ироничная улыбка.

– Привет, Тинк! – в унисон ответили все трое, оборачиваясь. – А, Никита, Ник, Лави! Рады с вами познакомиться, ребята!

– А мы – с вами, – улыбнулся контрразведчик, с интересом рассматривая будущих коллег.

Рас был смугловатым, с короткими черными волосами и задорным выражением внимательных, стального цвета глаз. Стен – светловолосым, с несколько грубоватым лицом, настроженным и подозрительным. Но эмофон парня ощущался чистым и светлым. Память Никита считать не стал, на это еще найдется время. Карина выглядела очень симпатичной, улыбчивой и казалась безмятежной. Но внутри вся кипела и была чем-то сильно раздражена.

– Рас – один из наших лучших оперативников, – сказал Тина. – Три удачных глубоких внедрения. Стен – очень хороший аналитик. Подбрось ему несколько совершенно случайных на первый взгляд фактов, и он выведет все их взаимосвязи за очень короткое время. Карина входит в первую десятку тактиков-ментатов ордена. К тому же, Целитель Душ. Правда, еще только учится этому искусству в Школе Духа. Ну, а о том, кто такие Никита с Ником, слышали все аарн. Альфа и бета-координаторы столь масштабных дел не остаются в неизвестности. Лави – жена Никиты.

– Еще раз привет! – встал Рас и откинул челку со лба. – Очень рад, что мы будем работать вместе. Работы – непочатый край, спать некогда, если честно.

– Разберемся, – улыбнулся Никита.

– Чем заняты сейчас? – спросила командир легиона.

– Аствэ Ин Раг, – тяжело вздохнул Стен. – Снова там что-то гнусное вызревает. После войны и уничтожения белесых все, казалось, затихло. Но ненадолго. Кстати, фанатики единственные, кроме гвардов, кто отказался принять наших послов. Синклит однозначно что-то замышляет. Вот только что? Как бы они опять в инферно не полезли.

– С них станется. Как там, кстати, наша мессия поживает?

– Твоя подопечная? Тали? Извини, уже не поживает... Два дня назад ее казнили. В кипящем масле, заживо. А из наших рядом никого не оказалось. Может, успели бы вытащить...

– Кончила, как и все мессии до нее... – закусила губу Тина, вытирая слезы. – Жаль мне ее, дитя в жизни любви и доброты не видало, а старалось дать их всем вокруг. И не вытащили бы ее, сам должен понимать. Если такова ее судьба, то не нам нарушать замыслы Создателя.

– Ты права, ее судьба не в нашей власти... – тяжело вздохнул Рас. – Мешаться в божий промысел? Нельзя. Что самое странное, легенды о том, что ее видели живой после казни, уже пошли. Наверное, девочке действительно нужно было умереть, чтобы хоть немного изменить эту страшную страну.

– Может быть, – перед глазами дварх-полковника стояла слабо улыбающаяся девушка, почти девочка, с широко распахнутыми, наполненными жалостью и добротой глазами – именно такой она запомнила Тали. – Мне просто больно ее вспоминать. Надеюсь, ее жертва не окажется напрасной...

– Дай-то бог... Долбаный Синклит еще доставит нам немало неприятностей. Надо выяснить, что там такое происходит. Наверное, придется снова внедрение организовывать. Вот только куда и к кому?

– Там увидим, – скривилась Тина, в ее глазах все еще стояли слезы. – Мне почему-то кажется, что нам вскоре не до Аствэ Ин Раг станет. Похоже, мы на пороге большого кризиса.

– Кризиса? – удивленно приподнял брови Рас. – Какого? Ведь Проект уничтожен. Что еще могло произойти?

– Не знаю. Но что-то надвигается.

– Понятненько... – протянула Карина и потерла пальцем лоб. – Будем разбираться.

– А куда мы денемся? – пожал плечами Тина. – На то мы здесь и сидим.

– Тина! – вспыхнул на стене голоэкрэн, с которого взглянул Командор. – Я освободился чуть раньше. Если вы не заняты, приходите. Лови координаты.

Аарн дружно приветствовали его. Илар улыбнулся, и каждый ощутил его любовь к ним. Никита с интересом рассматривал бессмертного мага. Лицо как лицо, только очень уж худое. Даже аскетичное. Человек как человек. Если не знать, кто он, то можно и внимания не обратить. Хотя, стоп. Глаза. В серых глазах Илара ран Дара было столько всего, что в них хотелось смотреть и смотреть. Любой, заглянувший в эти глаза, сразу понимал, что перед ним не просто человек, а нечто куда большее.

– Поймала, Мастер! – улыбнулась Тина, с тревогой глядя на него. – Сейчас будем.

– Жду, – кивнул Илар. – А почему ты плакала?

– Ты уже знаешь о Тали?

– Да, – помрачнел Командор. – Знаю. Вчера говорили с отцом Симеоном об этом. Он наложил очередную анафему на Аствэ Ин Раг и собирается канонизировать девочку. Толкуто... Прошу тебя ограничить любые контакты со святой иерархией. Там вскоре такое начнется, что не дай Создатель. Синклит себя приговорил этой казнью. Лет сто еще, может быть, продержатся, вряд ли больше.

– Почему ограничить?

– У меня возникло ощущение, что на эту страну направлен взгляд Творца. Не нам мешать ему, мы всего лишь люди.

– Хорошо, – кивнула Тина. – Мы сейчас придем.

– Целую тебя, малыш.

– А я тебя! – слабо улыбнулась молодая женщина, которую во внешнем мире называли Кровавой Кошкой.

Голоэкрэн погас, но с лица Тины еще несколько минут не сходило задумчивое выражение. Никита с некоторым удивлением смотрел на нее, но потом вспомнил, что именно она является любимой женщиной Мастера.

– Лави, – повернулась дварх-полковник к девушке. – Подожди нас здесь, пожалуйста. Ребята покажут тебе отдел.

– Хорошо, – кивнула та. – Подожду.

– Вызов Мастера... – задумчиво пробормотал Рас. – Что-то серьезное?

– Боюсь, что да, – тяжело вздохнула Тина. – Ладно, ребята, вы пока покажите Лави, что к чему, а мы пошли. Нехорошо заставлять ждать себя.

– Удачи! – помахал рукой Стен, остальные молча кивнули.

Перед дварх-полковником возникла воронка гиперпортала, и она ступила в черный провал вместе с Никитой и Ником. Ощущение растянутости, свойственное переходам на межзвездные расстояния, подсказало, что они перемещаются куда-то далеко. Оказавшись в довольно мрачном помещении с черными, медленно шевелящимися стенами и бугристым грязно-серым потолком, Тина приподняла брови. Это место было ей незнакомо. Еще одно тайное убежище Мастера? Сколько же их у него?..

Несмотря на всю их близость, маг оставался загадкой, вещь в себе, тайной за семью печатями. И пробиться к нему не было никакой возможности. Тина и не пыталась, осознавая, что слишком велика разница в возрасте и опыте. Она все равно не поймет того, что близко ему. Просто не доросла. В глубине комнаты стоял освещенный мягким светом круглый стол на одной ножке. Около него сидели Командор с Кержаком. Немного в стороне удобно расположился в кресле соответствующего размера Т'Сад Говах.

– А, явились, – недовольно проворчал черный дракон. – Приветствую!

– Рад снова видеть, – улыбнулся Никита, поворачиваясь к столу и склоняя голову.

– Здравствуй! – тоже улыбнулся Командор, Кержак что-то невнятно проворчал.

Все трое выглядели хмурыми. Эмофон в комнате был наполнен озабоченностью и тревогой. Никита переглянулся с нахмурившимся Ником. Тина права, что-то здесь не то. Что-то случилось. Что-то очень нехорошее.

– Присаживайтесь, – указал на кресла напротив Илар. – Берите себе что-нибудь выпить, сидеть нам здесь сегодня долго, так что не стесняйтесь.

Тина внимательно посмотрела на него и прикусила губу, Мастер нынче ей очень не нравился, от него веяло едва ли не обреченностью и жгучим чувством вины. Опять... Опять уверенность, что его маленькое счастье погубит всех остальных. Да сколько же можно?! И не докажешь ничего. Что о стену головой биться. Молодая женщина грустно вздохнула и села в одно из свободных кресел. Рядом уселись Никита с Ником. Каждый мысленно заказал у местного биокомпа по бокалу прохладительного напитка.

– Значит, так, – снова заговорил Командор. – То, что вы услышите в этой комнате, должно пока остаться тайной. Даже для ближайших друзей. Я покажу, как ставить щит, позволяющий отсечь все, что вы хотите скрыть. Ясно?

– Да, – ответил Никита, понимая, что дело важное, не стал бы иначе Мастер просить о секретности. Не принято в среде ордена скрывать хоть что-нибудь.

– Так вот. В ближайшие десять-пятнадцать лет очень вероятно падение ордена и физическое уничтожение большинства аарн.

Страшные слова ударили набатом. Никита неверяще уставился на Мастера. Может, это у него шутки такие? Дурные шутки, признаться. Но нет, маг не шутил. Он был полностью уверен в своих словах. Бывший красный комиссар выглядел не менее ошеломленным. На Тину вообще стоило посмотреть отдельно – командир «Бешеных Кошек» раскрыла рот, в глазах застыло не поддающееся описанию изумление. Контрразведчик прикусил губу и задумался. Вспомнил собственное предчувствие надвигающейся катастрофы и кивнул. Мастер, похоже, прав. Как ни грустно это признавать.

– Причины? – резко спросил Ник, достав из кармана очередную сигару и закурив.

– Если бы я их знал... – тяжело вздохнул Командор. – Дай-ка и мне.

Комиссар протянул ему портсигар, маг взял сигару, кивком поблагодарил, поджег и затянулся. Тина снова застыла – никогда на ее памяти он не курил!

– Мы знаем только одно, – продолжил вместо Илара Кержак. – Падение возможно. Если бы знали причины, могли бы заранее принять меры и устранить опасность. Но пока мы знаем только то, что механизм пророчества запущен. Куда он приведет, неясно.

– Пророчества? – переспросил ничего не понимающий Никита.

– Именно, – ответил Мастер, после чего глубоко затянулся и выпустил клуб дыма. – Это началось больше тысячи лет назад...

Никита тщательно обдумывал каждое сказанное слово и недовольно кривился. Никогда раньше не думал, что придется принимать во внимание чьи-то пророчества. Но здесь действительно что-то серьезное, маги уровня Командора и Кержака не будут вставать на дыбы из-за пустяков. Да и Т'Сад. Значит, тройная вилка событий? И первое условие выполнено? Мать твою! Это какая же сволочь приговорила Мастера к тысяче лет боли и одиночества?! Да еще и поставила этот кошмар условием сохранения ордена и жизней остальных аарн! Никита хорошо понимал, что для Илара они все – его дети, и маг сделает ради них что угодно. И было до невозможности стыдно, что он не в силах хоть чем-то помочь.

– Мы решили не ждать покорно беду, а сделать, что можем, – продолжил Мастер. – Раз существует вероятность нашей гибели, то мы обязаны создать возможность возрождения. Спросите, зачем? А чтобы нашим последователям не пришлось начинать с пустого места. Иначе говоря, создать внутри государств галактики тайную структуру с неограниченными возможностями. Экономическими, научными, производственными, военными, разведыватель-

ными. Плюс, организация убежищ, в которых смогут переждать беду оставшиеся в живых. Создание этой структуры решено поручить вам троим.

Никита ошеломленно откинулся на спинку кресла и залпом выпил свой бокал. Буквально с первого дня в ордене время понеслось для него вскачь. На колчаковского контрразведчика сразу же навалилась огромная ответственность. Но та ответственность не шла ни в какое сравнение с нынешней. С тем, что хотел поручить ему Мастер, справиться будет ой как нелегко. Задача неподъемна, но Командор прав, меры на случай падения принять необходимо. Срабатывает там это пророчество, или нет, бабушка надвое сказала, но готовым нужно быть к любому исходу.

– Почему мы? – прищурился Ник, снова закуривая. – Мы ведь только прошли Посвящение.

– Вы очень хорошо поработали в деле с Проектом, на удивление хорошо. Наградой за хорошо сделанную работу является более сложная работа, – осклабился Т'Сад. – По крайней мере, у нас.

Красный комиссар от души расхохотался. Действительно. Лучшую награду придумать трудно. А задачу Мастер поставил интереснейшую, настолько, что он уже предвкушал безумное напряжение всех физических и духовных сил, и мысленно потирал руки. Откровенно говоря, удивительно, что такую структуру на всякий случай не создали давно.

Ник не питал иллюзий, зная, как ненавидят в галактике орден. Особенно – власть имущие, для которых само существование общества счастливых людей было костью в горле. Сейчас пошло временное смягчение отношений, но вряд ли это надолго. Люди, для которых выгода – самое святое, способны на что угодно. И если предоставить им малейшую возможность, они с радостью затопчут орден Аарн, мешающий им окончательно закабалить разумных и превратить их в безответных рабов.

– Слишком масштабное дело для троих, – эмообраз Никиты горел оттенками озабоченности и тревоги.

– Можете привлекать всех, кого сочтете нужным, – внимательно посмотрел на него Мастер. – Но вы трое становитесь альфа-координаторами и все нити должны держать в своих руках. Не дай Создатель, если хоть какая-то информация о создаваемой вами организации просочится во внешний мир.

– Это как раз понятно, – отмахнулся контрразведчик. – Дело в другом. Структура должна быть полностью независима от ордена, люди, работающие на нее, не должны иметь никакого понятия, на кого именно они работают. А я пока не совсем представляю, как это реализовать.

– Надо думать, – сказала мрачная Тина, до сих пор молчавшая. – Что-нибудь да придумаем. Вопрос в том, что как бы мы ни старались, убежища для всех аарн не создать.

– К сожалению... – вздохнул Мастер. – Сколько их было по последней переписи?

– Больше восьмисот миллиардов, – ответил Т'Сад, привычно постукивая когтем по клыкку. – Ты что-то говорил о генераторах стазис-поля вокруг звездного скопления Давиг?

– Говорил, – согласился Илар. – И эти генераторы будут построены вместе с необходимыми для них хранилищами энергии. Стазис, разработанный пять лет назад Багом Бенсоном, имеет структуру, отличную даже от структуры стазис-поля Предтеч. Закапсулированный объект обнаружить практически невозможно. Но время для этого объекта останавливается. То есть, если закрыть стазис-полем человека, он может провести в нем миллион лет и, выйдя, будет уверен, что прошло всего несколько секунд.

– Сколько пригодных к жизни планет в скоплении Давиг?

– К сожалению, немного – всего лишь около сорока. Скопление очень маленькое, но на большее у нас не хватит ресурсов. Придется исходить из того, что есть. Я и так не уверен, что получится закрыть стазис-полем целое звездное скопление, генераторов такого размера и мощности не строил никто и никогда. Но все равно будем строить. Плюс, на непригодных к

жизни планетах Давига стоит создать склады всего необходимого, а также разместить в пространстве скопления несколько тысяч боевых станций и дварх-крейсеров. На всякий случай. Неизвестно сколько сотен или тысяч лет Давиг простоит закрытым после катастрофы.

– К сожалению, катастрофа может произойти неожиданно, и мы просто не успеем эвакуировать туда всех, – проворчал черный дракон.

– Да, не успеем, – жестко ответил ему Кержак. – Спасти всех возможности нет, это ясно уже сейчас. Хотя бы некоторых, и то дело.

– Это все на случай войны, – поморщился Илар. – А что, если произойдет природная катастрофа или что-нибудь в том же духе?

– Сомневаюсь, – отмахнулся орк. – Уж отголоски подобной катастрофы в вероятностном пространстве магии нашего уровня уловят загодя.

– К сожалению, рассуждать о том, что может свалиться на наши головы, совершенно бесполезно. Надо делать все, что мы сделать в силах, и не опускать заранее руки, – кивнул Командор.

– О! – обрадовался Т'Сад. – Слава Создателю, он больше не ноет, а делом решил заняться!

– А что, если я возьму сейчас чей-то черный хвост и сверну из него спираль? – задумчиво спросил Илар, с иронией поглядывая на черного дракона, который на всякий случай подтянул хвост поближе и попытался спрятать его за кресло. – Красиво получится. Тоже ведь дело...

– Мой хвост здесь вовсе даже ни при чем! – заявил дварх-адмирал и сделал вид, что обиделся. Однако его эмофон так и брызгал смехом.

Илар расхохотался, а вслед за ним рассмеялся и сам Т'Сад. Кержак задумчиво посмотрел на них, потом глубокомысленно постучал себя пальцем по лбу, сам, правда, всю ухмыляясь. Никита посмеивался себе под нос – Мастер открывался с несколько неожиданной стороны. Так перегавкиваются только очень хорошие друзья. Похоже, дварх-адмирал с Мастером довольно близки. Тина тоже хихикала, поглядывая на прячущего хвост дракона, она уже немного успокоилась и задействовала часть мыслительных потоков на обдумывание предстоящего дела. И понимала, что столь сложной задачи перед ней еще ни разу не стояло. Работа предстояла грандиозная, и дварх-полковник не слишком представляла, с чего вообще начинать.

– Мастер, – заговорила она, окончательно поняв, что «Бешеные Кошки» в одиночку с поставленной задачей не справятся. – Мы и текучку-то на пределе тянем. А с новым делом станет совсем невмоготу.

– Что ты предлагаешь?

– Специализировать для разведки и контрразведки еще несколько легионов. Возможно, создать новые. Проект доказал, что наши спецслужбы работают отвратительно.

– По поводу новых легионов... – задумчиво проговорил Никита, которому пришла в голову совершенно неожиданная идея. – Не знаю, что творится сейчас на моей родине, но там без дела сидят множество талантливейших людей. В эмиграции. Несколько моих знакомых эмигрировали еще в восемнадцатом, и среди них есть пара человек, которые вполне могли бы стать моими помощниками в этом деле.

– Да и у меня несколько таких найдется, – прищурился Ник. – Они не совсем ко двору в Красной армии, а нам пригодятся.

– Так в чем проблема? – пожал плечами Илар. – Тебе достаточно кинуть клич, добрая сотня капитанов дварх-крейсеров охотно отзовется. Набрать легионеров в команду тоже проблемы не составит, их сейчас немало без дела болтаются и скучают. Тот же Релир со своими «Ищущими Мглу». Или Рен с «Коршунами Ада», он, кстати, вчера возглавил легион. За тобой сейчас любой пойдет, ты у нас личность известная. Бери – и вперед. Только постарайся побыстрее.

– Спасибо за лестный отзыв, – слегка покраснел Никита. – Но для проникновения в закрытую область пространства нужна особая аппаратура, а она установлена только на «Пике Мглы».

– Попроси у Бага Бенсона информацию по технологии выращивания измененных гипергенераторов, – иронично оскалился Т'Сад. – Любой дварх вырастит их на своем крейсере за два-три дня. Пока вы преобразование проходить будете, они и справятся.

Никита только плечами повел. Он-то думал, что ему станут возражать, в крайнем случае, дадут только «Пик Мглы». Потом вспомнил, что в ордене каждый имеет право на реализацию своих идей. Получится – честь тебе и слава. Не получится – пытайся снова. И так до тех пор, пока не сможешь сделать хоть что-нибудь. Никто, никого и никуда не гнал, но оставаться бесполезным, ничего не создающим обывателем? Ни одному аарн такое и в голову прийти не могло. Их жажда делать что-то нужное до сих пор изумляла Никиту, да он и сам уже ощущал эту жажду. Наверное, следствие Посвящения. К тому же, Рен говорил ему как-то, что обыватель вообще не сумеет пройти Посвящение, попросту сойдет с ума. Душа должна быть готова стать иной, перейти на более высокий, более чистый уровень.

– Значит, основная задача поставлена, – резюмировал Илар после пяти часов обсуждения. – Примерные наметки тоже сделаны. Перед отлетом жду ваших предложений по конкретному распределению задач между исполнителями.

– Мастер, – посмотрел на него Никита, – значит, ты не против, если я заберу у тебя Рена с Кером? Мы очень хорошо сработались.

– У них самих спроси. Я ничего против не имею. Оба весьма и весьма толковы, справятся. Только Кера постарайся надолго не отсылать – он обладатель темных мечей, и неизвестно, когда его сила может понадобиться.

– Что ты сказал?! – взвился Кержак. – Тех самых мечей Тьмы?! Которым больше ста миллионов лет?

– Да, именно их я и имел в виду, – кивнул удивленный Илар. – А что?

– А то, что сила, в них воплощенная, способна побороться с любым пророчеством! – сердито рявкнул орк. – И ты мне не сказал, что мечи Тьмы в ордене?!

– Это уже интересно... – протянул Мастер, внимательно глядя на шамана. – Ты уверен?

– Нет! – резко махнул рукой Кержак. – Это только древние легенды. Но проверить мы обязаны.

– Обязаны, – согласился Илар и повернулся к Никите. – Извини, Рена отпустить могу, а Кера – пока никак.

– Понимаю, – кивнул контрразведчик. – Кто из магов будет работать с нами?

– Я, – проворчал Кержак. – Еще Николай, Семин и Гракх. Когда задача окажется им по силам.

– Да и ко мне в случае необходимости обратиться можно, – пожал плечами Илар.

– А потом ты трое суток в каюте от боли корчиться будешь, – скривился орк. – Спасибо, как-нибудь постараемся без тебя обойтись. Лучше побыстрее обучи нас совмещению вероятности с первозданными силами.

– Хоть завтра. Но это ведь не только от меня зависит. Первозданные силы обладают своим сознанием и могут не захотеть работать с кем-то другим.

– На мой призыв они уже откликались, – довольно ослабил Кержак.

– Тогда все просто, – кивнул Илар. – Жду тебя с учениками завтра утром. Касра чтобы пришла обязательно, ей давно пора осознать свою силу.

– Будем, – кивнул шаман, вставая. – Ладно, пока прощаюсь. А ты ляг, да поспи.

– Что я вам, дите малое? – рассердился Командор. – Каждый стремится нянькой стать! Достали уже!

– А за тобой не проследи, – громогласно хохотнул Т'Сад, – так точно себя в гроб загнишь.

– Да ну вас всех! – не выдержал Илар, рассмеявшись. – Заботливые вы мои...

– Никита, – обернулась к несколько удивленному контрразведчику Тина. – Я здесь остаюсь, а вы возвращайтесь. И сразу в биоцентр! Преобразование займет больше трех суток, а времени терять нельзя.

– Но мы хотели для начала подобрать корабли и людей для вояжа на Землю! – возразил он.

– Уж с этим я как-нибудь справлюсь, – отмахнулась дварх-полковник. – Думаю, четырех-пяти атакующих эскадр и сотни тысяч легионеров хватит.

– Зачем столько-то? – удивился Никита.

– Мало ли, – проворчала Тина. – Лучше перестраховаться. Помнишь мета-корабль?

– Такое вряд ли забудешь.

– Есть у меня небольшое подозрение, что где-то неподалеку от вашего пространственного мешка или прямо в нем тихонечко себе прячется база Предтеч. Где-то ведь мета-корабли заправляются и ремонтируются. Где именно, мы так до сих пор и не выяснили.

– Значит, поищем, – покивал контрразведчик. – Это тоже важно. Представляешь, что будет, если однажды нам на головы свалится флот в десяток тысяч мета-кораблей?

– Не дай Благие! – Тину даже передернуло от столь «радужной» перспективы.

Никита ухмыльнулся и попросил ближайший биокомп открыть им с Ником гиперпереход в расположение группы Раса. Попрощавшись со всеми присутствующими, они переместились и снова оказались в том же светлом, похожем изнутри на смятый шар, помещении, из которого отправились на встречу с Командором.

Возле одного из терминалов биокомпа сидела откровенно скучающая Лави. Ощувив присутствие мужа, она вскочила на ноги и бросилась к нему. Никита ласково поцеловал жену в лоб и послал ей успокаивающий образ березового леса ранней весной. Лави радостно рассмеялась и прижалась к нему. Тревога молодой женщины на глазах растворилась и сменилась радостью.

Но в эмофоне помещения четко ощущалось напряжение. Никита оглянулся и нервно передернул плечами – почти сотня людей, гвардов, арахнов и драконов выжидающе уставились на него. Откуда только они все здесь взялись? Вся команда, что ли, собралась? Похоже на то. Надо что-то сказать им. Но что?

– Прошу не беспокоиться! – заговорил вместо него Ник. – Мастер поручил нам очень важную и срочную работу. Большинство «кошек» тоже будут подключены к этому делу. Текучку придется оставить на потом. Хотя за нас ее все равно никто не сделает.

– Это как раз понятно, – прищурился Рас. – Но что именно вам поручили?

Контрразведчик переглянулся с комиссаром. Все говорить никак нельзя, но кое-что сказать необходимо. Основное скрыто за ментальным экраном, ставить который научил их Мастер, так что прочесть важную информацию не сможет никто. Не хотелось заводить тайн от своих, но выхода не было.

– Мы должны создать тайную структуру в государствах галактики, способную адекватно и быстро реагировать на любую угрозу ордену, – сказал в конце концов Никита, очень осторожно подбирая образы. – Структуру самостоятельную, независимую от нас. Не дело отвечать военной силой на то, что может быть нейтрализовано с помощью хорошей службы безопасности, имеющей агентуру везде, где только можно. И тем более, где нельзя.

– А ведь здравая мысль, хвост Проклятого мне в глотку... – задумчиво протянул Стен. – И почему это никому в голову раньше не пришло? Помнишь, Рас, как мы на Мооване со снафферами разбирались? Именно таким вот проникновением.

– Беда в том, что почти никто из нас не способен долго жить вне ордена... – вздохнул тот. – Особенно в среде жестоких и подлых людей. Тебе ли не знать.

– Да, это проблема, – ответил вместо Стена Никита. – Но мы ее решим. Пока принято решение о расширении разведывательных служб до восьми легионов. Четыре из них будут создаваться с нуля. И создавать их, друзья, нам с вами.

– Работенка та еще... – скривилась Карина.

– Людей на один, а то и на два мы сможем набрать на нашей родине, – сказал Ник, падая худым задом на пол, откуда ему навстречу выпрыгнуло кресло. – Там сейчас много талантливых контрразведчиков с немалым опытом в эмиграции мается. Через несколько дней отправляемся, Тина завтра подберет эскадры и легионеров.

– С удовольствием полетим с вами, – ухмыльнулся Рас. – А то что-то закисли мы тут.

– Буду рад, – кивнул контрразведчик. – А сейчас извините, Тина приказала нам срочно явиться в биоцентр на преобразование.

– Удачи! – пожелал Стен, Ник в ответ послал свой коронный эмообраз, от которого грохнула хохотом вся группа.

Оказавшись в биоцентре, они сразу же попали в руки ожидавших новых пациентов Целителей. Те деловито принялись делать анализы, понять их эмообразы было затруднительно для неспециалиста. Никиту, Лави и Ника заставили раздеться догола и принялись от души гонять на каких-то спортивных тренажерах, заносая в память биокомпа данные о граничных усилиях для каждой группы мышц.

Никогда в жизни контрразведчик так не выматывался, как за эти несчастные три часа в биоцентре, ни разу его так не гоняли. Вскоре каждый мускул тела дрожал и жалобно просил пощады. Но пощады Целители не давали. Когда сбор необходимой для программы преобразования информации был завершен, Никита обессиленно рухнул в ближайшее кресло и долго отфыркивался, залпом выпив не меньше литра какого-то сока. Рядом сидела не менее измотанная Лави. Худой Ник вообще выглядел похожим на скелет и никак не мог прийти в себя.

– Теперь прошу пройти за мной, – эмообраз подошедшего Целителя, высокого блондина лет тридцати, был окрашен в холодноватые, голубоватые тона деловитости.

С трудом встав, Никита помог подняться Лави и Нику. На заплетающихся ногах они поковыляли за ехидно ухмыляющимся Целителем. Зайдя в знакомое по «Пику Мглы», похожее на желудок огромного животного помещение госпиталя, облегченно вздохнули. Слава тебе, Господи, все закончилось, новых физических нагрузок не предвидится. В полу исходили пузырями три ямы ти-анх. Целитель молча показал на них, послав ободряющий эмообраз. Никита улыбнулся ему, помог жене спуститься в одну из ям, после того сам забрался в другую. Дно начало медленно уходить из-под ног и одновременно гасло сознание. Не успела розовая слизь ти-анх дойти до губ, как оно погасло окончательно.

* * *

Тартик уныло пинал мяч на площадке, не понимая, как ему жить дальше. С того дня, как он побывал на могиле у мамы, прошло десять дней, и он до сих пор не пришел в себя. Но если бы только это! Увы, дело было совсем в другом. Мальчишка изменился после того, как сам побывал на краю гибели и спас от смерти девочку. После того, как узнал, что мама его не предавала. Но все друзья помнили вожака своей компании прежним, и не поняли, что он уже не тот. Что он стал другим. Они продолжали привычно третировать Ленни и Саркиса, очень удивляясь, что Тартик больше не желает участвовать в их развлечениях. А когда он пытался объяснить, что они ошибаются, как раньше ошибался он сам, только пожимали в ответ плечами. Они просто не понимали.

И Тартик был потрясен их непониманием. Хуже всего было от осознания, что это под его влиянием друзья стали такими. При виде плачущего Саркиса, забившегося в угол, Тартика передергивало, ему казалось, что он сам такой же, каким был отчим-убийца. Он попытался

остановить издевательство и даже подрался с Мереком, бывшим раньше его ближайшим другом. После этой драки друзья отвернулись от бывшего вожака, а те, над кем раньше издевался Тартик, тоже не приняли, не поверив, что он изменился. И мальчишка остался в полном одиночестве. В пустоте.

А тут еще Барлик куда-то уехал. Уже целых пять дней директора не было, и Тартик отчаянно скучал. Книги и инфофильмы не могли заполнить дефицит общения. Советы сержанта тоже не помогали, исправить ситуацию не удавалось – от него шарахались и те, и другие. Обидно было до слез, но плакать себе мальчишка не позволял. Он – сильный! Он – справится! И Проклятый с ними со всеми. Но обида никуда не уходила, и Тартик никак не мог понять, что ему делать. Самых слабых он взял под защиту и вступался, если кто-нибудь из бывших друзей пытался действовать привычным образом. Драться с Тартиком один на один никто не рисковал, знали уже, что бесполезно. Налетать толпой тоже не хотели, понимая, что такая драка полностью уничтожит шансы группы выиграть галактический круиз. Полететь хотелось каждому, поэтому внешне все было тихо и благопристойно. Но только внешне!

Странный свист сверху привлек внимание Тартика, он поднял голову и замер на месте с открытым ртом. На спортивную площадку детского дома медленно опускались три лам-истребителя в походной стреловидной форме. Живые машины двигались слаженно, казалось, их ведет одна рука. Несколько мгновений – и перед Тартиком, в каких-то ста метрах, стояли на трехметровых суставчатых опорах три бесформенных овоида. Мальчишка никак не мог заставить себя сдвинуться с места, он снова вспоминал невероятное ощущение лам-истребителя своим телом. И страстно завидовал пилотам этих живых машин.

Со всего детдома на спортплощадку сбегались воспитатели, дети, учителя. Возле крайнего истребителя закрутилась воронка гиперперехода, откуда вышел добродушно улыбающийся Барлик, одетый, как обычно, в черные шорты и разодранную красную косоворотку. Специально он ее, что ли, рвет? Длинные волосы директора торчали во все стороны, и выглядел он сейчас сущим бродягой. Тартик обрадованно посмотрел на него – вернулся, уж он-то поможет разобраться с трудной ситуацией. Директор быстро окинул взглядом площадку, заметил замершего неподалеку мальчишку и направился к нему.

– Что, брат, нелегко? – сочувственно спросил он, положив руку Тартику на плечо, от чего тот едва не расплакался. – Быть добрым всегда трудно. Но мы ведь сильные?

– Да!

– Значит, справимся, – улыбнулся чем-то очень довольный дварх-майор. – Идем гостей встречать.

Он взял Тартика за руку и повел его к лам-истребителям, уже окруженным толпой детей и воспитателей. Краем глаза Барлик отметил, что неподалеку стоит Вельма со своей мамой. Ясно, девочка решила пригласить мать в гости, показать все, о чем рассказывать просто бесполезно. Очень хорошо! Чем больше будоражащих воображение слухов о новом облике детских домов пойдет по Трирроуну, тем лучше.

Новые идеи приживаются нелегко, и важно, чтобы люди своими глазами видели результат их применения. Тысячи прекрасных слов не заменят одного маленького доброго дела. Главное, не навязывать своего образа мыслей, а осторожно подтолкнуть людей к тому, чтобы они думали сами и сами делали выводы из увиденного. Пожалуй, стоит подарить кое-какие полезные вещи самым бедным школам. Особенно, в далеких провинциях. Триррад все-таки столица, и здесь кое-что есть. Тогда как в провинции...

– Друзья! – заговорил директор, выходя вперед. – Вы все знаете историю трех мальчишек, укравших боевые истребители и обеспечивших ордену победу в бою за научную станцию Проекта?

– Да! – нестройно заорали дети, готовясь к новому сюрпризу Барлика. – Знаем!

– Так вот, сегодня они у нас в гостях! Итак, приветствуйте! Васька, Сандер и Рамек! Лор-лейтенанты второго атакующего флота ордена Аарн!

В днище одного из лам-истребителей с влажным чмоканьем открылась мембрана входного люка и оттуда медленно опустился на траву отчаянно рыжий, весело хохочущий мальчишка. Он был совсем голый, тело покрывала какая-то буроватая слизь. Однако прошло всего лишь несколько секунд, и рыжий вдруг оказался в черно-серебристой форме ордена, слизь с лица и волос куда-то подевалась. Тартик даже не заметил, каким образом.

Тем временем появились пилоты остальных двух истребителей, тоже мальчишки. Один – русоволосый, веснушчатый, второй – смуглый брюнет, выглядящий типичным трирроунцем. Они тоже мгновенно оказались одетыми в форму и заулыбались не менее задорно, чем их приятель. Тартик зачарованно смотрел на них и бешено завидовал. Этот русский со странным именем Васька и был тем, кто прорвался через астероидный пояс к оружейным платформам.

– Привет, ребята! – заговорил рыжий, – меня иногда Сандером кличут. Но чаще всего юным разбойником или разгильдяем непутевым.

– А как тебя еще называть? – приподнял бровь хитро ухмыляющийся Барлик. – Разбойник и есть. Как где шкода, так тебя искать надо, не ошибешься.

Сандер снова расхохотался. Он смеялся так заразительно, что вслед за ним начали смеяться детдомовцы и даже кое-кто из воспитателей. Вельма, по крайней мере, хохотала, держась руками за живот. Ее мать с некоторым удивлением поглядывала на дочь, не зная еще истории прилетевших мальчишек.

– Васька, Рамек! – представились остальные двое.

Дети окружили их и отчаянно загалдели, каждый спрашивал о чем-то своем. Но троица мальчишек-аарн не растерялась, они каким-то образом успевали отвечать каждому. Тартик остался стоять в стороне, не желая быть бесцеремонным. Он не видел, что Барлик встретился глазами с Васькой и на секунду опустил веки. Тот понимающе усмехнулся и выбрался из толпы.

– Привет! – сказал он, подойдя к хмурому мальчишке. – Тебя как звать? Меня Васькой, если не знаешь.

– Тартиком, – ответил тот, очень удивившись.

– Ты так на истребители смотришь... Прямо как я, пока летать не разрешали. Любишь летать?

– Ага... Меня однажды на лам-истребителе катали. Даже порулить дали, а потом сказали, что я прирожденный пилот.

– Не брешешь? – удивленно спросил Васька.

– Не-а.

– Да... Тогда тебе тяжело. Хочешь полетать?

– Еще бы! – даже подпрыгнул Тартик.

– Щас организуем, – подмигнул ему Васька. – О, вспомнил. Мне ведь говорили, что у вас здесь два прирожденных пилота есть. Забыл. Один точно Тартик, а второй... То ли Саркес, то ли Саркас...

– Саркис! – уточнил Тартик. – Никогда бы не подумал. Он же совсем слабый, все время ревет.

– Так помоги ему, – посоветовал юный пилот. – Человек плачет, когда ему больно. И страшно. Если ты станешь пилотом, твоей задачей будет защищать слабых, сделать так, чтобы они не плакали. Честно, если бы я увидел, что кто-нибудь слабого пацана обижает, дал бы обидчику в морду. По-простому, без выкрутасов. Такие ничем не лучше махновцев.

Тартик отчаянно покраснел, вспомнив, что сам творил совсем недавно. Как перед ним на коленях стояли взхлеб рыдающие Саркис с Ленни, а он с презрительной ухмылочкой отвечивал плачущим пощечины. Ой, мамочка... Кем же он был?..

– А кто такие махновцы? – спросил мальчишка, чтобы отвлечься.

– Они моих мамку с тяткой повесили... – хрипло ответил Васька, вытер слезу и отвернулся.

– Как повесили? – растерялся Тартик.

– А как вешают? – удивился пилот. – За шею.

– П-почему?..

– Покуражиться захотелось... – закусил губу Васька. – Пришли в деревню, ограбили, а потом мамку с тяткой и дядьку Максима повесили. Чтоб силой своей похвастаться. Понял, почему те, кто над слабыми измываются, не лучше махновцев?

– Понял... – с трудом выдавил из себя Тартик, потом нахмурился, вздрогнул и признался: – Я таким же был... Над Саркисом и остальными издевался. Стыдно теперь...

– Раз говоришь – был, – усмехнулся Васька, – то уже нет?

– Никогда больше! – вскинулся Тартик. – У меня тоже маму убили! Отчим насмерть забил... Я не знал и думал, что она меня предала, бросила. Всем вокруг отомстить хотел...

– А чего мстить невинному? Так легко стать таким, как твой отчим. Он, наверное, тоже на твоей маме злость за что-то срывал.

– Не хочу быть таким, как он... – мертвенно побледнел Тартик. – Не хочу!

– Так не будь, – как-то странно посмотрел на него Васька. – Кто ж тебя заставляет?

– Сам заставлял... – признался мальчишка и уставился в землю.

– Вот и зря! – хлопнул его рукой по плечу юный пилот. – Пошли, погуляем, покажешь, что у вас здесь есть.

– Пошли...

Барлик внимательно следил за удаляющимися по тропинке двумя мальчишками и почти незаметно улыбался. Он один знал, сколько усилий пришлось приложить, чтобы привезти сюда трех юных хулиганов. А уж с дварх-капитаном «Ночного Охотника» Барлик спорил добрых два часа, но все-таки уговорил неуступчивого алого дракона разрешить ребятам взять лам-истребители. Ведь Сандеру с приятелями запретили даже подходить к истребительным отсекам крейсера до окончания ими Тарканской военно-космической академии, в просторечии чаще всего именуемой Тарканаком. Именно туда они должны были отправиться после Посвящения Васьки и Рамека.

Барлик перехватил юных пилотов перед самым отлетом на Таркан. Только под честное слово Воспитателя их отпустили с ним, хотя старший брат Васьки, Иван, очень долго сопротивлялся.

О проведенной с мальчишками подготовительной работе Барлик не хотел даже вспоминать. Васька поначалу просто не понял, чего от него хотят. Пришлось заложить ему в память все, что происходило в детдоме номер четырнадцать, и дать подумать немного. Самому. Понял. Все понял и сейчас совершенно правильно работает с Тартиком. Умница.

Директор перевел взгляд на Мерека, Кинса и Валега, бывших друзей Тартика. Теперь нужно разбить эту дружную троицу, заставить каждого из них задуматься. Они так и не поняли, что произошло с их бывшим вожаком, за которым раньше готовы были идти в огонь и в воду. Почему он так изменился? Мерек еще и сильно обиделся за то, что Тартик подрался с ним, защищая Саркиса, над которым раньше сам измывался. Ничего, сегодня они кое-что поймут. Пусть немного, но и то дело. Валег уже задумывается, Мереку мешает обида. Но вот Кинс...

Мальчишка трусоват и подловат. Он успел побывать беспризорником, и улица наложила на него свой страшный след. Утверждая себя за счет унижения другого, Кинс испытывал наслаждение, в отличие от остальных из своей компании. Будь он эмпатом, как дети аарн, все оказалось бы просто. Но вот как доказать не-эмпату, что ничего хорошего от унижения других он не получит? Ведь вся его жизнь говорила о другом. С раннего детства Кинс видел, что сильные и богатые – жестоки и подлы. Кинс тоже хотел быть богатым и сильным. И верил, что сначала нужно стать жестоким и подлым. Хотя если он останется в полном одиночестве, то начнет что-

то искать, не понимая, почему все не так, как раньше. Почему от него отвернулись все вокруг. Этот момент надо поймать и надавить на чувствительную точку. Жестоко, но иного выхода нет.

Вздыхнув, Барлик бросил Ваське эмообраз, что пора бы и возвращаться. Вскоре на тропинке появились оживленно о чем-то беседующие новые приятели. Итак, наступает момент истины... Или не наступает? Посмотрим. Директор с интересом наблюдал за лицом приближающегося Тартика и кивал своим мыслям. И что мы видим? Мрачная решимость, даже обреченность. Хорошо, решился, значит.

Подойдя поближе, Тартик протолкался в центр толпы.

– Все меня слышат? – громко спросил он.

Удивленные дети замолчали, поворачиваясь к нему. Они привыкли, что Тартик почти все время молчит.

– Я прошу прощения у всех, над кем смеялся и издевался! – глаза мальчишки горели каким-то лихорадочным огнем. – Прости меня, Саркис! Прости меня, Ленни!

Он поименно называл тех, над кем когда-то измывался, и у каждого просил прощения. Ошеломленные невероятным происшествием Мерек с Валегом открыли рты, Кинс брезгливо поморщился. Остальные дети ничего не понимали, они с изумлением смотрели Тартика.

– И у тебя, Мерек, я прошу прощения! – подошел мальчишка к бывшему другу. – За то, что научил тебя быть палачом! Слышишь? Мы с тобой звери и палачи!

– Бреешь! – возмутился тот.

– Мою маму отчим насмерть забил... – хрипло сказал Тартик, ухватив бывшего друга за грудки. – Она ведь слабая была. Так чем мы с тобой лучше зверя, который мою маму убил? Чем?!

– А ничем, – подошел к ним рыжий Сандер и хлопнул Тартика по плечу. – Ты молодец, парень! Не струсил. Не побоялся извиниться, когда понял, кем становишься. Ты сильный, а они как раз слабаки. У нас с теми, кто над слабыми издевается, даже говорить никто не станет. Обойдут, как кучу говна обходят.

– Неправда! – затряслись от обиды губы Мерека. – Я – не палач! Не зверь! Ты сам говорил, что слабаков давить надо!

– Дурак был, вот и говорил, – криво усмехнулся Тартик. – Им помочь нужно сильными стать, слышишь, Мерек, помочь.

– Он дело говорит, – вмешался Васька. – Ты думаешь, что сильный, так помоги тому, кто слабее. Бить его по морде просто, каждый дурак сумеет. А вот научить быть сильным... Научишь, до земли тебе поклониться можно. А будешь издеваться – станешь таким, как отчим Тартика.

Барлик отвел взрослых подальше, чтобы, не дай Благие, не испортили ничего. Он внимательно отслеживал эмоции каждого из детей и кивал. Не зря он привез сюда Ваську со товарищи. Ох, не зря. Тартик уже никогда не вернется к прежнему – это раз. Мерек и Валег задумаются, сильно задумаются – это два. Даже Кинс сейчас пытался понять, что происходит. Не принимал, но хотя бы пытался понять. Уже много.

– Думайте, братцы, – хмыкнул Васька и широко улыбнулся. – Сами. А то отвернутся от вас все, как жить-то станете? А мы пока с Тартиком и Саркисом на лам-истребителях покатаемся. Они у нас прирожденные пилоты. И сами космолетами управлять будут!

Ухмыляющиеся Рамек с Сандером подошли к упомянутым двоим и положили им руки на лбы. Саркис, мелкий, чернявый, болезненно худой мальчишка с затравленными глазами вечной жертвы, вскрикнул, а Тартик только выгнулся, когда каждому в мозг ударила огненная волна. Когда они открыли глаза, то поняли, что умеют управлять живыми машинами, знают, как те работают и что из себя представляют.

– Mamочка... – прошептал ошеломленный Саркис. – Mamочка, я умею! Я летать умею!

– И я! – вторил ему совершенно счастливый Тартик. – Умею!!!

Он расхохотался и закружился по площадке в танце.

– А палачей никто учить летать не станет, – издевательски поклонился Васька Мереку, разведя руки в стороны. – Палачам в небе не место!

Потом подхватил под руки Тартика с Саркисом и повел их к лам-истребителям. Пришлось долго уговаривать детдомовцев раздеться догола, живые машины отказывались принимать в кабину пилота, на которого было надето хоть что-нибудь. Наконец мальчишки разделись, и каждый из них медленно всплыл в воздух, скрывшись в открытых мембранах люков, сразу после этого с влажным всхлипом закрывшихся. Несколько минут ничего не происходило, а затем все три лам-истребителя низко загудели и медленно всплыли метров на двадцать вверх, втянув в себя опоры. Бесформенные овоиды превратились в стремительные, узкокрылые силуэты, на секунду задержались на месте и рванулись в небо, почти мгновенно исчезнув из виду.

Дети восторженно завопили и запрыгали по площадке – ведь истребителями сейчас управляли не аарн, а двое из них, привычные и до последней черточки знакомые Тартик с Саркисом. Дварх-майор ничуть не беспокоился, зная, что на самом деле все три машины контролирует Васька, а за ним самим на всякий случай надзирает Мериарх, готовый мгновенно перехватить управление.

На застывших в стороне мальчишек из бывшей компании Тартика никто не обращал внимания. Никто, кроме директора. Только он видел, что по лицу Мерека текут слезы, а дрожащие губы крупного для своих лет парнишки беспрерывно шепчут: «Я – не палач... Я – не палач... Я – не палач...»

Барлик удовлетворенно кивнул. Последние слова Васьки ударили очень больно, директор не ждал, что малец окажется способным так ударить. А главное, как вовремя! Ни Мерека, ни Валег теперь не станут больше унижать и мучить беззащитных, им долго еще будут слышаться насмешливые слова: «Палачам в небе не место!». А его, Барлика, задача сделать так, чтобы они не обозлились. После потери уверенности в себе им легко можно будет подбросить тему для размышлений. Главное, не упустить момент. Правда, оставался Кинс, но, не имея поддержки, он затаится. И мальчишкой нужно заняться вплотную.

– Жестокие, однако, у вас методы... – раздался за спиной Барлика голос незаметно подошедшей госпожи Кестен, опытная учительница быстро разобралась в ситуации.

– Так и случай запущенный, – повернулся к ней директор, широко улыбаясь. – Очень запущенный. Мне нужно было выбить у маленьких негодяев почву из-под ног.

– Выбили, – согласилась пожилая женщина. – Но вы уверены, что не перестарались?

– Я эмпат, – возразил Барлик. – Я каждого из них постоянно читаю и держу под контролем его чувства.

– Не знаю, не знаю... – покачала она головой. – Никогда бы не рискнула вот так выворачивать ребенку душу. Последствия могут оказаться страшными.

– На то я Воспитатель, чтобы знать, когда ударить, а когда погладить, – усмехнулся Барлик. – Как вам, кстати, в нашем детдоме?

– Расскажи кто, не поверила бы, – вздохнула госпожа Кестен. – Сказка. Волшебная сказка. Надо же, дети верхом на саблезубой кошке катаются. На боевых истребителях летают. Да и жилые помещения. Столовая. Школа. Слов нет. Восхищена.

– Уже месяц, как так выглядят все до единого детские дома Трирроуна. И не только.

– Это какие же деньги нужны были?! – едва не задохнулась учительница.

– Немалые, – согласился Барлик. – Ну и что? Я жалею, что идея о детских домах не пришла в голову кому-то из наших лет пятьсот назад. Сколько времени потеряно!

– Для того, чтобы так сказать, – вздохнула госпожа Кестен, – нужно для начала эти деньги иметь.

– Орден достаточно богат, чтобы позволить себе все, что считает нужным. Кстати, сейчас мы разрабатываем программу помощи школам. Не хотели бы вы поучаствовать? Нам нужен местный консультант, хорошо ориентирующийся в дебрях трирроунской системы образования.

– Я – вряд ли, – отрицательно покачала головой учительница. – Но человека посоветовать могу. Старик, учитель с сорокалетним опытом. Побывал и простым учителем, и директором школы, и начальником отдела в департаменте образования. Выйдя на пенсию, вернулся в школу и продолжает преподавать. Дети его любят, а это говорит о многом.

– Буду благодарен, – кивнул ей Барлик, продолжая следить за плачущим Мереком. – Извините, но я должен вас на несколько минут покинуть. Малыш доходит, и мне нужно завершить начатое.

Госпожа Кестен проследила за его взглядом и понимающе кивнула. Мальчишка действительно был на грани истерики. Каждый раз, когда лам-истребители, наматывающие в небе мертвые петли и бочки, пронеслись над площадкой, он вздрагивал. Вздрагивал, как будто его били. Пожилая учительница смотрела, как директор подошел к мальчишкам, что-то негромко сказал, потрепал одного по волосам, снова что-то сказал. Мерек ответил, уставившись в землю.

– Я – не палач... – шептал он. – Не палач...

– Еще нет, – мягко сказал Барлик, присев перед ним на корточки. – Пока еще нет, малыш. Но каждый раз, когда ты кого-нибудь дразнишь или бьешь, ты делаешь один шаг к палачу. Маленький такой шажок. Вот только когда этих шагов станет много, возврата назад уже не будет... Понимаешь?..

– Да... – глухо ответил мальчишка. – Да, теперь понимаю. Я... Я больше не буду!

– Зачем ты мне это говоришь? – очень тихо рассмеялся директор. – Скажи это лучше себе самому. Идем, я привез новые фильмы, тебе они понравятся. Ты ведь любишь фильмы о космосе.

– Люблю... А откуда вы знаете?

– На то я директор, чтобы все знать, – легонько щелкнул его по носу Барлик, и Мерек несмело улыбнулся.

– А мне можно? – спросил Валег, настороженно поглядывая по сторонам, его глаза были похожи на глаза побитой собаки.

– Конечно, – кивнул ему директор и ободряюще хлопнул по плечу.

Кинс ничего не сказал, только гордо задрал нос и отошел в сторону, с презрением поглядывая на друзей. Но выглядел задумчивым. Он не знал, что Барлик читает его мысли, как раскрытую книгу, и внутренне улыбается. Васькины слова о палачах и небе пробили даже непробиваемую, казалось, броню Кинса. И, несмотря на весь свой презрительный вид, мальчишка сейчас думал. Непривычное для него занятие. Очень непривычное. Ничего, пусть подумает, полезно.

Барлик снова улыбнулся, бросил взгляд на небо, в котором продолжали носиться три лам-истребителя, и повел Мерека с Валегом в сторону жилого корпуса. Их ждали интереснейшие приключенческие инфофильмы, специально для них созданные двархами главного биоцентра. Ох, и многое же было скрыто в этих фильмах... Даже не оборачиваясь, Барлик знал, что следом за ними плетется унылый Кинс. Ему тоже стоит посмотреть. И именно сейчас, после шока.

Вздыхнув, директор пошел дальше, рассказывая мальчишкам историю поисков мечей Тьмы и войны с их обладателем. Когда он брался за эту работу, то даже представить не мог трудностей, которые перед ним встанут. Насколько проще с детьми-эмпатами. Да, в детских мирах ордена тоже хватало своих проблем, но появление личностей, подобных Тартику с Мереком, а уж тем более – Кинсу, было совершенно невозможно. Но он справится. Никогда и ни один аарн не отступал перед трудной задачей. Он вырастит этих мальчишек настоящими людьми.

* * *

Темно-зеленое море бушевало, брызги летели метров на сто вверх, темные тучи бурлили и ошетинились молниями. Вдали виднелось бледно-голубое солнце, выглядывающее из-за края грозового фронта.

Над самыми волнами неслась на черных, полупрозрачных крыльях обнаженная девушка. Ее каштановые волосы слиплись, вода заливала тело. Она что-то восторженно кричала и смеялась. Вращалась, пронеслась сквозь высокие волны, ныряла в море и снова взлетала под самые тучи. Это было какое-то безумие, девушка казалась иногда темным ангелом, вырвавшимся на свободу. Особенно, когда в нее била молния и вокруг обнаженного тела на долю секунды вспыхивало желтоватое свечение защитного поля. Ветер бросал ей в лицо хлопья пены, она отфыркивалась и продолжала счастливо смеяться.

Вырвавшись из-под туч грозового фронта на залитый солнечными лучами морской простор, девушка увеличила скорость и понеслась к виднеющемуся на горизонте острову. По мере приближения становилось понятно, что остров огромен, ничуть не меньше земного Мадагаскара. Стволы гигантских, разных оттенков красного, коричневого и синего цвета деревьев вздымались вверх на несколько километров. На самом деле это было одно огромное растение, замкнутая экосистема. Это Дерево было еще маленьким, вот занимающее весь соседний материк потрясало воображение. Но даже здешнее вызывало у непривычного человека или иного разумного трепет. Величие. Иного слова не находилось. И величавый покой.

Петляя между разноцветными стволами, девушка со смехом отмахивалась от так и липнущих к ней фиолетовых бабочек с ладонь размером. Их крылья переливались и сияли в полумраке чащи. Тысячи звуков, издаваемых обитающими здесь животными и птицами, не были резкими, скорее они казались отголоском приветствия вернувшемуся домой.

Вскоре впереди засияла мягкими огнями посадочная площадка Школы. Никто из внешних миров даже не понял бы, что здесь живут разумные существа. Не было никаких зданий, никаких искусственных конструкций, даже светильники являлись на самом деле живыми. Придя сюда, аарн просто попросили Дерево вырастить для них жилище, и оно с удовольствием выполнило просьбу. Ни одной мертвой вещи не было в этом жилище, все вокруг дышало.

Новые симбионты ничем не нарушили экологию, наоборот, они первыми ощущали нашествие паразитов или какую иную беду общего дома, без промедления спеша на помощь. И огромное полуразумное дерево испытывало к ним искреннюю симпатию и благодарность. Возле их жилища всегда был самый свежий сок и тысячи сортов спелых фруктов. Обитающих здесь обожало все живое, самые свирепые хищники ластились к Целителям Душ. Ни один из зверей никогда не причинил бы никакого вреда никому из учеников или учителей Школы Духа. Наоборот, в случае опасности на помощь Целителям спешило любое живое существо. А те в ответ дарили свою любовь всему вокруг.

Даша мягко опустилась на дрогнувший под ее весом десятиметровый лист и пошла к его черенку, одновременно прося Дерево дать ей попить и открыть вход в Школу. Прямо к ее лицу опустилась лиана, и девушка надкусила ее, наслаждаясь свежим, прохладным соком, хлынувшим в рот. Ветерок обвеивал разгоряченное тело, и она предвкушала, как нырнет в холодную воду озера. Напившись, Даша отпустила лиану и послала Дереву свою благодарность, получив в ответ добрую материнскую улыбку. Всего неделю она в Школе, но уже влюбилась в это место. Навсегда влюбилась.

В этот момент на ее плечи спрыгнули два белоснежных зверька и принялись верещать, ластились и покусывать девушку за уши. Фарсенские сильхи на удивление хорошо прижились на Дереве. Один из них оказался самочкой, два дня назад разродившейся добрым десятком детенышей, уже всюю прыгавшим по веткам вокруг Школы. Даша, посмеиваясь, почесывала

сильхам спинки, ожидая, пока неспешнодвигающийся лист подвезет ее к стволу пятидесяти, наверное, метров в обхвате. В нем была выращена часть жилых помещений Школы. Огромные, мохнатые шары, разбросанные по окрестным стволам, тоже скрывали в себе аудитории, лектории и иные учебные комнаты и залы. Ствол раздвинулся, и Даша прыгнула в открывшееся отверстие, отпустив сильхов.

– О, вот и наша летунья, – встретил ее приветственный эмообраз Тра-Лгаа. – А мы уже беспокоиться начали. Налеталась?

– Не-а! – покачала головой девушка. – Потом еще полечу.

– Неугомонная! – рассмеялась арахна, пощелкивая жвалами. – Желание после Слияния еще не возникало?

– Слава Господу, нет, – улыбнулась Даша. – Я этому так рада!

– А я – не рада! – передернула лапами Тра-Лгаа. – Ненормально. Должно было еще дня три-четыре назад появиться. Не повредил ли контакт с Мастером твоему дару?

Даша тут же испуганно потянулась к своей сущности и улыбнулась. Нет, дар остался с ней. Мало того, многократно усилился после Посвящения! Глубины, в которые была способна теперь проникать земная девушка, оказались недоступны почти никому из опытных Целителей Душ. Только Тра-Лгаа, Энесент, Марлена и Вивенах могли потягаться с Дашей на равных. И это сейчас. А что станет после обучения, когда она полностью раскроет дар и отточит мастерство? Даша не знала, но была очень довольна, что у нее есть, что отдать другим, есть возможность помогать нуждающимся.

Она тихонько улыбнулась, вспомнив свои размышления о сути Посвящения до его прохождения. Ну, ничего общего! Все ее страхи и предрассудки исчезли как снег весной. Даша все еще пребывала в эйфории, ощущая всеобщую любовь, доброжелательность, желание помочь.

– Устраивайся, – добродушно проворчала арахна. – Сейчас покажу вашей беспутной троице двойственную связь любви с болью и желанием жить. Врайла, Кирсана, где вас Разрывающий Сети носит?

– Идем! – разлетелся по шарообразной комнате скомканный эмообраз, и сквозь воронку гиперперехода влетели две запыхавшиеся девушки.

Орчанка весело скалилась, она была дико возбуждена и приплясывала от какой-то глубинной радости. Кирсана довольно хихикала. Вслушавшись в них, Даша поняла, в чем дело, и сама захихикала. Врайла впервые познала любовь мужчины и находилась в полном восторге. Подруга потащила ее в ближайший город на соседней планете, там давно привыкли к ищущим себе пару на ночь Целителям и Целительницам Душ. Орчанка поначалу упиралась, а потом плюнула и от души повеселилась, познакомившись с молодыми художниками. О, да она, кажется, влюбилась! Совсем хорошо.

Даша послала подруге образ хитрого, подмигивающего котенка, и Врайла снова залилась смехом. Арахна ждала, пока они успокоятся с терпением матери семейства, переживающей выходки беспутных отпрысков, посматривая на девушек огромными, фасеточными глазами, в которых поблескивали смешинки. Ее эмофон наполняла веселая ирония. Наконец, три ученицы забрались в огромный, удобный гамак, служивший Даше в последние дни постелью. Его сплела Тра-Лгаа из собственной паутины, и спалось в нем на удивление хорошо. И сны снились хорошие.

– Начнем, – эмообраз арахны переливался всеми красками эмоспектра, такого виртуозного управления собственными чувствами ни одной из девушек видеть еще не доводилось.

Удобно устроившись, Даша глубоко вдохнула и привычно ввела себя в транс. Пространство вокруг засветилось тысячами недоступных глазу оттенков. Рядом она ощущала поднимающихся вслед за ней Врайлу с Кирсаной. Наставница скользила вокруг них почти невидимой тенью. Девушка только завистливо косилась на нее – хотелось бы ей так же легко ориентироваться в пространстве чувств. Не говоря уже о ментале. Это мастерство.

Долго еще придется учиться, чтобы стать не менее умелой. Силушкой-то Господь не обделил, да вот использует она ее пока так топорно, что самой стыдно. Даша поняла это, только понаблюдав за работой Тра-Лгаа. Арахна делала что-то невероятное, она дотрагивалась до одной нити, немного смещала ее, и самый страшный психошок рассыпался сам собой. Девушка была просто восхищена, Релла такого не умела. Что уж говорить о ней самой? Не зря Тра-Лгаа считается лучшим из Целителей Душ, ох, не зря. Вот бы такому научиться...

– А теперь смотрите сюда, мои милые, – заискрился возле подруг эмообраз арахны, и девушки приготвили внимать словам наставницы. – Видите нить желанья жить?

– Ага, – отозвалась Врайла. – Вон она, белая.

– Правильно, белая. Теперь берем нить любви.

В созданном арахной эмоциональном псевдопространстве вспыхнули тысячи и тысячи нитей, сгустков, скруток и связок, обычных для души любого разумного. Тра-Лгаа создала для учениц модель, на которой и собиралась показать им все, что хотела. Действительно, не издеваться же над кем-то? Внезапно сквозь все эмопространство псевдодуши протянулась алая нить любви, сцепившись буквально со всем вокруг, подчинив себе. Нет, даже не любви, а всепожирающей страсти.

Тра-Лгаа действовала не спеша, она показывала, что происходит с душой, если эту страсть не удовлетворить. Как постепенно нарастают боль и отчаяние, сливаясь с любовью и становясь ее составляющими. Как корчится от этой боли душа, как пытается хоть куда-нибудь выплеснуть пожирающий ее огонь. Именно так рождается большая часть гениальной музыки и стихов. Так создаются величайшие полотна. Так пишутся великие книги. Но тот, кто не изливал свою страсть в творчество, начинал медленно умирать. Духовно умирать. И спустя совсем недолгое время в мир являлось чудовище, уже не способное ни любить, ни верить.

Показав, что происходит без вмешательства Целителя Душ, Тра-Лгаа начала объяснять способы помочь тому, чья страсть не может быть удовлетворена. Если он, конечно, не становился творцом нового. Таким помощь уже не требовалась, такие и сами могли помочь любому. Они переходили на иной, малопонятный обычным смертным уровень.

Даша изо всех сил старалась запомнить сказанное и показанное наставницей, пыталась понять. Но никак не могла уловить, в чем соль. Каким образом найти ту единственную чувствительную точку, при нажатии на которую происходит исцеление? Она вспомнила сперва холодную душу полковника Вермаля, а потом – почти мертвую душу Вахата. Если бы тогда она умела делать то, что умеет теперь, ей не пришлось бы так выкладываться.

Внимательно наблюдая за действиями арахны, Даша все никак не могла уловить общую логику действий. Ведь ни один случай не похож на другой, действовать по шаблону невозможно. Но смысла в действиях наставницы не находила. Та дотрагивалась то одной нити, то до другой, отчего картина тут же менялась. Но как именно она выбирала куда дотронуться? Девушка напряженно размышляла. Потом, так ни до чего и не додумавшись, попробовала обратиться к интуиции. Сработало. Действуя по наитию, Даша и сама бы дотронулась именно туда, куда дотронулась Тра-Лгаа. Но почему туда?! Ей очень хотелось понять, что происходит.

«Не спеши... – раздался в голове смешок арахны. – Пока только запоминай и анализируй. Ты слишком мало знаешь, чтобы понять полностью. Учись, и со временем поймешь».

«Ладно, – уныло согласилась Даша. – Не думала, что я настолько тупая...»

«Девочка! – весело рассмеялась Тра-Лгаа. – Я научилась полному анализу только на десятый год обучения! Ты же не имеешь понятия почти ни о чем! Только этим и объясняется твое непонимание, а отнюдь не тупостью».

«Хорошо! – повеселела девушка. – Тогда не страшно. Учебы я не боюсь!»

«Вот, и хорошо! Выходи из транса, хватит с тебя на сегодня. Не забудь прислушаться к себе».

Выскользнув из транса, Даша последовала совету наставницы и вдруг ощутила желание. Эх, а она-то подумала, что уже все, что Посвящение избавило ее от этой «радости»... Увы. Стыд теперь, конечно, не мучил ее, но все-таки. Придется подыскивать себе кого-то на ночь, выхода нет.

– Ну, наконец-то! – добродушно-ироничный эмообраз Тра-Лгаа заставил Дашу вскинуться. – Я уже сильно беспокоилась, думала, что ты получила какие-то необратимые повреждения дара.

– И почему я не из тех счастливых, которые не испытывают постоянного желания? – уныло спросила девушка. – Знала бы ты, как оно мне надоело...

– Сколько же вы, люди, нагромодили глупостей вокруг самых естественных вещей! – удивленно щелкнула жвалами арахна. – В который раз сталкиваюсь, и в который раз изумляюсь. Уже и Посвящение прошла, а все никак успокоиться не может.

– Да показалось, что желание не вернется... – вздохнула Даша. – Слишком много времени и усилий на это тратить приходится.

– Любой дар имеет свою цену, девочка, – тихо рассмеялась Тра-Лгаа, устраиваясь возле нее и поглаживая суставчатой лапой по голове.

– Ты тоже постоянно хочешь? – спросила девушка.

– Я иной расы, и у меня несколько иная плата. Хотя желания порой довольно сильны. И я часто вынуждена бросать все, даже самые важные дела, и срочно искать арахна мужского пола.

– Но если это не главное, то какова же твоя плата? – удивилась Даша.

– Я бесплодна... – в эмообразе Тра-Лгаа переливалась боль. – Ты не представляешь, какое это имеет значение для нашей расы. В Паутинниках бесплодных особей вообще поедают живьем.

– Господи! – вскрикнула Даша. – Какой ужас!

– Только с твоей точки зрения, – жвалы арахны мелко защелкали, что служило эквивалентом человеческого смеха. – Хотя мне, конечно, не доставляла никакого удовольствия мысль о том, что меня должны съесть. Меня готовили как главное блюдо для пиршества Старших Матерей Паутинника. Я сумела сбежать и спряталась в заброшенном паутиннике. Мне помог один из изгоев, Рхуу-Марга. Он ради меня пытку вынес, но не выдал. А когда пришел орден, сказал Призыв. Конечно, я тоже не отказалась. Ох, что поднялось в моем родном Паутиннике...

– А что? – вскинулась Даша, ей было донельзя любопытно.

– Отношение к ушедшим в орден у арахнов примерно такое, как у вас к тем, кто продал черту свою бессмертную душу. Как к живым мертвецам. Раньше я не знала, почему, но многое поняла за годы среди аарн. Самое страшное, что съедают чаще всего тех, кто способен хоть как-то изменить статус кво. Тех, кто хочет нового, не будучи способным жить так же, как сотни тысяч лет жили предки.

– И у вас власть имущие точно такая же сволочь, как у нас, – снова вздохнула девушка.

– Все не так просто... Их поведению есть объяснение. Генетическая память расы. Любой желающий нового угрожает генетической стабильности, в далеком прошлом такие особи вызвали страшную катастрофу и едва не уничтожили всех арахнов. Но условия изменились, а матери Паутинников этого не понимают, не желают понимать. И если не поймут, наша раса погибнет. Впрочем, уже нет. Скоро в ордене станет как бы не больше арахнов, чем во всех Паутинниках Совва-Огг вместе взятых. Спасибо Мастеру.

– Ясно, – вздохнула Даша. – Как все-таки гнусно устроен мир. Внешний мир.

– Именно, что внешний, – эмообраз Тра-Лгаа нес ласковую улыбку. – На Аарн Сарт все иначе.

– Мне здесь так нравится! – рассмеялась девушка. – Чудо, другого слова не подберешь! Эта всеобщая любовь, эта жажда создавать новое, стремление помочь, поддержать, научить. Трудно даже сформулировать.

– И не надо, просто живи и делай, что можешь.

– Постараюсь.

– Наставница! – вмешалась в их разговор Врайла. – Мы уже не нужны?

– Нет. Завтра продолжим.

– Тогда мы побежали. Даш, ты скоро?

– Нет, – ответили девушка. – Вы меня не ждите, мне в город надо. Сама понимаешь зачем.

– Ладно, тогда мы в бассейн!

Подруги чмокнули Дашу в щеки на прощание и исчезли.

– Наставница, – спросила она, нахмурившись. – Неужели нет никакой возможности помочь Мастеру? Мы счастливы, а он от боли корчится...

– Хорошая ты моя девочка... – распахнула жвалы Тра-Лгаа, ее ласковый смешок заставил девушку смутиться. – Не ты первая хочешь ему помочь. Но ты единственная, кто, может быть, сумеет это сделать.

– Я? – искренне изумилась Даша. – А почему я-то?

– Ты первая из Целителей Душ, кто сумел пройти сквозь все его барьеры. Я пыталась в свое время – куда там! Не по силам. Мастер сам заявил, что ты – уникал.

– Вот, значит, как? – задумчиво прикусила губу девушка. – Интересно.

– Только не вздумай больше трогать его после Посвящения или иных магических действий! Для тебя это пока смертельно. Мы с Мастером вдвоем тебя едва вытащили после единственного касания. Поняла?

– Да. Но раз я могу ему помочь, то что мне делать?

– Учиться, – ответила арахна с иронией. – Пока ты ничего еще не можешь. Только себя погубишь, если попытаешься. Научись всему, чему можно, найди собственные методы работы с душами, и только тогда...

– Благодарю тебя за урок, Тра-Лгаа, – вздохнула девушка и погладила наставницу по длинной, шелковистой шерсти. – Пойду я, желание доставать начинает.

– Иди, – иронично распахнула жвалы арахна. – Советую отправиться в Релль Тиль Анн, один из самых красивых городов Аарн Сарт. И буквально в двух шагах, каких-то десять световых лет.

– Попробую, – улыбнулась Даша, спрыгивая с гамака. – Только окунуться сначала нужно.

Она помахала наставнице, выскочила из распахнувшегося в стене отверстия на ближайшую толстую ветку Дерева и радостно заулюлюкала. Энергия переполняла девушку, хотелось бегать и прыгать. Хотелось... Ну, понятно чего еще хотелось. Но это потом, сначала купаться. Все ее подруги, кроме Врайлы, сейчас были бог знает где, отправившись в обычное для новичков путешествие по Аарн Сарт. Ара с Лири сопровождали в этом путешествии Дарли, Гаине и Миримель.

После возвращения все они вместе с Дашей решили стать одной большой семьей. Надо, конечно, сначала найти нескольких мужчин, как минимум, шестерых, но подходящих ни одна из девушек до сих пор не встретила. Впрочем, это могло подождать, пока подруги не вернутся из своего вояжа! Даша хотела было отправиться с ними, но Тра-Лгаа настояла, чтобы они с Врайлой и Кирсаной отложили путешествие до окончания учебы. Дар земной девушки нельзя было оставлять без контроля. Да она и сама это понимала, но очень сожалела, что не смогла повидать чудеса, о которых взахлеб рассказывали подруги во время сеансов связи.

Как они все изменились после Посвящения. Особенно Дарли. Куда только подевалась слабенькая девочка, неспособная сопротивляться ни одному приказу. Бывшая продавщица стала огнем и ветром. После путешествия она собиралась поступить в легион. Да не в какой-нибудь, а в «Коршуны Ада». Одновременно Дарли мечтала научиться пилотировать дварх-крейсера и боевые станции. У остальных подруг планов было ничуть не меньше. Что у кого получится, Даша не знала, но искренне желала им удачи.

Прыгнув с ветки вниз, девушка некоторое время падала, а затем раскрыла вживленные в мышцы спины энергетические крылья. Полупрозрачные черные полотнища распахнулись и наполнились воздухом, подбросив ее на несколько метров вверх. Даша заулюлюкала и сорвалась в пике. В отличие от подруг, она любила купаться не в бассейне, а в озере у подножия Дерева. Вода там была ледяная, прозрачная настолько, что видно было дно и скользивших над ним разноцветных рыб. Врайла один раз попробовала окунуться вместе с подругой, но сразу же с визгом вылетела на берег. И больше не изъявляла желания составить Даше компанию.

К тому же, в озере водилось весьма зубастое чудовище, которое охотно пообедало бы неосторожным купальщиком. Но для Целителя Душ зверь был совершенно безопасен, и Даша сразу вызвала его из глубины, плюхнувшись в воду с высоты. Поначалу перехватило дух от холода, но вскоре она пообвыкла и немедленно оседлала всплывшего хищника. Потом приятели плавали наперегонки, и девушка безбоязненно заплывала в огромную пасть, с интересом ощупывая клыки в половину своего роста.

Обожание животного окутывало Дашу подобно одеялу. Да она и сама не испытывала к зверю никаких отрицательных чувств, наоборот, мысленно гладила его с нежностью, и животное радостно ревело от непривычной ему ласки. Наплававшись, девушка попрощалась с несколько разочарованным ее быстрым уходом товарищем по играм.

Взлетев на ближайшую ветвь Дерева, Даша связалась с биокомпом своей комнаты и быстро высохла под потоком теплого воздуха, подувшим из маленького гиперперехода. Спутавшиеся волосы долго не желали поддаваться расческе, девушка шипела и ругалась, выдирая целые пряди. Вскоре она плюнула на это бесполезное занятие и зашвырнула расческу в озеро. Заказав у биокомпа белую полупрозрачную юбку до колен, Даша надела ее. Потом отдала короткий мысленный приказ, и воздух впереди задрожал, превращаясь в зеркало.

Перед ней стояла юная полуобнаженная ведьма с гривой роскошных каштановых волос и пылающими от возбуждения глазами. Соски ничем не прикрытой груди стояли торчком, и Даша потеряла их руками, возбуждаясь еще больше. Точно ведьма, только метлы не хватает для завершения образа. Хохот девушки разнесся над озером, она распахнула крылья и прыгнула в закрутившуюся неподалеку воронку гиперперехода. Вперед, в Релль Тиль Анн!

Вырвавшись из гиперперехода в туманное небо, Даша ничего не поняла. Земли не было! Прямо посреди синих и розовых облачных столбов висел золотистый город. Башни, переходы, какие-то совершенно непонятные конструкции. Но Господи, до чего этот город был прекрасен! Даша задохнулась от восторга, по ее щекам потекли слезы – перед ней открылось чудо. Великое чудо. Хотелось смотреть и смотреть, забыв обо всем, забыв даже дышать.

Однако вскоре желудок напомнил ей, что совсем не прочь получить немного еды. Девушка фыркнула и понеслась к висящему посреди клубящихся туч городу. Она послала приветствие биоцентру Релль Тиль Анн, и ей с обычной иронией ответили несколько двархов и больших биокомпов. Ого, никогда не встречала до сих пор разумных биокомпов!

Она открыла навстречу прекрасному городу свою душу, и город ласково принял девушку в свои объятия. Как-то незаметно в ее память вложили всю нужную информацию, и вскоре Даша уже знала куда полетит. На самой вершине недалекой сине-золотистой башни находился шар, в котором располагался один из дегустационных центров. Сегодня свои творения предлагали всеобщему вниманию молодые мастера феерий.

Выглядевший издали крошечным, шар оказался трехсотметровым. В его оболочке распахнулось отверстие, и Даша влетела внутрь. Сотни маленьких столиков стояли на различных уровнях многомерного лабиринта, выдержанного в тех же цветах, что и сам город. Опустившись на платформу неподалеку, девушка села за ближайший столик.

– Я рад приветствовать тебя, Целитель Душ! – появилось в воздухе перед ней лицо симпатичного кудрявого парня. – Мы придумали несколько новых вкусовых феерий. Буквально вчера!

– С удовольствием попробую! – рассмеялась Даша.

Мастер феерий улыбнулся и махнул рукой. На столике перед девушкой появились несколько блюд и графин с каким-то бледно-розовым напитком. Она поблагодарила юношу, он снова улыбнулся и исчез. Запахи заставили Дашу хищно облизнуться. Она попыталась понять, что перед ней, но не поняла, махнула рукой и принялась за еду. Вкусно! Даже более чем вкусно. Она медленно пережевывала пищу, наслаждаясь каждым куском. Наевшись, девушка выразила свое восхищение мастерам феерий. Они дружно пожелали ей хорошего отдыха в Релль Тиль Анн.

Довольно долго Даша носилась по перекрученным в трех измерениях улицам прекрасного города. Желание постепенно нарастало, и девушка манипулировала им, то усиливая, то ослабляя, и удивляясь своим новым способностям. Но дальше терять времени не стоило, скоро возвращаться. Даша обратила внимание на стоявших неподалеку двух молодых парней с фигурами античных богов и даже облизнулась, настолько они были хороши собой. Задорные, открытые улыбки говорили сами за себя. Послав им приветствие с недвусмысленным вопросом, Даша на мгновение замерла. Все-таки остатки прежних комплексов никуда не делись, и ей было немного неудобно.

– Рад тебя видеть, Целительница Душ! – отозвался один из молодых аарн, брюнет с тонкими чертами лица, одетый в свободный белый комбинезон. – Меня зовут Велт'Анэг. Моего друга – Кетан. Мы родились здесь.

– А меня – Дашей! – отозвалась девушка, опускаясь перед ними на круглую площадку. – Я родом с планеты Земля.

– Приятно познакомиться с тобой, – улыбнулся второй парень, прекрасно сложенный альбинос. – Мы будем рады провести с тобой вечер.

Аарн взяли за руки и открыли друг другу свою память и чувства. Через каких-то две минуты Даша знала и понимала новых знакомых, как саму себя. Даже больше, в себе-то она как раз разобраться еще не могла. Велт'Анэг оказался эмпозэтом и собирался на несколько лет пойти в какой-нибудь легион, чтобы набраться впечатлений для творчества. Кетан учился на зодчего у мастера Ирган-Ата и прилетел в Релль Тиль Анн проведать отца с матерью, обучавших молодых аарн хронофизике в местном Хранилище Знаний.

Оба были совсем молоды, лет по двадцать пять, и совершенно чисты. Даша наслаждалась чистотой их душ. Она буквально пила эту чистоту. Господи, ну ни капли зла! Ни единой недоброй мысли или побуждения! Знала, что по-иному и быть не может, но до сих пор сомневалась. А самое главное, они не видели в обращении к ним Целительницы Душ ничего постыдного, наоборот, такое поведение считалось здесь совершенно естественным. Другого молодые аарн и представить себе не могли. Они восхищались красотой стоящей перед ними девушки, и никакой грязи в их восхищении не было.

«Господи, спасибо тебе за то, что ты привел меня в орден!» – от всей души поблагодарила Даша Создателя.

– Идем, – решительно сказал Велт'Анэг и взял ее за руку, одновременно открывая гиперпереход.

Они оказались в уютной большой комнате, посреди которой висела в воздухе спальная платформа. Даша с интересом осмотрелась. Светло-бежевые стены навевали покой, на них висело несколько картин, изображающих пейзажи совершенно невероятных с точки зрения земного человека мест.

Два парня и девушка ступили друг к другу и коснулись пальцев соседней своими, составив круг. Их захлестнула чувственная волна, что-то непонятное, но очень волнующее. Случившееся дальше касалось только их самих.

Лишь эмпаты знали такое нечеловеческое наслаждение, их ощущения отражались друг от друга и многократно усиливались. А ощущавшие это другие аарн радовались за друзей и

сопереживали им. Попроси кто Дашу рассказать, что она испытывала, девушка запуталась бы. Ей сейчас просто было хорошо, и ничего больше значения не имело. Что произойдет дальше, она понятия не имела, но не сомневалась, что никто из аарн никогда ее не обидит и не оскорбит. А раз так, пусть сбудется все, чему суждено.

* * *

– Привет, дед! – улыбнулась со вспыхнувшего на стене голографического экрана Лави.
– Рад тебя видеть, девочка, – широко улыбнулся старый маршал внучке. – Ты где сейчас, на Аарн Сарт?

– Нет, через полчаса будем у тебя. Идем в одно отдаленное место, а по дороге решили проведать. Да и Никита хотел кое о чем поговорить.

– Приятный сюрприз! Буду очень рад видеть. Как у тебя дела?

– Поступили вдвоем в легион «Бешеные Кошки», – похвасталась Лави. – Никите за разгром Проекта сразу лор-капитана дали, а мне с рядового начинать пришлось.

– Не тушуйся, – снова улыбнулся старик. – Ты у меня девочка умная и инициативная. Быстро пробьешься.

– Да разве это главное?! – отмахнулась девочка. – На Никиту с Ником снова неподъемное дело навалили. Да такое, что прежнее детскими игрушками показаться может! Опять он альфа-координатор, опять носится, как загнанная лошадь, не спит, не ест.

– А такие, как он, без больших дел жить не могут, они без больших дел с тоски мрут.

– Да знаю, – скривилась Лави. – Но смотреть иногда больно. Сядет на стул и засыпает... Благо, мы уже преобразование прошли, а то бы совсем плохо было.

– Что за преобразование? – приподнял брови маршал.

– Полное изменение биологии и химии тела, вживление мощных биокомпов, сеоловых псевдомышц, оружия и боевых наноботов. Мало того, мое тело сейчас – миниатюрный ти-анх, любая рана заживает почти мгновенно.

– А зачем это нужно? – нахмурился старик.

– Видишь ли, дед, – вздохнула Лави, – «Бешеные Кошки» – это не просто легион, а контр-разведка. И разведка. Понимаешь?

– Можешь не объяснять дальше. Прошу об одном: будь осторожна, девочка.

– Постараюсь, – рассмеялась она. – Ладно, пока отключаюсь. Очень прошу тебя вызвать Кавина и Гласса. Мы ненадолго, максимум, на несколько часов. Поговорим, и надо гнать дальше.

– Хорошо, – кивнул маршал. – Вызову.

– Тогда отключаюсь.

Удивленные неожиданным визитом внучки маршала с мужем, Гласс с Кавином прибыли очень быстро, за каких-то полчаса. Впрочем, с установленными в каждом квартале гиперстанциями это проблемы не составляло. Генералы вошли в кабинет главы государства и забросали его вопросами, ответов на которые у старика не было. Прошло еще некоторое время, и с предупреждающим звоном на стене закрутилась воронка гиперперехода. Из нее вышли Никита, Лави, Ник и Рен.

– Рад снова видеть! – подошел к ним к ним маршал, обняв по очереди внучку и ее мужа.

– А я вас, – улыбнулся Никита.

Пока здоровались, обнимались, рассаживались за столом, прошла добрая четверть часа. Генерал Гласс с любопытством рассматривал Лави. Девочка как-то неуловимо изменилась. Счастлива, это понятно. Но она даже двигалась по-другому, исчезла порывистость, углова-

тость. Сейчас она передвигалась мягко, подобно дикому вельху¹ на охоте, под кожей перекатывались тугие мышцы, которых почти не было месяц назад. Да и муж ее изменился точно так же. А уж Ника, которого на Фарсене помнили худым, как щепка, очкастым пареньком, узнать оказалось вообще невозможно. Очки куда-то подевались, худоба сменилась упругими мускулами тренированного бойца. И те же движения сытого, но готового к мгновенному броску дикого вельха. Еще одно заинтересовало генерала Гласса – на глазах аарн то и дело на долю секунды появлялась поблескивающая металлом пленка.

– Как у вас тут дела? – спросил Рен.

– Неплохо, если честно, – потер висок Кавин, почти незаметно усмехнувшись. – Запущено производство гиперорудий, вернулась первая партия обученных вами людей, и стало немного легче. Хорошо учить умеете, спасибо! Уехали молодые, неопытные ребята, а через два месяца вернулись готовые специалисты. Дело знают, да и работают так, что залюбуешься. Сейчас осваиваем трофейную космическую технику и учимся строить свою. На стапелях орбитальной верфи заложен линкор первого класса с гипердвигателями нового поколения, через год выйдет в первый полет. Видите, даже на год раньше, чем вы предсказывали! Ваш Баг Бенсон дал нашим физикам хороший толчок, первые энергостанции на основе преобразования активного вещества туманности года через три войдут в строй. Да все так сразу и не расскажешь.

– Рады, что у вас порядок, – кивнул Никита. – А у нас, если честно, не очень, тенденции в галактике нездоровые прослеживаются. Понять не можем причину, но налицо признаки надвигающихся больших неприятностей. Будем, естественно, принимать меры, делать все, что в человеческих силах. Но все сделать мы не в состоянии. Однако, это лирика, дело есть дело, и никто за нас его не сделает. А пока я хотел поговорить о другом.

– О чем? – спросил Гласс.

– У меня на родине идет гражданская война.

– Ты рассказывал, – кивнул маршал.

– Сейчас мы идем туда с одной целью. Спасти побольше людей проигравшей стороны. Те из них, кто способны стать аарн, войдут в орден. Люди низкого морального уровня будут спроважены в одно из государств Земли, а если точнее, то в Североамериканские Штаты, там таким самое место. Но остаются честные люди, до конца воевавшие за свои убеждения. Офицеры с огромным боевым опытом, прошедшие через ад, как и вы сами. Но испачкавшиеся за время войны. Расстрелами или иными подобными действиями. Иногда сгоряча, иногда от горя. Но нам они уже не подходят.

– Вы предлагаете их нам? – прищурился генерал Гласс. – Откровенно говоря, не откажусь. Опытные офицеры мне нужны.

– В общем, да, – согласился Никита. – Но лучше, если с нами полетят представители Фарсена, и сами отберут подходящих.

– Я бы полетел, – заинтересованно покосился на него Гласс. – Кавин, ты тут без меня некоторое время справишься?

– Да справлюсь, конечно, – пожал плечами тот. – А надолго это?

– Недели на три, вряд ли больше, – понимающе улыбнулся Ник. – Дольше задерживаться мы не имеем права. Слишком много дел дома.

– Тогда нет проблем, – согласно кивнул маршал. – Лети Гласс.

– Договорились, – довольно ухмыльнулся генерал. – Возьму с собой полковников Марсета и Лонга из генштаба.

– Кстати, мы привезли еще полтысячи лам-истребителей, – сказал Рен. – И матки для их выращивания. Одна матка способна вырастить до трех сотен истребителей в год. Ребята, прошедшие обучение на разработчиков биоконплексов, вполне справятся с их программиро-

¹ Вельх – животное, чем-то напоминающее земного камышового кота.

ванием. Да и с разработкой новых типов машин тоже. Еще выгрузим десятка два обучающих биокомпов с программами по разным специальностям. В том числе, есть программа первичного обучения пилотов.

– Сколько этих маток? – вспыхнули глаза Кавина.

– Двести. Решайте куда сгружать, а то мы через несколько часов должны стартовать.

– Одну минуту.

Генерал включил свой биокомп, и перед ним вспыхнул небольшой голоэкрэн. Связавшись с кем-то, он что-то коротко спросил. Ему ответили, и Кавин кивнул. Потом сказал:

– На второй космодром неподалеку от Берха-Валина. Вот сюда.

Он показал точку на карте. Дварх-майор кивнул и на мгновение замер, отдавая распоряжение на «Путь Тьмы». Знаменитый крейсер входил в их эскадру, Син Ро-Арх решил лично отправиться с Никитой, и свежеепеченный лор-капитан с некоторым трепетом взирал на легендарного дварх-адмирала. Но свою штаб-квартиру альфа-координаторы все-таки устроили на знакомом, ставшем едва ли не родным «Пике Мглы». Тина постаралась на славу, отобрав лучшие крейсера и лучшие легионы для этой операции. Четыре полных легиона, пять линейных эскадр первого флота, половина «Бешеных Кошек» и отряды поддержки. Вдобавок четыре боевые станции нового поколения, идущие в режиме невидимости. Да и легионы не простые – «Коршуны Ада», «Ангелы Тьмы», «Ищущие Мглу» и «Видящие Свет».

Основной задачей был поиск базы Предтеч, к Земле пойдут только четыре крейсера, двадцать эсминцев, шесть рейдеров и одна станция. После окончания экспедиции боевые станции решили передать Фарсену. Но об этом пока сообщать маршалу не стали. Мало ли что может случиться, незачем раньше времени обнадеживать людей. Откровенно говоря, Никита планировал использовать Фарсен как запасную базу, где в случае катастрофы найдет убежище часть выживших. Но об этом заговаривать рано, пусть на ноги встанут, научатся сами себя обеспечивать. Хотя уже видно, что пройдет пять-десять лет, и Фарсен создаст собственную космическую индустрию.

– Разгрузка пошла, – повернулся Рен к Кавину. – Дальше сами разберетесь. Как выявлять прирожденных пилотов, вы знаете. Думаю, машины недолго останутся на грунте. Обучить первичным навыкам способен любой пилот любого крейсера, только попросите. Или обучающий биокомп. Кстати, что с экспедицией к внешним системам? Есть результаты?

– Кое-что есть, – ответил вместо начальника штаба маршал. – Сейчас ученые пытаются проникнуть в недра внешних планет этих систем. Там действительно скрыто что-то искусственного происхождения, продолжающее работать. И это что-то почему-то не принимает нас как врагов. Позволяет рыться, где заблагорассудится. Даже пару раз предупреждало о возможных обвалах. Внезапно возле людей вспыхивал какой-то странный символ. В первый раз наши не поняли, что их предупреждают. Двое погибло при обвале. Теперь уже знают, и при появлении символа бегут из этого места со всех ног. Понять пока так ничего и не смогли. Продолжают раскопки.

– Интересно, – прищурился дварх-майор. – Видимо, искусственный интеллект этих сооружений почему-то воспринял вас за наследников своих хозяев.

– Кто знает, – скривился Гласс. – Рано говорить что-нибудь определенное.

– Действительно рано, – кивнул Никита, потирая по старой привычке левую щеку. – Давайте поговорим о более насущных вещах.

Говорили всего пару часов, больше времени у аарн не нашлось. Маршал с трудом выпросил двадцать минут, чтобы пообщаться с внучкой наедине. Лави рассказала столько всего невероятного о Посвящении и обо всем, чему стала свидетелем, что старик только головой качал. Поверить было трудно, но девочка не станет ему лгать. Хотелось бы поговорить как-нибудь с создателем этой странной цивилизации, с тем, кого аарн называют Мастером. Интересно, чем

он руководствовался? Чего пытался добиться? И добился ли? Не окажется ли орден колоссом на глиняных ногах? Все ведь может быть.

Но кое-что из общественного устройства ордена Аарн стоит позаимствовать. Особенно идею профессиональных команд, подотчетных профессиональным советам. Команд, собирающихся в случае необходимости для решения конкретных задач. И подбирать в них необходимо лучших из лучших. Надо подробно продумать возможную структуру и ничего не делать наспех, слишком это серьезно. Слишком страшные последствия вызовет ошибка.

– Вы готовы, генерал? – обратился к Глассу Рен, когда маршал с внучкой вернулись к остальным.

– Готов, – проворчал тот, закидывая на плечо лямку большого армейского вещмешка.

Рядом с генералом стояли напряженные офицеры лет сорока каждый, оба в офицерской форме ОАФ. Неожиданный приказ выдернул их из дома, и они еще не пришли в себя после известия, что отправляются вместе с аарн в глубины космоса. Но приказ есть приказ, и прекословить полковники не стали, характер у генерала Гласса был не сахар, и разнос он в случае чего учинял такой, что мало никому не казалось. Мог и разжаловать, а то и под трибунал отдать. Несмотря на то, что за два месяца мира он несколько смягчился, сердить старого зубра все равно не решался ни один из его подчиненных.

Гласс был возбужден и едва не приплясывал. Откровенно говоря, он с детства мечтал о космосе и завидовал Кавину, побывавшему там. Хотя чужаки и разуверили его в доброте этого самого космоса, но интерес к нему все равно никуда не делся.

– Ну, пока, дед! – поцеловала маршала в щеку Лави. – Жаль, нет времени подольше погостить, но ты сам понимаешь, что дело есть дело. По дороге назад завезем Гласса с набранными людьми, может, смогу побыть еще несколько деньков. Но обещать не буду, кто знает, что может случиться? Только Создатель. Возможно все.

– Конечно, девочка! – улыбнулся старик. – Очень рад, что тебя повидал. Приятный оказался сюрприз. Помни, что у тебя есть дом, в котором тебя любят и ждут.

– Я помню, дед! – рассмеялась девушка. – Кстати, твоему будущему внуку или внучке уже две недели.

– И ты, беременная, отправилась в рейд?! – полезли на лоб глаза маршала.

– Не-а, – скорчила хитрую рожицу Лави. – Ребенок в маточном репликаторе. Многие женщины ордена не вынашивают детей по старинке, только кто сам того хочет. А если не хочет, зародыш помещается в специальное устройство, и в нем дорастает до девяти месяцев. Так поступила и я. Эмосвязь у меня с ним постоянная, вне зависимости от расстояния. Даже сейчас я чувствую его.

– И все-то в этом ордене не по-человечески... – тяжело вздохнул старик.

– Вам, мужчинам, легко говорить, не вам рожать. А это, между прочим, больно!

– Да разве я что-то против имею? – развел руками маршал, с иронией посматривая на покрасневшую внучку. – Странно просто.

– Ничего странного! – агрессивно заявила девушка. – Хорошо хоть среди аарн кто-то о женщинах подумать удосужился! А то они развлекаются, а нам вынашивать и рожать!

– Тише-тише, – прогудел позади посмеивающийся генерал Гласс. – Никто тебя и твой орден обижать не собирался. Непривычно, вот и все.

– Ладно, – успокоилась Лави. – Действительно, чего это я разошлась?

– Пора, – подошел к ним Никита.

Он пожал руки маршалу с Кавином, улыбнулся и шагнул в гиперпереход. Лави поцеловала деда в щеку и поспешила за мужем. Генерал Гласс помахал рукой друзьям, набычился и последовал примеру аарн. За ним в черной воронке скрылись полковники. Последними были Рен с Ником. Гиперпереход схлопнулся.

– И что ты об этом думаешь? – спросил маршал у задумчиво смотрящего на стену Кавина.

– Что-то здесь не так, – мрачно ответил начальник штаба. – Такими встревоженными я Никиту с Ником ни разу не видел. У них какие-то большие проблемы, голову ставлю.

– Я пришел к тем же выводам, – недовольно скривился старик. – Скажу одно: если у нас вдруг попросят помощи, поможем. Вопрос в другом: что именно происходит? Когда будут готовы следящие станции и гиперперехватчики? Я хочу внимательно следить за происходящим в галактике. Нельзя оставаться слепыми и глухими.

– Думаю, через полгода запустим хотя бы одну станцию и пару гиперперехватчиков. По крайней мере, эфир сможем прослушивать на всех диапазонах.

– И то дело, – кивнул маршал. – Кстати, Лави мне многое рассказала о внутренней структуре ордена, и мне кажется, что кое-что нам стоит позаимствовать для себя.

– А ну-ка, а ну-ка, – заинтересовался Кавин, садясь за стол и наливая себе немного выпить. – Внимательно тебя слушаю.

Маршал вздохнул, тоже сел и принялся рассказывать. По мере его рассказа брови начальника штаба то хмурились, то приподнимались. Он напряженно о чем-то размышлял, одновременно быстро чертя на листке бумаги одному ему понятную схему. Потом поднял глаза на маршала и медленно опустил веки, соглашаясь с выводами старого друга. Старик усмехнулся – с Кавином они уже много лет понимали друг друга почти без слов и в тандеме всегда выдавали отличные результаты. Оставалось надеяться, что и в этом случае будет так же.

* * *

Шипение открывшегося люка заставило поежиться. Но тридцать вторая ничем не выдала своего страха, оставаясь внешне спокойной и уверенной в своих силах. Впрочем, остальные выглядели не менее спокойными. Только лицо двадцать шестой подергивалось. Остальные девушки понимали, что двадцать шестая – отработанный материал и уже сегодня будет утилизирована. Понимала это и она сама, не собираясь сдаваться без боя. Хотя прекрасно знала, что никто с ней драться не станет, просто пристрелят издали как взбесившуюся собаку.

Снова наступил момент, когда за воспитанницами питомника пришли. Куда их забирают? Зачем? Почему одних берут, а других убивают на месте? Ни одна из девушек не знала ответов на эти вопросы, но каждая хотела жить. Каждая поэтому всегда стремилась стать первой, старалась исполнять приказы надзирателей как можно лучше. Выяснить отношения между собой в питомнике строго-настрого запрещалось, наказывали за драку страшно. Можно было живьем угодить в кислотный утилизатор, а такой смерти не пожелаешь самому лютому врагу. И каждая из номерных вне зависимости от личности, управляющей телом на данный момент, держалась в рамках. Но исподтишка гадила остальным как могла. Понятий дружбы и взаимовыручки девушки попросту не знали. Каждая была за себя и только за себя.

– Все готово, господин... – лебезил перед кем-то невидимым старший надзиратель. – Воспитанницы построены и ждут вас.

– Заткнись, – ответил холодный, уверенный мужской голос. – Не слепой.

Если бы в небольшой вестибюль попал кто-нибудь посторонний, он не скоро бы пришел в себя от изумления. Зрелище было странным, почти невероятным, казалось фантазией какого-то старого извращенца. Возле стены по стойке смирно застыли пятнадцать обнаженных черноволосых девушек. Абсолютно одинаковых девушек, до последней черточки лица, до последнего изгиба тела одинаковых. Они были столь красивы и утонченны, что походили скорее на легендарных эльфиек. Огромные зеленые глаза, фигуры богинь, распущенные волнистые волосы до пояса. Только вот взгляд каждой казался взглядом затравленного звереныша. В прекрасных зеленых глазах полыхала ненависть ко всему миру, который был настолько жесток к ним. И ужас, невыразимый ужас.

Ни одна из этих девушек за всю свою жизнь не слышала ни от кого доброго слова. За малейшую провинность следовало жестокое наказание. Если какая-нибудь не сдавала тестов на интеллектуальное или физическое развитие, жизнь такой неумехи обрывалась в тот же день на глазах у остальных. Эта группа была не единственной в непонятном питомнике. Около пяти сотен точно таких же девочек и девушек от пяти до пятнадцати лет жили здесь. В их жизни не было ничего, кроме учебы, тренировок, тестов и наказаний. Ни одна не знала, почему она тут, для чего их учат, к чему готовят. Но к чему-то ведь готовили. Имен у них тоже не было, только номера. Запрещалось даже давать друг другу прозвища.

Когда воспитанницам очередной группы исполнялось четырнадцать, приходил загадочный господин. Он внимательно осматривал девушек, отбирал двух-трех, еще нескольких оставлял на дополнительную подготовку, а оставшихся отдавал в полное распоряжение надзирателей. Что те творили с не оправдавшими надежд, рассказать невозможно. В живых не оставалась ни одна, и умирали несчастные очень нелегко, испытав перед смертью все муки ада. Это происходило на глазах младших, даже пятилетних крох заставляли смотреть.

Тридцать вторая молча ждала главного события в своей жизни. Она долго готовилась к этому дню, тайно наблюдая и анализируя, кого брали, а кого нет. Помнила качества всех воспитанниц старших групп и знала, чего ждать от каждой. И готовила себя к испытанию, в случае необходимости меняя личности, как перчатки.

«Да все равно не возьмут!» – взвизгнула Злюка.

«Молчи, если жить хочешь, – посоветовала Умница, контролирующая на данный момент тело. – Не вздумай перехватывать контроль, все вместе подохнем!»

«Она права, – поддержала дождающаяся своего часа Убийца. – Сиди и не рыпайся».

«Да ладно вам... – пробурчала Злюка. – Я же не эта дурочка мечтательная. Достало просто все...»

«Ведьма, ты готова?» – спросила Умница.

«Да, – отозвалась та, послав остальным задорный волчий оскал. – Нас им так просто удавить не удастся. Я парочку сюрпризов на всякий случай подготовила...»

«Смотри, чтобы из-за твоих сюрпризов нам туго не пришлось, – раздраженно бросила Хитрюга. – То-то старший надзиратель долго искал, кто его в отхожую яму спихнул. Скажи спасибо, что на семнадцатую, мир праху ее, подумал...»

Ведьма ехидно захихикала. Все остальные насторожено наблюдали за ней. Все, кроме спящей мечтательной Дурочки, которой очень редко позволяли просыпаться. Эта неприспособленная к жизни личность способна была за один день напрочь уничтожить все, чего остальные достигли за годы. После нескольких экспериментов ее усыпили и не давали просыпаться, пичкая нужной информацией во сне. Если бы не то обстоятельство, что именно Дурочка должна стать основной личностью, ее бы давно растворили. Но, увы. Приходилось мириться с ее мечтательностью, верой в совершенно невероятные вещи и непроходимой глупостью. Ну что такое, скажите на милость, любовь? Что обозначает это понятие? Или дружба? Или доброта? Разве такие вещи бывают? Нет, конечно. А эта идиотка в них верит. Противно даже.

Из-за угла вынырнули охранники и быстро заняли ключевые позиции, откуда простреливался весь вестибюль. Случалось, что кто-то из сошедших с ума воспитанниц пытался напасть на господина, и такого больше повториться не должно. Поэтому девушек держали под прицелом плазмеров. В стороне горел огонек включенной инфокамеры, транслирующей происходящее здесь остальным воспитанницам. Зачем? Ни одна не понимала. Тридцать вторая сделала для себя вывод, что этим господин пытался чего-то добиться от них. Как казалось Умнице с Хитрюгой, они сумели понять чего именно. По крайней мере, надеялись, что поняли. Ошибка ведь будет стоить жизни.

Послышались чьи-то шаги, и в вестибюле появился высокий мужчина с седыми висками, одетый в темно-серый костюм из тармиланского псевдошелка. Бриллиантовый узор на щеке

принадлежал одному из высших аристократов княжества. Странно, год назад тридцать вторая не видела у господина этого узора. Лицо его выглядело спокойным, немного вытянутым, нос прямым, короткие волосы были черными с проседью. Серые, внимательные глаза скользнули по замершим у стены девушкам и сощурились.

Взгляд каждой воспитанницы источал физически ощутимую ненависть. И ужас. Смертельный ужас, что ее не возьмут, и она станет очередным примером для нерадивых. Господина сопровождал одного с ним роста мужчина помоложе, лет тридцати пяти, может быть, сорока, несший в руках небольшой биокомп. Его аристократическая невозмутимость дала трещину, и он избегал смотреть на обнаженных девушек.

– Ну что, Лоех, – повернулся к секретарю господин, – как думаешь, попадетсЯ нам сегодня что-нибудь стоящее? Или опять сплошные пустышки?

– Не мне судить, – отозвался тот, уставившись в пол, сегодня ему отчего-то было до боли жаль несчастных четырнадцатилетних девочек, не видевших в своей жизни ни одного светлого мгновения.

– Жалеешь их? – приподнял брови господин.

– Да, – мрачно ответил Ренни, уставившись в пол. – Я же человек, в конце концов. Слишком это жестоко.

– Понимаю, – на мгновение потеплели глаза его сюзерена. – И рад, что ты сумел остаться человеком. Но сам права на жалость не имею. При другом воспитании мы не сумеем получить ту единственную, которая нам нужна.

– Извините меня, – склонил голову секретарь. – Все понимаю, но трудно смириться, когда видишь их...

– Ничего, – позволил проскользнуть по губам легкой улыбке господин. – Справишься. Не первый год тебя знаю. Ты меня подводил очень редко. Надеюсь, Лоех, так будет и дальше.

Ренни кивнул. Почему-то господин граф предпочитал называть его вторым именем. Впрочем, какое это имеет значение? Важно то, что единственной их надеждой на победу были эти несчастные девочки. Странно, но факт. И жалость придется упрятать куда подальше, чтобы не мешала делу.

Тридцать вторая внимательно слушала малопонятный разговор и подсознательно ощущала, что не ошиблась. Господину нужны от них какие-то конкретные качества. И эти качества могли возникнуть только у тех, кто воспитывался в условиях, подобных здешним. Умница немедленно начала многовариантный анализ по методу Касита с новой точки зрения, Хитрюга подбрасывала ей темы для размышления, поворачивая каждую то одной, то другой стороной, а Злюка выступала адвокатом Проклятого, осмеивая все их потуги. Убийца и Ведьма молчали, внимательно наблюдая за всем вокруг и готовясь перехватить контроль над телом в случае необходимости. Дурочка спала.

Господин не спеша двигался мимо шеренги девушек, внимательно оглядывая каждую. Правда, в некотором отдалении по настоянию охраны. Добравшись до двадцать шестой, он обратил внимание на дергающиеся губы девушки. Несчастная с ненавистью и обреченностью смотрела на мучителя, понимая, что все, ее короткая жизнь пришла к своему завершению. И оказалась права.

– Почему здесь некондиционный экземпляр? – холодно спросил господин у старшего надзирателя.

– Но она по тестам одна из лучших, – попытался возразить тот, бледнея.

– Не умеет владеть собой. В брак.

– Будь ты проклят, сволочь! – вскрикнула в отчаянии двадцать шестая. – Когда-нибудь тебя заставят заплатить за всех, кого ты убил!

– Когда-нибудь, да, – спокойно ответил господин. – Но это будешь не ты. Убрать ее!

Кто-то их охранников поднял плазмер, и голова двадцать шестой разлетелась на куски, забрызгав соседок кровью и ошметками мозга. Ни одна из девушек при этом не пошевелилась, как будто не произошло ничего необычного. Тридцать вторая стояла так же спокойно, однако Хитрюга отметила, что щека господина почти незаметно дернулась при словах двадцать шестой, и сразу сообщила об этом Умнице для внесения нового параметра в модель. Та изменила режим сходимости и внутренне довольно хмыкнула. Вот теперь сходится! Господину все это не доставляет никакого удовольствия, он ни в малейшей степени не является садистом, добываясь чего-то своего, и ради этого жертвует чем и кем угодно.

– Кто-нибудь из вас видит перед собой что-нибудь необычное? – негромко задал господин традиционный вопрос.

Он задавал этот вопрос на каждом выборе. Но что он имел в виду, не понимала ни одна из девушек. Ведь перед ними ничего не было. Лучше уж промолчать, чем лгать. За ложь наказывали очень страшно, и ни одна не решалась на такую глупость, как солгать.

«Чего он хочет?» – немного раздраженно спросила Умница.

«Апусти-ка, я посмотрю, – потянулась вверх Ведьма. – Что-то я такое вижу...»

«Иди», – заинтересованно ответила Умница и уступила контроль над телом, сменив временную константу.

Ведьма всмотрелась и довольно оскалилась. Неужели ни одна дура не видит этого разноцветного клубка нитей прямо перед своим носом? Непонятно. Ничего, сейчас она устроит господину маленькую пакость. Ехидно захихикав, Ведьма протянула невидимые руки и преобразовала клубок нитей в большой, пульсирующий разными цветами кукиш. Пусть подавится, гад такой! Господин вдруг резко остановился, глаза его расширились, от лица отлила кровь.

– Кто из вас это сделал? – холодно спросил он. – Лучше признавайтесь сразу.

Девушки испуганно смотрели на него, не понимая, что он имеет в виду.

«Снова твои поганые шуточки, сука! – рывкнула Умница, выдирая у Ведьмы контроль над телом. – Ты же нас погубила!»

«Сама сука! – отозвалась та. – Наоборот, мы его теперь интересуем! Сама подумай своей умной башкой. Я же за много лет первая, кто мало того, что увидел его клубок, но и изменил его!»

«Она права, успокойся, – одернула Умницу Хитрюга. – Это наш шанс. Быстро проводи анализ».

Та ничего не ответила, полностью задействовав резервы мозга.

«Да, я ошиблась, – сказала она через пару секунд. – Надо признаваться».

– Это сделала я, господин, – ступила вперед тридцать вторая.

– Да? – приподнял он левую бровь. – А если так? Как ты ответишь?

«Ведьма! – в панике взвыла Умница. – Бери контроль!»

«Уже!»

Увидев вместо кукиша белую стену, окружившую господина, Ведьма злобно оскалилась. Внутренне, конечно. А затем осторожно приклеилась к этой стене, становясь ею. И незаметно преобразовала защитное плетение в его противоположность. Секретаря притянуло вплотную к господину, он испуганно вскрикнул, попытался вырваться, но силовая хватка Ведьмы держала крепко.

– Наглая девчонка! – довольно рассмеялся господин. – Но молодец. А так?

Стена мгновенно превратилась в переплетение нитей, рванувшихся к тридцать второй. Резкая боль ударила по нервам, нити коконом опутали девушку, принявшись душить. Для постороннего взгляда ее вдруг взметнуло в воздух что-то невидимое. Ведьма с ненавистью скрипнула зубами уже явно и принялась за дело всерьез. Откуда только и силы взялись. Она отсекала нити, меняя их направленность, выплетая из них что-то смертельное, черное, жестокое.

– Стоп! – господин поднял руку, мгновенно уничтожив все нити, и тридцать вторая рухнула на пол. – Ты заигралась, девочка. Отпусти плетение, ты хоть сама соображаешь, что плести начала?

– Нет... – мрачно ответила Ведьма. – Показалось, что так можно защититься...

– Если бы ты доплела эту гадость, – укоризненно покачал головой господин, – умерли бы не только мы с тобой, но и все люди на несколько тысяч километров в округе. Никогда не думал, что черную связку Мархена можно сплести по наитию. Поздравляю, из тебя будет толк.

«Ну, Ведьма... – восторженно протянула Умница. – Ну, ты даешь... Что ж ты раньше молчала, что можешь легко всю эту сволочь перебить?»

«А я знала? – огрызнулась та. – Отбивалась просто».

Господин подошел к тридцать второй и взял ее за подбородок, внимательно уставившись девушке в глаза. Зеленые глаза юной красавицы были совершенно непроницаемы, только в глубине горела тщательно скрываемая ненависть. Он удовлетворенно кивнул – то, что надо. Сменить направленность ненависти очень просто. Потом сказал:

– Отойди в сторону, подождешь там. Тебя ждет еще один экзамен.

Тридцать вторая поклонилась и отошла в угол. Сразу пятеро охранников взяли ее под прицел, держа пальцы на курках.

– При первой попытке коснуться вероятности ты будешь убита, – негромко проинформировал ее господин.

– Что такое вероятность? – удивилась Ведьма.

– Нити, – ехидно ухмыльнулся господин. – Те самые разноцветные нити, из которых ты плела свои игрушки. Надо же, невежественное дитя сплетает связку Мархена, не имея при том никакого понятия о вероятностях. Стой спокойно, а то у охраны нервы на взводе.

Тридцать вторая замерла. Не хватало только спровоцировать охранников застрелить ее после того, как она сумела заинтересовать господина. Лучше стоять не шевелиться. Ноги вскоре затекли, но девушка не решалась сдвинуться с места. Страх и возбуждение колотили ее, она внимательно наблюдала, как господин заставлял остальных решать обычные тестовые задачи, делать еще что-то непонятное. Он досадливо морщился, несмотря на блестящие результаты, выданные почти всеми. О чем речь, даже задачи по многомерной навигации в гиперпространстве эти четырнадцатилетние девочки решали мгновенно, ничуть не напрягаясь. Память каждой была почти абсолютной. Но господин хотел от них чего-то другого. Отобрав еще двух, двадцать первую и двадцать девятую, далеко не лучших по тестам, он отошел в сторону и задумался.

– Остальные ваши, – обернулся господин к низко поклонившемуся старшему надзирателю.

Глаза того вспыхнули животной похотью. Отданные ему девушки в отчаянии застонали, кое-кто попытался дернуться, куда-то бежать, но надзиратели хорошо умели управляться со своими подопечными. Вскоре нейрохлысты заставили несчастных в судорогах корчиться на полу. Господин холодно смотрел на эту картину, секретарь зажмурился и отвернулся, что-то неслышно шепча себе под нос и кусая губы. Три отобранных застыли неподвижно, молясь про себя Благим, чтобы господин не передумал и не отдал надзирателям и их. Что эти звери творят с попавшими в их власть, каждая видела не раз, и при одной мысли о том, что ее ждет такая судьба, готова была на что угодно.

– Не при мне! – одернул господин какого-то надзирателя, ухватившего бьющуюся в корчах девушку за грудь.

– Простите, господин! – испуганно поклонился тот, отпуская жертву, только ткнув ее снова нейрохлыстом для острастки.

– Пшел вон, скот! Чтобы не забывался, получишь десять плетей. Старший надзиратель, ты слышал?

– Да! – вскинулся тот, прожигая провинившегося подчиненного гневным взглядом. – Будет исполнено!

– Забирайте их, – кивнул господин на корчащихся на полу от боли девушек, – и вон отсюда. Быстро!

Надзиратели, продолжая кланяться, схватили отданных им на потеху воспитанниц и поспешили скрыться с глаз человека, от которого зависела их жизнь. Не раз случалось, что вызвавшего его гнев надзирателя тут же расстреливала охрана. Ни один не хотел себе такой судьбы.

Вскоре в вестибюле остались только господин со своим секретарем, охранники и три отобранные девушки. Двадцать первая, двадцать девятая и тридцать вторая. На первый взгляд, они были совершенно одинаковы, кто не знал, что такое эти девушки, решил бы, что перед ним сестры-близнецы. На редкость красивые близнецы.

– Марен, – повернулся господин к одному из охранников. – Давай.

Мускулистый паргианец с насмешливой ухмылкой подошел к девушкам и с какой-то стати спустил штаны. Они с недоумением уставились на немалых размеров мужское достоинство, не понимая, что все это значит. Чего еще от них хотят?

– А теперь я приказываю доставить Марену удовольствие ртом.

Холодный голос господина заставил каждую замереть. И только потом до них дошел страшный смысл сказанных слов. С раннего детства в воспитанниц приюта вбивали, что сделать то, что им сейчас приказали, означает погубить себя. Означает потерять и жизнь, и честь, и саму душу. Означает стать проклятой Благими. Так это или нет, девушки не знали, но верили, что так. Ибо это было первое, что делали надзиратели с приговоренными. С теми, кого обрекли на смерть. Потому это унижение в сознании каждой воспитанницы питомника намертво срослось со смертным приговором.

– Я не буду делать этого, господин... – мрачно пробормотала двадцать девятая. – Не буду.

Он внимательно посмотрел в наполненные отчаянием и решимостью глаза девушки. Кивнул и скомандовал:

– Убрать!

Кто-то из охранников выстрелил из игольника, грудь двадцать девятой пересек ряд ровных отверстий, и она рухнула на пол, захлебываясь собственной кровью. Пару раз дернулась и затихла. Оставшиеся в живых две девушки замерли.

– Я жду, – холодно сказал господин.

Двадцать первая глухо всхлипнула, подошла к охраннику и упала перед ним на колени. Тридцать вторая закусил губу – Благие, неужели и ей придется пойти на такое страшное унижение? Господин молча смотрел на замершую возле охранника на коленях девушку. Потом коротко кивнул. Охранник плотоядно ухмыльнулся, взял двадцать первую двумя руками за голову и резким движением свернул ей шею. Отбросил труп в сторону и снова замер.

– А что сделаешь ты? – с любопытством спросил господин.

Ему, значит, любопытно? Сволочь поганая... Тридцать вторая дрожала всем телом, непонимающе глядя на трупы двух девушек, похожих на нее саму, как две капли воды. И так ему не подходит, и эдак... Так чего же он хочет?! Отчаяние поднималось из глубин души, на глазах застыли слезы, губа была прокушена насквозь. Выхода нет. Возможности выжить – тоже. Что он там говорил? Умрут все люди в радиусе нескольких тысяч миль? Но он тоже? Тогда и собственной шкуры не жаль!

Умница отступила в сторону, передавая управление личности, которая еще ни разу не выходила наружу, скрываясь в глубинах сознания. Убийце. Господин, внимательно наблюдавший за девушкой, удивленно приподнял брови и переглянулся с секретарем. Она вдруг резко изменилась. Из глаз исчез страх, теперь в них горела насмешка над ним, над собой, вообще над всем миром.

Тридцать вторая сгорбилась и направилась к охраннику какой-то странной, вихляющейся походкой. Никто не знал, что под контролем Убийцы она могла двигаться со скоростью, при которой человеческий глаз уследить за ней не способен. Подойдя ближе, девушка метнулась вперед, ухватила охранника за его причинное место и резко рванула вниз, от души добавив коленом. Прикрывшись телом взывшего от неожиданной боли Марена от плазмеров остальных, Убийца мгновенно передала контроль Ведьме, ждавшей своей очереди со злорадным хихиканьем. И Ведьма сплела ту самую черную, страшную, пугающую ее саму связку, которой отбивалась от атаки господина. Но не применила, остановившись за полшага до этого. Теперь, даже если ее убьют, связка развернется и отомстит за нее.

– Мне терять нечего, господин... – с трудом выдавили пересохшие губы.

Он откинул назад голову и захохотал как безумный. Смеялся добрых две минуты. Охранники с секретарем искоса поглядывали на светящуюся страшным черным светом девчонку с ужасом, но молчали, не смея сказать ни слова.

– Вот, девочка! – заговорил, наконец, господин. – Именно этого я от тебя и хотел. Никогда не смей сдаваться, всегда дерись до конца! Без страха за собственную шкуру! Вот такой ты мне и нужна.

– Драться до конца... – задумчиво протянула тридцать вторая. – Я запомню ваш урок.

– Запомни, пойдет на пользу, – кивнул он и повернулся к охранникам. – Не смей стрелять. Причинивший вред этой девушке будет умирать очень медленно.

Снова посмотрев на напрягшуюся тридцать вторую, господин сказал:

– Можешь отпустить придурка. Или хочешь убить? Так убей.

– С удовольствием! – осклабилась Ведьма, на мгновение разделив контроль с Убийцей.

Та легко сбила крепкого, мускулистого мужика с ног и свернула ему шею. Свернула точно тем же движением, каким сам охранник расправился с двадцать первой. Остальные охранники потрясенно замерли, глядя на миниатюрную красивую девушку, похожую сейчас на выходца из ада. Глаза ее горели каким-то желтым лихорадочным огнем, вокруг тела вилась черная, туманная дымка, в которой безошибочно угадывалась сама смерть. И охранникам было страшно.

– Я доволен тобой, девочка, – насмешливо сказал господин, подошел к тридцать второй и потрепал ее по волосам, ничуть не боясь готовой сорваться с ее пальцев смертельной связки. – Запомни, как держать наготове плетения. Со временем научишься создавать их на ходу, а пока придется обходиться заранее созданными заготовками. Завтра я начну тебя учить. И если ты думаешь, что от наказания за лень тебя спасут твои неуклюжие потуги в магии, то ты сильно заблуждаешься.

– Я поняла вас, господин, – низко поклонилась Ведьма, отпустив Убийцу. – Приказывайте.

Теперь она видела, что ее жалкая связка ничем не повредила бы этому сухопарому полуседому человеку. Его окружало защитное плетение, с которого соскальзывал даже взгляд. Ох, как нескоро она сумеет создать что-нибудь подобное... Но если останется в живых, создаст. Со временем. Чтобы отомстить за все пережитые мучения, требовалось терпение, очень много терпения. Она будет терпеливо ждать своего часа. Пусть годы или даже десятилетия. Однажды дождется. Никто и никогда не жалел тридцать вторую. Что ж, она тоже никого и никогда не пожалеет. А уж тем более того, кто создал питомник.

Господин легко читал в глазах девушки молчаливое обещание и насмешливо ухмылялся. Хотя в глубине души ему тоже было страшно – он сотворил чудовище, и вскоре придет время выпустить это чудовище на свободу. Не хотелось, слишком опасно, но загнать существо, на которое всю свою жизнь охотился Дарв ис Тормен, могло только такое чудовище. Предстояли еще годы и годы подготовки, но впервые за много лет он получил по-настоящему удачный экземпляр. Дар этой четырнадцатилетней девчушки был невероятен, она станет магом такой силы, что сам он и рядом стоять не сможет.

Да, придет время и тридцать вторая заставит заплатить его самого. Заплатить по всем счетам. Что ж, это справедливо. И если случится после того, как ее охота увенчается успехом, то пусть. После этого его жизнь уже не будет иметь никакого значения. Дарв ис Тормен взял девушку за руку и повел навстречу новой жизни.

Глава 2

Голубая планета в клочьях облаков плыла внизу, она казалась такой безмятежной, такой спокойной. Ничто не говорило о бурях, что прокатывались по ее поверхности, напрочь разрушая судьбы сотен миллионов людей.

Никита молча смотрел на занявший всю стену туманного зала «Пика Мглы» экран и вздыхал. Земля. Россия. Родина. Рядом с ним стоял задумавшийся о чем-то Ник. Оба прекрасно понимали, что там, внизу, места для них уже нет. Они слишком много узнали, слишком много повидали, и будут ощущать себя на Земле, как в клетке. Да и эмпатия напрочь отсекала их от жизни обычных людей. Они аарн, и этим все сказано. Ничего не добавишь.

– А время-то на вашей планете в два раза быстрее обычного идет... – эмообраз подошедшего сзади Рена переливался задумчивостью и недоумением.

– В смысле? – повернулся к нему Никита.

– Как ты знаешь, Земля находится в закрытом от внешнего мира пространственном пузыре, – напомнил дварх-полковник. – Выяснилось, что ход времени внутри него тоже не совпадает с общегалактическим. У нас прошло четыре месяца, а здесь около восьми.

– Интересно, – прищурился Ник. – Хотелось бы мне только понять, каким образом наша планета оказалась замкнута в этом пузыре.

– Увы, ответа на этот вопрос не знает даже Баг Бенсон. Да и нам сейчас не до того, если честно. Асиарх с Карсархом завершили первичное сканирование.

– И?

– Мы прилетели очень вовремя, – усмехнулся Рен. – Словно специально подгадали. Крым пал неделю назад, сейчас красные отлавливают и расстреливают оставшихся в живых и не сумевших эвакуироваться солдат и офицеров Белой армии. Обещают всем сдавшимся амнистию, а на деле...

– Ясно, – прикусил губу Никита. – Я не удивлен.

– Я тоже, – тяжело вздохнул бывший красный комиссар. – Наши дорогие вожди давно показали, что они из себя представляют.

– Мало того, – скривился дварх-полковник, – люди сами регистрируются, поверив в обещанную амнистию. Многим даже службу в армии обещают, а потом арестовывают и расстреливают. За неделю расстреляно около тридцати тысяч человек. Поэтому не будем терять времени, постараемся спасти хоть некоторых. Только Син просил тебе напомнить, что устраивать новых социальных потрясений не стоит. Ничего хорошего из этого не получится.

– Зачем повторять то, что давно оговорено? – пожал плечами Никита. – Все станем делать тихо и незаметно. Никаких следов нашего присутствия на Земле остаться не должно. Люди тихо исчезнут вместе с семьями, в нынешнем бардаке их исчезновение спишут на войну.

– В таком случае, мы не имеем права брать никого из известных личностей, – усмехнулся Ник.

– Согласен, – кивнул контрразведчик. – К тому же, никогда не доверял высокопоставленным особам, почти все они такая сволочь – слов не хватает.

Красный комиссар от души расхохотался в ответ на эту сентенцию. Рен тоже улыбнулся, затем взмахнул рукой, и метрах в трех от них вспыхнула в воздухе карта Крыма.

– Нашли кого, Асиарх? – спросил дварх-полковник.

– Ищу, – недовольно проворчал дварх. – Потерпи немного. Хотя стой, кое-что есть. Объявляй тревогу, там людей расстреливать собрались!

На экране показалась лощина, поросшая каким-то чахлым кустарником. Около одного из кустов сгрудилось с десятков мрачных, небритых мужчин в грязных и рваных шинелях с погонами. Еще четверо неподвижно лежали немного в стороне. Наверное, их захватили врасплох,

во время сна. Скорее всего, группа офицеров пыталась пробраться к побережью. Увы, у них не получилось, попались одному из отрядов, прочесывавших местность. Разномастно одетые люди держали группу офицеров на прицеле, и видно было, что им все безразлично. Они даже не ненавидели тех, кого собрались убивать, они просто делали свою работу. Чистили Крым от «нежелательных элементов».

– Как и говорили, усыпляем «товарищей» и накладываем им фальшивую память, – криво усмехнулся Никита. – Будут помнить, что расстреляли очередную группу офицеров, и ничего необычного при этом не произошло. Кто идет, «коршуны»?

– Да, – кивнул Рен. – Сам-то пойдешь в первую вылазку?

– Обязательно! – потер руки контрразведчик. – Ни за что не упущу такой возможности.

На экране было видно, как красные передернули затворы винтовок и прицелились в молча ожидающих смерти людей. Но выстрелить не успели. Ни с того, ни с сего они начали опускаться на землю, устраиваться поудобнее и немедленно засыпать. Какая-то минута, и спали уже все. Ошеломленные, ничего не понимающие офицеры застыли на месте, не веря своим глазам. Что это значит? Почему красные уснули? Что вообще происходит?

Закрутившиеся в воздухе туманные, черные воронки в полтора человеческого роста вообще ввергли большинство в ступор. Белые офицеры круглыми глазами смотрели на выскальзывающих из воронок людей в черных зеркальных доспехах и только молча разевали рты. Словно зевали. Примерно так открывают рты рыбы, внезапно вытащенные из родной стихии на воздух. А то, что эти странные незнакомцы висели в воздухе, стоя на маленьких досках, и вовсе сводило с ума.

– Здравствуйтесь, господа! – раздался чей-то уверенный голос.

Из воронки вышел светловолосый мужчина лет тридцати, одетый в незнакомую черно-серебристую форму с огненным глазом на левом плече. Он широко, открыто улыбался. Какой-то сияющей улыбкой, что ли, иного определения никто подобрать не смог. Следом за ним появился человек пониже с довольно ехидной физиономией. Этот сразу отошел к уснувшим красным, принявшись внимательно их осматривать. И тут же согнулся в приступе явно болезненной рвоты.

– Что, Ник? – с иронией спросил первый. – Думал, среди них есть кто достойный?

– Думал! – огрызнулся тот. – С этим вот, Сашкой Морозовым, мы с семнадцатого года вместе воевали. Никогда бы не поверил, что он такой сволотой окажется...

– Наивный.

– Твой не лучше! Вон на тех двоих глянь! Своих же товарищей на смерть посылали, чтобы собственные шкуры спасти.

– Простите, – вмешался в непонятный разговор один из офицеров. – С кем имеем честь?

– Никита Александрович Ненашев, – представился первый незнакомец. – Лор-капитан легиона «Бешеные Кошки», орден Аарн. Текущий альфа-координатор. Мы прибыли за вами, господа. Не за вами конкретно, сейчас группы наших легионеров прочесывают весь Крым в поисках выживших.

– Ненашев? – выступил вперед еще один офицер с полковничьими погонами. – Штабс-капитан?

– Бурцев? – прищурился тот. – Подполковник Бурцев? Александр Владимирович?

– Полковник, – поправил офицер. – Уж полгода как. Я вас и не узнал в этой форме поначалу. Что все это значит?

– Эмигрировав после поражения армии Колчака, я совершенно случайно попал в довольно странную организацию, – пояснил Никита. – И прижился в ней. У нас там большие дела заворачиваются, люди толковые нужны. Вот я и подумал, а не отправиться ли за ними в Россию? Спасти тех, кого можно, и дать людям шанс.

– Воевать?

– Пока нет, – покачал головой контрразведчик. – Надеюсь. Но что случится дальше, знает только Господь Бог. Нужно быть готовыми к любому исходу. Приглашаю к нам на крейсер, господа. Те, кто нам не подойдет, будут высажены в любой стране, ими избранной. И не с пустыми карманами, не считаю себя вправе обрекать бывших сослуживцев на полуголодное существование. Кто хочет остаться здесь, того мы не держим. Прошу только учесть, что вас быстро отыщут красные, а во второй раз мы спасать никого не станем. Извините за откровенность, господа.

– Не за что извиняться, штабс-капитан, – криво усмехнулся полковник Бурцев. – Мы не дети, чтобы пичкать нас байками. Куда идти?

– В воронку, – показал Никита. – Приглашаю вечером ко мне, Александр Владимирович. Посидим, выпьем. Тогда и поговорим толком. Извините, у меня нет времени заниматься вашим размещением. На то есть другие люди, на мне сейчас командование всеми нашими отрядами в Крыму. Сами знаете, что это такое.

– А сколько их всего, ваших бойцов? – спросил кто-то.

– Немногим больше двадцати тысяч человек.

– Но что такое орден Аарн?

– Терпение, господа, немного терпения! – поднял руки Никита. – Вечером я вам все объясню. Не сейчас, пока мы с вами тут говорим, кого-то еще расстреливают. Мой долг спасти всех, кого смогу.

– Если нужна помощь, штабс-капитан, мы в вашем распоряжении, – внимательно посмотрел на него Бурцев. – Кстати, в трех верстах деревня, там полный сарай наших.

– Рен, – повернулся к вышедшему из воронки дварх-полковнику Никита.

– Слышал, – кивнул тот. – Сейчас отправлю людей. Ты туда?

– Нет, пожалуй, – вздохнул контрразведчик. – Вы и без меня справитесь. А нам с Ником надо заняться сканированием Константинополя, Харбина, Парижа и Лондона. Там могут оказаться нужные люди. Что генерал Гласс?

– Слюной исходит от любопытства, – ответил Рен. – Уважаю! Старик уже, а сумел сохранить в себе мальчишку. Вериль сейчас его обхаживает, уговаривает на обратной дороге в тианх залечь, а он все ерепенится.

– Вериль и мертвого уговорит, – усмехнулся Никита. – Эта девица крейсер руками сдвинет, если что не по ней.

– Целитель... – развел руками дварх-полковник. – Сам знаешь, что с ними спорить бесполезно. Она, кстати, велела тебе передать, что если снова надрываться станешь, то собственными руками удушит. Потом оживит и снова удушит. И так, пока не одумаешься.

Переглянувшись, аарн грохнули хохотом, представив, как невысокая, худенькая Вериль душит не такого уж и маленького Никиту.

Полковник Бурцев внимательно слушал малопонятный разговор. Штабс-капитан очень изменился, трудно представить, что человек за каких-то полтора года может так измениться. Судя по всему, он занимает в этом своем ордене довольно высокое положение. Когда только успел? Странное что-то здесь происходит. Впрочем, выбора все равно нет. Остаться в Крыму – верх глупости, красные прочесывают местность частой гребенкой, не оставляя в живых никого. Черная воронка пугала, но там была жизнь. Какая? А черт ее знает! Но жизнь. Лучше неизвестность, чем подыхать здесь без какого-либо смысла. Война проиграна, и места на родине ему больше нет.

– Что ж, господа, идемте, – повернулся к офицерам Никита. – Вас я все-таки провожу сам, потом будете показывать остальным, что к чему, уже как старожилы. А за предложение помощи – спасибо. Но мы справимся.

Он покосился на четыре неподвижных тела и спросил:

– Что с ними? Убиты или ранены?

– Убиты, – скривился кто-то.

– Как давно? – деловито поинтересовался Рен.

– С полчаса назад.

– Тогда ничего страшного, оживим. Для начала придется в госпиталь завернуть. Вериль!

– Чего тебе? – появилось в воздухе изображение молодой женщины с вьющимися каштановыми волосами.

– Готовь ти-анх, – ответил вместо Никиты дварх-полковник. – Оживление. Четыре тела, полчаса с момента смерти.

– Поняла, – кивнула Целительница. – Через пять минут буду готова принять.

Голоэкрэн погас, и Рен покосился на застывших в остолбенении белых офицеров. Слова о том, что убитых оживят, и появившееся в воздухе изображение молодой женщины изумили их до зубной боли.

– Это всего лишь связь, – попытался успокоить ошеломленных людей дварх-полковник. – Очень удобная, на любое расстояние.

– Связь... – помотал головой Бурцев. – Не слышал я, чтобы в какой-то стране изобрели такую связь...

– «Есть много в небесах и на земле такого, что нашей мудрости, Гораций, и не снилось...» – ответил ему цитатой Никита. – Не принимайте близко к сердцу, Александр Владимирович. Скоро вы насмотритесь такого, что всегда считалось совершенно невозможным.

Несколько легионеров подхватили мертвецов и скрылись в воронках. Вслед за ними ушел Рен. Белые офицеры снова переглянулись, потом кто-то решился, осенил себя крестным знаменем и тоже шагнул в пугающий черный провал. Полковник ушел одним из последних.

На миг потемнело в глазах – и он оказался в огромном светло-сером овальном зале. Вокруг в беспорядке стояли столики с едой и напитками, диваны, кресла. Возле стены прямо в воздухе висела карта Крыма, на которой горели красные и зеленые огоньки. Переход от мрачного крымского утра к этому залу застал многих врасплох, и люди застыли, не понимая, что происходит и куда они попали.

– Здравствуйтесь, господа! – донесся до них звонкий голос. – Мое имя Лави. Прошу вас садиться и угощаться. Возможно, кто-нибудь хочет искупаться или переодеться?

– Не отказался бы, – проворчал пожилой усатый есаул. – Позвольте представиться – Борохов, Михал Петрович.

Остальные офицеры тоже представились, с любопытством глядя на красивую молодую женщину с короткими, черными волосами. Кожа ее имела несколько непривычный, желтоватый оттенок. Но не как у китайцев. Да и глаза не узкие. Одета женщина была в такую же форму, как и штабс-капитан Ненашев.

Никита вышел из воронки, осмотрелся и направился к жене.

– Как ты здесь? – его эмообраз переливался цветами тревоги.

– Все хорошо. Решила делом заняться, буду распределять людей по каютам и все в том же роде.

– А где мы, кстати?

– На боевой станции, – ответила Лави. – Дварх-капитан выделил целый уровень для размещения людей. На нем и сотню тысяч народа без особых проблем разместить можно. Никого из гвардов, драконов и арахнов здесь нет, чтобы не пугать наших подопечных раньше времени.

– Господин штабс-капитан? – подошел к ним полковник.

– Лор-капитан, – поправил его Никита. – Или альфа-координатор.

– Лор-капитан... – задумчиво повторил тот. – Непривычное звание. А что дальше? И как мы здесь вообще оказались?

– Прошли через гиперпереход, – ответил контрразведчик. – Эта та черная воронка. Она позволяет мгновенно перемещаться на любое расстояние. А дальше? Дальше Лави расселит

вас по каютам. Отдыхайте. Вечером, когда мы соберем достаточное число людей, расскажем, что к чему. Могу сказать сразу, что вариантов будет три. Тем, кто нам подойдет, мы предложим войти в орден. Часть оставшихся сможет стать офицерами армии одного государства, приходящего в себя после страшной войны. Не подошедших ни нам, ни этому государству мы переправим, куда они заходят. В любую страну по их выбору.

– Интересно... – прикусил губу полковник.

– Кстати, познакомьтесь, – усмехнулся Никита. – Лави, моя жена.

– Жена? – приподнялись брови белого офицера. – Очень приятно, сударыня. Полковник Бурцев, Александр Владимирович.

– Мне тоже приятно познакомиться с соотечественниками моего мужа, – мягко улыбнулась молодая женщина.

– Вы не русская? – внимательно оглядел ее полковник. – Говорите вы очень хорошо, никогда бы не подумал, что вы иностранка.

– Лави родом из страны, которая готова предоставить гражданство большинству из вас, – заметил Никита. – Прошу пока не спрашивать, из какой, вы все равно не поверите. Потерпите несколько часов.

– Будь по-вашему, – вздохнул Бурцев, озадаченно окидывая взглядом зал.

Тот был очень велик. Поначалу полковник даже не обратил внимания на его размеры. Да и экраны не показались чем-то необычным, он принял их за самые обычные окна. Вот потолок, по которому медленно перемещались светящиеся фигуры, заставил поежиться. Что-то в этом помещении было неуловимо чуждое. Непривычное. Полковник даже себе не сумел бы ответить на вопрос, что именно.

В стене сбоку завертелись сразу десятка два черных воронок, и оттуда валом повалили люди. Первыми появились несколько аарн в черных доспехах, а вслед за ними шли и шли люди, одетые в сущие обноски. Но на плечах каждого были погоны. Когда воронки схлопнулись, стало ясно, что в зале собралось больше трехсот человек. Полковник Бурцев ошеломленно смотрел на них. Похоже, легионеры ордена добрались до застенков красных.

– Извините, но я должна заняться делом, – нахмурилась Лави и вышла в центр зала. – Господа! Прошу минуту внимания!

Ошеломленные от мгновенного перемещения в непонятное место, люди постепенно замолкали и поворачивались к ожидающей девушке. Черно-серебристая форма подчеркивала изящество ее фигуры, красота непривычного лица завораживала. На губах сияла улыбка, полная радости и доверчивости. Стоящим в зале сильным мужчинам захотелось, чтобы никто и никогда не заставил эту красавицу разочароваться в ее доверчивости. Захотелось защитить ее от любой опасности.

Полковник Бурцев восхищенно покачал головой – умело жена штабс-капитана играет на чувствах представителей сильного пола... Редко когда доводилось видеть столь виртуозное манипулирование. Ведь молодая женщина почти ничего не сказала, всего лишь улыбнулась, а почти все мужчины в зале готовы идти за ней на край света.

– Господа, – продолжила Лави. – Сейчас перед вами откроются выходы в коридоры. Каждая дверь в каждом коридоре – это каюта на двух человек. В каютах у вас будет возможность помыться и переодеться. Через каждые двести-триста метров расположены столовые залы, в которых вы сможете поесть, выпить, пообщаться.

– Простите, госпожа... – заговорил какой-то невысокий, плотный офицер. – Но где мы?

– На боевой станции ордена Аарн, – улыбнулась ему Лави. – Немного позже, когда соберем больше людей, мы созовем общее собрание, на котором вам объяснят все. Прошу вас не нервничать, господа. Вы теперь в безопасности. Кое-кому из вас будут предложены варианты дальнейшей службы. Остальные получают возможность выехать за рубеж.

– Понятно... – задумчиво пробормотал он. – Дальнейшей службы, значит? Кому-то мы понадобились...

– Если вы думаете, что хоть кому-нибудь будут что-то навязывать, то ошибаетесь, – возразила девушка, пожалв плечами. – Впрочем, сами убедитесь со временем. Раненых прошу проследовать в госпиталь. Вот эта воронка.

На правой стене взвихрился гиперпереход, над которым загорелась надпись: «Госпиталь». Кое-кто вздрогнул. Но кое-кто направился к ней. Особенно те, кто страдал от ран, едва перетянутых грязными тряпками. Многие передвигались с помощью сослуживцев, сами идти не могли. Они входили в воронку и исчезали.

Появившиеся откуда-то аарн в такой же черно-серебристой форме, как и на девушке, начали разводить белых офицеров по каютам. В стенах то и дело появлялись новые гиперпереходы, откуда выходили новые группы ошеломленных людей. Им объясняли, в чем дело, и тоже отводили отдыхать.

Никита смотрел на всю эту суету и только головой качал. Похоже, он был слишком оптимистичен, когда надеялся заняться сегодня сканированием городов, в которых собралась основная масса русских эмигрантов. Судя по прикидкам Асиарха, только из Крыма придется вывозить не меньше двадцати тысяч человек. А то и больше. Раз так, стоит взять Бурцева и поговорить с ним. Этот человек подходил по всем параметрам, один из двархов станции просканировал его и сообщил, что Посвящение он пройти сможет. А Посвящение растворит в его душе все возникшие за войну ростки зла. Вопрос только – согласится ли? Впрочем, тот же вопрос относился ко всем, кто по своим душевным качествам способен стать аарн.

– Видите кого-нибудь знакомого, господин полковник? – спросил Никита у Бурцева.

– Многих знаю шапочно, – ответил тот. – А близко? Почти никого из друзей в живых не осталось. Разве что подполковник Малышев, вон он, у стены стоит. Не знал даже, что он жив еще. Есаула Борохова неплохо знаю, хороший рубака. И офицер отличный.

Попросив дварха станции просканировать указанных двоих, Никита удовлетворенно кивнул. Старая истина, что подобных людей притягивает друг к другу, оказалась верной и сейчас. Оба подходили.

– Думаю, сегодня заняться чем-нибудь другим уже не получится, – задумчиво сказал он, – поэтому приглашаю вас, Александр Владимирович, и ваших знакомых к себе в гости. Посидим, выпьем, поговорим.

– С удовольствием принимаю ваше приглашение, штабс... Простите, лор-капитан. Никак не привыкну.

– Ничего страшного, со временем привыкнете, – понимающе улыбнулся Никита. – Если договоримся, быть вам дварх-полковником, командиром «Русского Легиона». Название, конечно, будет другим, но суть не в названии.

– Русского легиона... – повторил нахмурившийся полковник. – И чем станет заниматься оный легион?

– Давайте поговорим об этом за бокалом хорошего вина. И не здесь. Нам мало кто из присутствующих подойдет, не стоит при них обсуждать такие вещи.

– Как прикажете, – пожал плечами Бурцев.

Он направился к стоявшему у стены подполковнику Малышеву, о чем-то коротко переговорил с ним, кивнув на Никиту. Потом подошел к задумчиво осматривающему зал есаулу, поздоровался и тоже пригласил к лор-капитану. Полковник не знал, что ему и думать.

Откровенно говоря, организация кем-то неизвестным из остатков Белой Армии русского легиона его не удивила. Он только пытался понять, кому это могло понадобиться. Возможно, Франции? Вряд ли, у той есть Иностраннный Легион, в котором и так немало русских зарабатывают себе гражданство. Тогда кому? Туманному Альбиону? Очень сомнительно, англичане

снобы, каких поискать еще. Да и не слышал он, чтобы какая-нибудь страна обладала такими способами связи и мгновенного перемещения.

Что-то здесь очень странное. Да и это название – Орден Аарн. Кто они такие? Неужели древние тайные ордена, обладающими невероятными знаниями, не выдумка? Очень похоже на то. Никакого иного вывода полковник Бурцев сделать не смог. Передернув плечами, он подвел есаула к бывшему штабс-капитану и представил по всем правилам.

– Рад знакомству, господа, – поклонился тот. – Возможно, у вас есть желание для начала искупаться и переодеться в чистое?

– Уже говорил, что не откажусь, – проворчал есаул, подполковник молча кивнул.

Никита улыбнулся и отвел их свою каюту на «Пике Мглы», приказав биокомпу доставить одежду и вырастить еще две ванных комнаты. Пока офицеры мылись, он времени зря не терял, подключившись к главному биокомпу крейсера и занявшись анализом собранных Асиархом данных. Первичное сканирование выявило немало интересных людей, и каждым из них придется заняться вплотную.

Итак, что мы имеем? Трое в Париже, четверо в Харбине, восемь в Лондоне. И больше сорока человек в Константинополе, куда сейчас тысячами прибывали беженцы из Крыма. Уже неплохо. Жаль, далеко не все из этих людей способны стать аарн. Его прежняя профессия накладывала некоторые ограничения, и многие из коллег на глазах становились законченной сволочью. Мало кто сумел сохранить душу, будучи контрразведчиком.

– Благодарствую за баньку, господин лор-капитан, – добродушно проворчал выбравшийся из ванной комнаты покрасневший есаул. – Думал уж перед смертушкой и помыться-то не доведется.

Вскоре появились остальные. Офицеры надели доставленные биокомпом простые темно-серые комбинезоны. Они с подозрением оглядывали себя и друг друга. Очень уж непривычно выглядели они в этой странной, немного мешковатой одежде. Едва удалось понять, как она вообще застегивается. Пуговиц не было, края просто слипались, и комбинезоны после этого казались цельными. Сапоги вырастали прямо из штанов.

– Прошу к столу, господа, – указал рукой на круглый стол посреди салона Никита, одновременно заказывая у биокомпа плотный обед на четверых.

Офицеры нервно вздрогнули, когда поверхность стола подернулась туманом, и из ниоткуда возникли блюда, тарелки, бокалы и бутылки. Через полминуты перед ними находился роскошно накрытый стол. Вкусные запахи терзали ноздри давно по-человечески не евших людей. Бутылки с незнакомыми напитками тоже обещали немало удовольствия.

– Скатерть-самобранка, мать ее... – замороженно пробормотал подполковник Малышев, есаул задумчиво рассматривал стол и кривился, почесывая в затылке. Полковник Бурцев мрачно жевал нижнюю губу.

– Что-то наподобие, – улыбнулся Никита. – Не обращайтесь внимания, господа. Это все бытовые мелочи, скоро вы увидите такое, что и представить себе никогда не могли.

– Вот как? – еще сильнее нахмурился полковник. – И что же?

– А вот...

Никита повернулся к одной из стен, и она превратилась в экран, демонстрируя взглядам застывших на месте людей плывущую внизу в клочьях облаков Землю.

– Вы уже поняли, какую планету вы видите перед собой? – спросил он. – И где находитесь сами?

– Неужто – в небесах? – прищурился есаул.

– Не совсем в небесах, – хитро ухмыльнулся Никита. – Немного повыше. Возможно, не все из вас слышали, что существуют и иные миры, кроме нашего. И там живут иные люди. Впрочем, не только люди.

– Читал что-то... – ответил еще больше помрачневший полковник.

– Тот свет, что ли? – спросил есаул.

– Нет. Вы живы и находитесь на звездном корабле, предназначенном для путешествий между мирами. Корабль очень велик, больше пятидесяти верст в длину и никогда не опускается на поверхность планет. Внизу его раздавит собственный вес.

– Но как вы здесь оказались? – поинтересовался Бурцев.

– Давайте выпьем, господа, – усмехнулся Никита, наливая каждому по бокалу «Черного вала». – И я все расскажу. Выпьем за тех, кого с нами уже нет.

Он встал, склонил голову и почти неслышно сказал:

– Пью этот бокал в память о человеке, который спас мне жизнь и открыл дорогу в орден Аарн. За тебя, Лар даль Далливан, наследный принц Арнасарта!

Контрразведчик поднял бокал и залпом выпил. Немного постоял, вспоминая, и снова сел. Офицеры последовали его примеру, каждый вспомнил какого-то близкого ему человека, погибшего на этой войне, и выпил в память о нем или о ней.

– А теперь слушайте, – начал Никита, подцепляя вилкой кусок мяса и отправляя в рот. – Восемь месяцев назад в камеру смертников в иркутском ЧК бросили человека...

Контрразведчик рассказывал свою историю не спеша, отвечая на вопросы не верящих невероятному рассказу офицеров. Если бы не видеозаписи, которые по его просьбе крутил в каюте Асиарх, они и не поверили бы. Сперва перед белыми офицерами потекли кадры уничтоженной колонии на Тарсале, потом совещание у Релира, история проникновения на научную базу Проекта под видом бесноватого капитана Бальсета. Захват базы, совещание Военного Совета, назначение Никиты альфа-координатором. А вслед за тем – Фарсен и произошедшее там. Вскоре офицеры с интересом обсуждали незнакомую им тактику легионеров ордена и способы атаки. Глаза их возбужденно горели, только есаул выглядел задумчивым.

– Вот так оно все и случилось, – развел руками Никита, закончив рассказ. – Понимаю, в такое трудно поверить, но это правда.

– Верю, – усмехнулся полковник. – Не придумаешь такого. Да и возможности этого вашего ордена... Впечатляют, скажем так. Именно они меня и убедили.

– Вот и хорошо.

– Значит, ваш Командор отправил вас сюда за людьми?

– Не совсем так, – вздохнул Никита. – Это я вспомнил, что здесь много подходящих людей, когда было принято решение создать четыре новых легиона. Людей, которым некуда податься. А у нас многие найдут новую родину. Вот я и предложил полететь на Землю.

– Вы уже не считаете себя русским? – внимательно посмотрел на него подполковник Малышев.

– Считаю, – вздохнул Никита. – Но жить в России не смог бы. Зная и умея то, что я знаю и умею сейчас, не смог бы. Ощущал бы себя сидящим в клетке. Да и физически было бы очень тяжело. Понимаете, в орден людей берут по душевным качествам, и тот, в ком есть хоть немного подлости, не сможет стать аарн.

Он коротко рассказал, чем является орден Аарн, об эмпатии и телепатии. Потом показал кое-какие картины внутренних миров Аарн Сарт, которые успел повидать сам.

– Понятно... – снова нахмурился полковник. – А не страшно вам так жить, не имея ничего своего? Даже чувств и мыслей.

– Нет, – широко улыбнулся Никита. – Не страшно. Вот в обществе людей, несущих внутри себя зло, я находиться не могу. Помните, как вырвало моего друга, когда мы вас забивали?

– Да.

– Он сдуру полез в души кое-кого из красных, надеясь, что его бывший приятель окажется достойным. Увы, тот оказался редкой сволочью.

– Приятель? – поднял брови есаул. – Среди краснюков?

– А Ник сам в прошлом красный комиссар, – развел руками Никита. – До сих пор никак не может поверить, что многие из его товарищей – законченная сволочь. Прошу не удивляться и повторяю, что в орден людей берут исключительно по душевным качествам. А кем был человек до того, как попал к нам, красным, белым или синим в крапинку, никакого значения не имеет. Среди нас есть все. И принцы, и рабы. Эти слова сказал человек, который спас мне жизнь, и в тот же день погиб сам. Он как раз был принцем. Я пил в честь его памяти, вы слышали.

– По душевным качествам... – задумчиво протянул полковник. – Трудно принять ваши слова. Да и понять, если честно. Но почему вы все это рассказали нам?

– Приношу свои извинения, – вздохнул Никита, – но вас троих уже проверили по моей просьбе. Вы нам подходите. Вам достаточно произнести Призыв, и вы станете аарн.

Офицеры замерли, затем переглянулись. И каждый задумался. А подумать было о чем, предложение лор-капитана отдавало чем-то потусторонним. Да и жить с открытыми всем вокруг мыслями и чувствами – ой, как непросто. Но что-то в этом непонятном ордене было притягательным. Жить в обществе людей, среди которых нет ни единого подлеца или корыстолюбца? Среди людей, которых уважаешь сам, и которые уважают тебя? Неплохо, должно быть.

– А какова альтернатива? – спросил подполковник Малышев.

– Фарсен охотно примет на службу всех, кто не подойдет нам, но честь и совесть сохранил, – ответил Никита, снова наливая всем виски. – Не подошедших ни нам, ни им, или отказавшихся от наших предложений мы высадим на территорию страны, которую они выберут. Каждому будет выдана определенная сумма в местной валюте, мы не считаем себя вправе оставлять людей в чужой стране без средств к существованию. Какими бы эти люди ни были.

– Ясно, – кивнул полковник. – Будем думать.

– А чего тут думать? – пожал плечами есаул. – Хорошие люди к себе зовут, видно, что хорошие, тут и думать нечего. Служба? Так она всегда служба, не привыкать. Я согласен. Только семья...

– Вытащим семью, не проблема, – поспешил заверить его Никита. – Теперь вам надо сказать Призыв, и все. А когда вернемся на Аарн Сарт, пройти Посвящение. Тоже ничего страшного.

– Что за призыв?

– Три слова. Арн ил Аарн. Перевод – я есть аарн. Это на одном из древнейших языков галактики, ему не один миллион лет.

– Мне тоже терять нечего, – криво усмехнулся подполковник Малышев. – Совсем нечего. Даже семью ЧК расстреляло. Арн ил Аарн, говорите?

Торжествующая птичья трель грянула в каюте, заставив офицеров подпрыгнуть.

– Вот и все, – развел руками Никита. – Трель – сигнал Избрания. С этого момента вы официально приняты в орден Аарн. Мы все – братья и сестры. И взаимоотношения в нашей среде семейные. Даже в армии. Не удивляйтесь почти полному отсутствию субординации, не принято это у нас. Можно и командира послать куда подальше, если он не по делу пристал.

Вскоре Призыв повторил есаул, а вслед за ним и полковник Бурцев. Оставшись в одиночестве, он прикинул, что может светить ему за границей. А ничего не может! Это он прекрасно понимал, не дурак как будто. Никакой гражданской профессии у него нет. Он офицер, и больше ничего делать не умеет. Кому нужны за границей тысячи и тысячи офицеров чужой, разбитой армии? Пожалуй, предложение лор-капитана лучшее из того, что он может получить. А раз так...

– Что ж, братья, рад за вас! – светло улыбнулся Никита, когда отзвучала последняя трель Избрания. – Думаю, вы составите костяк командования будущего русского легиона. Название придумайте сами, у нас обычно легионам дают пышные и даже немного помпезные имена. Например, «Бешеные Кошки» или «Ангелы Тьмы».

– Ничего себе названьице... – поежился полковник.

– Вас вытаскивал легион «Коршуны Ада», эмблема – атакующий коршун. Эту эмблему знают по всей обитаемой галактике, и чаще всего, только заслышав, что их собрались атаковать «коршуны», сразу сдаются.

– Неплохо, должно быть, воевать умеют, – покачал головой есаул.

– Научимся и получше, – усмехнулся Никита.

– Дурное дело не хитрое...

– Но воевать нам вряд ли скоро придется, мало кто решается даже слово сказать против ордена. Впрочем, сейчас пошло смягчение отношений, остальные государства галактики приняли наших послов, но что-то я сомневаюсь, что это надолго. Слишком нас не любят и слишком боятся.

– Раз боятся, тогда все понятно.

– Главным занятием новых легионов станет создание тайных структур в других странах.

И разведка.

– Шпионить? – скривился подполковник.

– Выбора особого нет, – тяжело вздохнул Никита. – Если мы не будем знать, что против нас замышляют, то нам на голову то и дело станут валиться всякие не слишком приятные сюрпризы. Впрочем, перевестись в чисто боевой легион для желающих не проблема. Или вообще заняться чем-то иным, не военной службой. В ордене никогда не принуждают человека заниматься тем, что ему не по душе.

– Приятно слышать, – потер подбородок полковник. – Но я офицер и намерен таковым остаться. А для офицера существует слово приказ.

– В таком случае я, Никита Александрович Ненашев, своей властью альфа-координатора присваиваю полковнику русской армии Бурцеву Александру Владимировичу звание дварх-полковника ордена Аарн и назначаю его командиром вновь создающегося легиона без имени! – поднялся на ноги Никита. – Встаньте, господин дварх-полковник!

– Есть, господин альфа-координатор! – встал и принял строевую стойку Бурцев. – Благодарю за доверие! Постараюсь оправдать.

– Асиарх, зафиксируй пожалуйста! – поднял голову вверх Никита.

– Уже... – донеслось с потолка недовольное бурчание. – Еще чего надо? А то у меня четыреста боевых групп на грунте, за всеми следы подчищать кому? Асиарху, кому же еще. А спасибо сказать?

– Спасибо, дружище! – рассмеялся контрразведчик, неугомонный дварх был в своем репертуаре. – Познакомься с новыми братьями.

– Рад, – еще недовольнее проворчал тот. – Извиняюсь, говорить некогда. Если надо чего, зовите. Никита объяснит как.

– А эт-то кто? – ткнул пальцем в потолок слегка обалдевший есаул.

– Что-то наподобие души звездного корабля. Услышит вас всюду, только позовите по имени. Даже внизу, если вы занесены в его личный список людей, за которыми он считает себя обязанным приглядывать. Перемещение по кораблю, по планете, управление, контроль над техникой и еще много чего – в его власти. Тела у него нет, его тело – сам корабль. Асиарх всегда поможет, но ворчлив, правда, не в меру.

– Это кто еще ворчлив тут? – возмутился с потолка дварх и замолчал, сообразив, что только подтверждает слова Никиты. – Ну, ворчлив. Зато какой молодец!

– Молодец ты наш... – согнулся от хохота альфа-координатор. – Умница ты наша ненаглядная!

– Я такой! – гордо ответил Асиарх и отключился.

Есаул пофыркивал себе в усы, подполковник посмеивался, даже свежеиспеченный дварх-полковник едва сдерживал смех.

– Вот такой у нас дварх, – развел руками Никита, отсмеявшись. – Хоть и хвастаться любит, но умница действительно редкостная. Впрочем, они все несколько ехидны и ворчливы, но наш Асиарх любому другому сто очков вперед даст. Честное слово, даже жаль, что «Пик Мглы» к легиону «Ищущие Мглу» приписан. Забрал бы его вместе с Асиархом к себе.

– Трудно будет ко всему этому привыкнуть, – повел плечами Бурцев. – Хотя... вы привыкли, значит, и я привыкну.

– Привыкнете, – заверил Никита. – Давайте выпьем, и я опишу вам структуру легиона. Думаю, подполковник с есаулом станут вашими дварх-майорами. Еще двух подберете позже.

– Сколько бойцов в легионе? – спросил Бурцев, пригубив виски.

– Двадцать тысяч и четыре дварх-крейсера. Плюс аналитический отдел и службы поддержки. Это еще около десяти тысяч. Восемь двархов, как минимум, два биоцентра с компами наивысшей мощности. Не спрашивайте пока, что такое компа, потом поймете сами. Штаб-квартиру легиона тоже подберем позже. Обычно легион приписывается к какому-то из двадцати четырех атакующих флотов, но в вашем случае дело иное. Вы останетесь в непосредственном подчинении Совета Безопасности. Кстати, второй легион Ник хочет собрать из красных, так что вы не сильно удивляйтесь, если вдруг встретите на корабле бывших врагов. Но я очень сомневаюсь, что у него получится. Может, и сумеет набрать несколько тысяч человек, но вряд ли больше.

– Я тоже сомневаюсь, – презрительно фыркнул Бурцев. – Если вы отбираете людей по чистоте души, то тем более ничего у него не выйдет.

– Вернемся лучше к структуре легиона. Возглавляет его дварх-полковник, не отчитывающийся ни перед кем, кроме Совета, которому подчинен, командующего флотом, лор-адмирала своего дивизиона и текущего альфа или бета-координатора. Его непосредственные заместители – четыре дварх-майора, командующие бригадами. Затем следуют лор-майоры, лор-капитаны, дварх и лор-лейтенанты. Разделение бойцов на оперативные группы внутри своих подразделений полностью во власти командиров этих подразделений.

– Несколько странновато, – поморщился подполковник. – Нет единых структурных единиц? Взводов, батальонов и так далее?

– Нет, – подтвердил Никита. – Каждая задача решается группой, на которую возложено решение этой задачи. Как именно исполнить приказ – дело командира группы. Командование интересуется результатом, а не каким образом его добились.

– Вот это мне нравится! – одобрительно кивнул есаул и, подняв бокал, молодецки опрокинул его в рот. – Крепка, зараза!

– Мне тоже, – присоединился Бурцев. – Значит, никто не будет стоять за спиной и нудить, что вот это нужно было делать так, а это – вот так?

– Не будет. Главное – результат. Ну, и чтобы не забывали – цель никогда не оправдывает средств. Нас и так слишком ненавидят, мы не можем допустить дальнейшего нарастания напряжения.

– Политика меня не касается! – поморщился свежее испеченный дварх-полковник. – Я офицер.

– Пока рано говорить об этом, – согласился Никита. – Для начала легион нужно создать. Из ничего. Потом Посвящение, преобразование и так далее. Найти не приписанные к другим легионам корабли, договориться с их капитанами. Обратиться к двархам с просьбой о вступлении восьми из них в легион. Да много чего еще.

– Располагайте нами, господин альфа-координатор, – встал Бурцев.

– Садитесь, дварх-полковник. Работы будет очень много, буквально с завтрашнего утра. А может, и вечером придется поработать. Неизвестно, сколько народу нам подойдет из тех, кто уже на станции. Да и не все захотят.

– А я сам с ними поговорю, – усмехнулся тот, садясь. – Не беспокойтесь, Никита Александрович, я знаю, что сказать людям и что им пообещать. Какое, кстати, денежное содержание?

– Денежное? – озадаченно почесал в затылке Никита. – Да любое. Если оказываетесь в чужих мирах, то на выходе получаете банковскую карточку с неограниченным кредитом. Тратьте, сколько пожелаете, наши карточки принимают в любом банке галактики без проблем. На Аарн Сарт деньги не нужны, там всего полно и совершенно бесплатно. Хотите дворец? Посылаете заказ местному биоцентру, и через два часа получаете семя. Сажаете его, где понравится, и через пару дней вырастает вам дворец. Заказы любой одежды, еды и всего, чего захочется, тоже идут через биоцентры. Заказанное получаете почти мгновенно и тоже бесплатно.

– Бр-р-р... – помотал головой Бурцев. – Что за странные вещи вы говорите?..

– Ничего странного, – едва сдержал смехок контрразведчик. – Это только поначалу кажется странным, а потом привыкнете. Наоборот, оказавшись в месте, где за все нужно платить, будете чувствовать себя не в своей тарелке.

– А с чего ж тогда люди работают и служат, коли можно на печи сидеть и пузо чесать? – прищурился есаул.

– Пока не могу объяснить, слов нет, – вздохнул Никита. – После Посвящения сами поймете. Научитесь без слов разговаривать и поймете.

– Без слов? – приподнял брови Бурцев.

– Это очень удобно. Представьте себе, что вы командуете атакой.

– Представил, – пожал плечами тот. – Обычное дело.

– Тогда представьте еще, что вы смотрите глазами каждого бойца, слышите его ушами и так далее. Команды передаются мгновенно, без каких-либо задержек, командир всегда в курсе происходящего.

– Удобно, – согласился Бурцев. – Но зато в голове полный кавардак.

– Без биокомпов – да. Спросите, что такое биокомп? Это такая штука, которую вставляют прямо в мозг, и она помогает думать раз в десять быстрее. Позволяет запомнить все, что нужно. Хоть сотню книг дословно.

– Господи... – снова помотал головой дварх-полковник. – Как сказка какая...

– Вернемся к делу, – продолжил Никита. – Из Крыма мы выведем всех, кого сможем. То же самое сделаем и на других недавно захваченных красными территориях. А вот из эмиграции станем брать только людей, которые нам изначально подходят. Я понимаю, что возникает желание многим помочь, особенно находящимся в бедственном положении. Можно организовать какой-нибудь фонд и помогать деньгами. Вот уж чего нам не жаль, так это денег. Но брать сможем только тех, кто действительно наш по духу. Впрочем, многих захочет взять армия Фарсена. Решать будет генерал Гласс, их военный министр, он прибыл с нами.

– Ясно, – помрачнел Бурцев. – С генералом я поговорю, думаю, найдем общий язык. А что с семьями? У многих офицеров остались живые родственники.

– Не проблема, – улыбнулся Никита. – Семьи найдем и аккуратно выведем хоть из самого Питера. Никто нам в этом помешать не сумеет. Если не смогут стать аарн, поселятся на пограничных мирах, у многих из наших там родные живут.

– А почему бы ордену, раз у него такая сила, не взять, да не навести в России порядок? – подозрительно спросил подполковник Мальшев.

– Почему? – скривился Никита. – Да потому, что крови прольется вдесятеро больше. И ничего хорошего не получится. Россия – не первая страна, где произошла революция. В прошлом орден пытался наводить порядок в таких странах. Результат оказался настолько страшен, что мы зареклись от попыток изменить ход социального развития. Россия должна переболеть этой болезнью и получить иммунитет. Немного позже вы ознакомитесь с некоторыми документами и поймете, что нас с красными попросту стравили между собой некие силы, жажду-

щие абсолютной власти. Им мешали честные, свободомыслящие люди, и они нашли способ избавиться от тех, кто им мешал. Я сам, когда прочел эти документы, долго спать не мог.

– Вы уверены? – глаза Бурцева стали похожи на глаза попавшего в капкан волка.

– К сожалению. Эти документы не для вас и не для меня готовились, а для социологов и социоматиков ордена. Их собрали во время предыдущего посещения Земли восемь месяцев назад. Аарн тогда вообще не планировали брать к себе землян, если бы не Лар, меня с друзьями так и расстреляли бы в Иркутске. Оказавшись на корабле, я буквально через день взялся за изучение социологии и всей собранной на Земле информации. Вместе с бывшим красным комиссаром, который был еще в большем ужасе, чем я, когда понял, как их использовали. И для чего. Вот так-то, господа.

Подполковник Малышев сжал кулаки и принялся материться. Он ругался минуты две, помянув всю красную верхушку и стоящих за ними, всех их родственников до седьмого колена и даже их кошек с собаками. Немного успокоившись, залпом опрокинул в рот полный бокал черного виски и мрачно умолк, уставившись в стол. Есаул дергал себя за правый ус, в его глазах горело: «Ох, попадитесь только мне, сволочи...» Командир еще не созданного безымянного легиона смотрел в стену и скрипел зубами.

– Стравили, значит... – выдавил он из себя, наконец. – Неужели для России все кончено?

– Ни в коем случае, – усмехнулся Никита. – По прогнозам, большевики не продержатся больше ста лет. Но если мы попытаемся изменить ситуацию силой, Россия вскоре прекратит свое существование как государство. Так стоит ли овчинка выделки?

– Не стоит, коли дело обстоит так... – скривился Бурцев. – Хотел бы я сам посмотреть эти документы.

– Попросите Асиарха, когда устроитесь, он перешлет вам копии. В ордене не принято скрывать что-либо от своих.

– Благодарю, – кивнул дварх-полковник. – Что прикажете делать?

– Пока ничего, – грустно улыбнулся Никита, понимающий его состояние. – Устраивайтесь. Скажите Асиарху или главному биокомпу крейсера, кто-нибудь из них вырастит вам каюты. Селитесь, отдыхайте. Походите по крейсеру, посмотрите сами, как здесь живут. Ох ты, боже мой, едва не забыл!

– Что?

– В ордене есть не только люди, но еще и ящеры, арахны, драконы. Потому не удивляйтесь, если повстречаете огромного паука или дракона с крыльями. Это не чудовища, а такие же аарн, как и вы сами.

– Пауки?! – вздрогнул есаул. – Бр-р-р...

– Ничего страшного, – негромко рассмеялся Никита. – Вот, посмотрите. Биокомп, прошу связать меня с дварх-майором Рла-Дальваа.

На стене загорелся голоэкрэн, с которого на присутствующих посмотрел огромными фасеточными глазами двухметровый паук, покрытый длинной, с локоть, черно-алой шерстью.

– Здравствуй, Никита, – проскрипел он. – Рад тебя видеть. Что-нибудь случилось?

– Да нет, Рла, – помахал ему рукой альфа-координатор. – Просто хотел тебя познакомить с новыми братьями. Дварх-полковник Александр Бурцев, командир пока безымянного легиона, Леонид Малышев и Михаил Борохов, дварх-майоры того же легиона.

– Рад знакомству, – распахнул жвалы арахн. – Ох, и задача же перед вами стоит, братья, – с нуля легион создавать. Понадобится помощь, обращайтесь, буду рад помочь.

– Благодарю, господин дварх-майор... – дрожащим голосом ответил Бурцев, остальные двое ничего не сказали, только изумленно хлопали глазами.

Никита, едва удерживаясь от смеха, бросил Рла-Дальваа быстрый эмообраз, объяснивший недоумевающему арахну, что здесь, собственно, происходит. Тот понимающе пощелкал

жвалами, ответил сложным, наполненным веселой иронией образом, несущим в себе до полусотни подтекстов, и отключился.

– Один из лучших боевых офицеров ордена, – как бы невзначай заметил Никита. – Да и организатор великолепный. По вопросам взаимодействия различных подразделений легиона и в самом деле советую обращаться именно к нему. Никогда не откажет в помощи.

– Господи ты боже мой... – с трудом выдавил из себя подполковник Малышев. – Паук, и вдруг офицер? Ни в каком кошмаре такое не привидится...

– Подождите, вы еще драконов не видели. Лучшим стратегом и тактиком галактики заслуженно считается черный дракон, дварх-адмирал второго атакующего флота ордена Аарн, Т'Сад Говах. Кампании дварх-адмирала изучают во всех военных училищах и академиях галактики. Вам тоже придется их изучать. Особенно тактику и стратегию космического боя. Такой бой, бывает, заканчивается за десять секунд, а гибнут в нем сотни тысяч человек.

– Ни х... себе! – в сердцах выругался Бурцев. – Сотни тысяч за десять секунд?!

– Посмотрите записи боев, сами поймете, – отмахнулся Никита. – Прощаюсь пока, господа. Еще раз прошу ничему не удивляться. Отдыхайте, нам вскоре предстоит столько работы, что спать некогда будет.

– Не привыкать, – усмехнулся в усы есаул. – Никогда работы не боялся.

Никита отвел новых братьев в туманный зал крейсера и оставил там, посмеиваясь про себя. Реакция была вполне предсказуемой – люди ошеломленно замерли с открытыми ртами. Пусть погуляют, отдохнут немного, посмотрят на то, что и представить себе никогда не могли.

Вечером всем станет не до отдыха. Из Крыма на боевую станцию уже вывезли больше двадцати тысяч человек, и люди продолжали прибывать. И не только из Крыма, но и из многих других областей России, недавно захваченных большевиками.

Надо и самому, пожалуй, вздремнуть часок. А то придется потом ходить и зевать, прячась по закоулкам от неугомонной Вериль. Никита быстро разделся и рухнул на кровать, отдав биокомпью приказ разбудить его через два часа. Закрыл глаза и мгновенно провалился в сон.

* * *

Анализ почти не занимал Ренни, компьютер проводил его самостоятельно, секретарю оставалось только подставлять нужные цифры для сходимости алгоритма. А перед глазами снова стояла страшная картина захлебывающейся собственной кровью четырнадцатилетней девочки. Почему-то последний отбор особенно тяжело дался ему. Ренни прекрасно понимал необходимость сделанного господином графом, но смириться никак не мог. Сердце сжималось при мысли о том, кем стал он сам.

– Лоех, ты закончил? – ворвался в комнату Дарв ис Тормен.

– Почти, – ответил секретарь. – Еще минут десять для полной достоверности. Но основные выводы могу дать уже сейчас.

– Давай, – рухнул в кресло граф, скрестив мосластые ноги.

– Главной точкой воздействия на ближайшие годы должен стать Трирроун. Если мы не остановим там орден, то лет через пять нам в республику можно будет даже не соваться. Бесполезно. Аарн начали массированную атаку на общественное бессознательное. Инфофильмы, несколько философских течений, на которые охотно клюнула жаждающая нового молодежь. Книжки. Интереснейшие, гениально написанные, их читает запоем весь Трирроун. Мои аналитики разложили текст одной из них на семантические составляющие, и пришли в ужас. Это такой удар по подсознанию, что слов нет. У человека, прочитавшего с десятков подобных книг, слова бизнес и политика будут вызывать инстинктивное отвращение. Да что там – омерзение!

– Даже так? – нахмурился ис Тормен. – Ты прав, такой массированной атаки на общественное бессознательное орден еще не проводил. Мы должны поспешить, или проиграем окончательно.

– Господин граф... – хотел было спросить Ренни, но заставил себя замолчать.

– Что, Лох? – ласково спросил тот. – Тяжело тебе? Вижу. Нам давно пора серьезно поговорить. Спрашивай.

– Почему у нас в союзниках только такая мразь, что сказать противно? – решил Ренни задать вопрос, который не давал ему покоя уже не один год. – Неужели с такими союзниками мы сможем построить хоть что-нибудь толковое?

– Почему? – тяжело вздохнул ис Тормен. – Да потому, что большинство хороших людей уходят в орден, Аарн просто забирают их у нас. А оставшиеся не хотят пачкаться, играя в наши игры. Падение ордена, к сожалению, выгодно в основном тем, кого ты назвал мразью. Остальные не понимают, не хотят понимать, что иначе нельзя, что орден должен пасть. Аарн обеспечили галактике довольно-таки безопасное существование, и обывателя, да и не только обывателя, это вполне устраивает. Если бы орден продолжал вести себя по-старому, заносчиво, я бы не особо нервничал. Ненависть к ним была бы зоологической, как у тебя раньше. А теперь придется действовать куда более жестко, если мы не хотим проиграть.

– Наверное, вы правы... – опустил голову Ренни.

– Но кое в чем прав и ты, – ехидно ухмыльнулся граф. – С такими союзничками, как у нас, никаких врагов не надо, сами все порушат. Но ты не учитываешь одного маленького нюанса. А точнее – просто не знаешь о нем. На вторых ролях во всех подконтрольных нам организациях находятся мои люди. Люди чести, служащие не за деньги, а ради великой цели. Понял?

– После победы последует большая чистка, и ваши люди выйдут на первые роли?

– Естественно, мальчик мой, – горланно рассмеялся ис Тормен. – По-иному и быть не может. Я привык держать все под своим контролем. Ты знаешь, что после победы именно нам предстоит стать службой безопасности обитаемой галактики. И нам же придется под корень вырезать многие из организаций, служащих нам сейчас. Жестоко, но практично.

– Да этих не жалко! – махнул рукой Ренни. – Это же нелюдь, бешеное зверье.

– А кто сам когда-то собирался в пираты податься? – хитро прищурился граф. – Может, припомнишь?

– Не напоминайте... – тяжело вздохнул секретарь. – Что взять с двадцатилетнего дурака? Поумнел с тех пор немного, слава Благим. Даже ненависти к ордену больше нет. Они, если честно, немало и полезного делают.

– Немало, – кивнул ис Тормен. – Вопрос только, какой ценой.

– Объясните, – нахмурился Ренни. – Не понимаю.

– Все просто. Откуда уже больше тысячи лет к нам приходят все новые изобретения, открытия, идеи?

– С Аарн Сарг...

– Ты сам ответил себе, – грустно улыбнулся ис Тормен. – Орден перекрыл галактике возможность развития, он забирает у каждой страны лучшую молодежь, творческий и научный потенциал, будущее народа. Аарн оправдывают свое поведение тем, что эта молодежь иначе мучилась бы от непонимания, и мало кто из них чего-либо достиг. Согласен, в этом они правы. Но кое-кто сумел бы пробиться и двигал вперед науку и культуру страны, в которой был рожден.

– Мне вспоминается история величайшего композитора последней пары столетий. Даже вы любите его музыку.

– Гел Тихани... – тяжело вздохнул граф. – Мне очень жаль, что его умирающим нашли аарн, а не мы. Кто мог подумать, что на занюханной колониальной планетке появится такое дарование? Если бы орден забирал только таких, как Гел, находящихся на грани смерти, я

бы ничего против не имел. Но они ведь гребут всех подряд. Самых лучших. Самых честных. Самых талантливых. Самых добрых. А что остается остальным? Превращаться в зверье? Они и превращаются. Шаг за шагом, год за годом, столетие за столетием. Результат ты видишь сам.

– Наверное, вы правы, – внимательно посмотрел на своего сюзерена Ренни. – Но вот по поводу запрета войн вы уже ничего сказать не можете.

– Не могу, – согласился ис Тормен. – Пока не был обнародован прогноз Альтера, я думал, что войны необходимы. Выжить должен сильнейший – это закон развития. Но этот прогноз...

Граф тяжело вздохнул.

– К сожалению, прогноз оказался достоверным, – продолжил он. – Допустить галактическую войну сейчас – означает погибнуть. Всем. Может, из остатков выживших через несколько тысяч лет и поднимется новая галактическая цивилизация. А может, и нет. Лучше не рисковать. Без войн не обойтись, но каждый правитель обязан четко усвоить строжайший запрет бомбардировок населенных планет. Нарушителя должно немедленно и очень жестоко карать. Сумеет ли мы решить эту задачу? Не знаю.

– Вот и я не знаю, – передернул плечами Ренни. – Господин граф, вы ведь понимаете, что я отдам за вас жизнь, не задумываясь?

– Понимаю. Потому и позволяю тебе говорить мне в глаза то, чего не потерпел бы ни от кого иного.

– Не становимся ли мы сами зверьми в погоне за победой?

– Надеюсь, что нет... – сгорбился в кресле ис Тормен. – Надеюсь, что нет...

Он резко встал, подошел к бару, налил себе полный бокал черного тиумского виски и залпом выпил. Потом минуту постоял молча, о чем-то размышляя, и выпил снова.

– Девочек забыть не можешь?.. – хрипло спросил он.

– Не могу... – вздрогнул Ренни. – А вам они ночами не снятся?

– Снятся, – скрипнул зубами граф. – Но у меня нет иного выхода! И кому, как не тебе, об этом знать.

– Простите меня, – вздохнул секретарь. – Все знаю и все понимаю, мне просто больно их видеть.

– Мне тоже, – сухо сказал граф. – Но я не имею права на жалость. Если бы мы были добренькими, мы получили бы столь многообещающий экземпляр, как тридцать вторая?

– К сожалению, нет.

– Вот и я о том же. На этом давай закончим бесполезный разговор. Мне сейчас еще с девчонкой говорить. А она твердый орешек, легко не расколешь.

Дарв ис Тормен иронично усмехнулся, снова превратившись в человека, которым его привыкли видеть окружающие. Снова перед секретарем стоял лоцный, уверенный в себе аристократ, великий маг.

– Звать? – спросил Ренни.

– Давай.

Секретарь вышел.

Тридцать вторая осторожно подошла к комнате, в которой ее ждал господин. Девушка всю последнюю неделю пребывала в недоумении. Ее заперли в большой роскошной спальне, кормили досыта всякими вкусными вещами, позволяли спать, сколько хотела. Даже книги дали. Но самое главное – за всю неделю ее ни разу не ударили! Ни за что не наказали! Это вообще ни в какие ворота не лезло, такого не случалось никогда. Хоть раз в день воспитанниц питомника пороли просто для профилактики. Тридцать вторая относилась к неизбежной ежедневной порке философски, как к привычному злу. Все равно ведь ничего не поделаешь, так нечего волну зря гнать. А тут вдруг целая неделя отдыха! Без порки!

Откровенно говоря, девушка просто растерялась. На глазах рушилось все, к чему она привыкла. Умница попыталась понять, для чего с ней так поступают, но не смогла. Информации для качественного анализа оказалось недостаточно. Даже Хитрюга с Ведьмой ничем помочь не сумели, тоже пребывая в недоумении. Когда тридцать вторую позвали к господину, у девушки камень с души свалился. Пусть что угодно делает, хоть надзирателям отдаст, только бы не эта проклятая неизвестность!

– Заходи, чего стесняешься, – заставил ее вздрогнуть голос господина. – Стань у той стены.

Она мышкой скользнула в комнату и застыла возле указанной стены по стойке смирно, не решаясь даже пошевелиться. На сей раз девушка была одета в выданное ей охранниками легкое серое платье до колен. Наверное, сейчас опять прикажет раздеться. Что такое стыд, тридцать вторая не знала, никто не разъяснял воспитанницам питомника значение этого понятия. Ей просто было несколько не по себе, когда мужчины жадно пялились на ее тело. И что такого необычного они в этом теле находят, что смотрят как на что-то очень вкусное? Тело как тело. Точно такое же, как у остальных воспитанниц. Впрочем, на тех охранники тоже смотрели жадно.

Господин молчал, с каким-то лихорадочным интересом разглядывая девушку. Тридцать второй снова стало не по себе. Чего он хочет? Для чего она ему?

– Сколько у тебя личностей? – припечатал ее к стене неожиданный вопрос.

«Молчи! – в панике завопила Злюка. – Дура, молчи!!!»

«Он знает, – возразила Убийца. – Не вздумайте играть с этим человеком в ваши обычные игры. Он нас насквозь видит, задницей чую».

«Она права, – проворчала Хитрюга. – Умница, бери контроль и постарайся не ляпнуть лишнего. Ведьма, будь готова перехватить».

«Дуры вы... – прошипела Злюка. – Вот посмотрите, что дальше будет».

«Молчать всем! – скомандовала Умница. – Мы начинаем самую опасную игру в нашей жизни. Если проиграем, то все – кранты. Поняли, девки?»

– У меня шесть полноправных личностей, господин, – наклонила голову тридцать вторая, а когда подняла голову, граф увидел в ее глазах насмешку.

– Интересно, есть ли среди них нужная? – поинтересовался он. – Ты, похоже, девочка неглупая и сама должна была кое-что понять.

– Вы имеете в виду мечтательную идиотку, верящую во всякую чушь, вроде любви и дружбы? – оскалилась девушка. – Имеется такая.

– Bravo! – пару раз хлопнул в ладоши ис Тормен. – Ты меня не разочаровала.

Внутри девушки все пятеро облегченно перевели дух. Они не ошиблись, пичкая Дурочку строго дозированной информацией и не позволяя ей просыпаться. Плохо, что именно это жалкое существо станет основной личностью, но против воли господина не пойдешь. Впрочем, пока рано судить, слишком мало данных. Главное – выжить. Это первичная задача, а что случится потом – пока не важно.

– Садись в кресло, девочка, – показал рукой господин. – Вот в это. Налей себе сока.

Тридцать вторая осторожно подошла к указанному креслу и села, держа спину ровно, как солдат на плацу. Ей очень не хотелось проколоться хоть в какой-нибудь мелочи и вызвать гнев человека, от которого зависело, жить ей или умереть. Потому девушка налила сока в стакан, но отпить не решилась, напряженно глядя на сидящего перед ней подтянутого аристократа с седыми висками.

– пей, – приказал он.

Покорно глотнув, тридцать вторая удивилась – она ждала какого-нибудь подвоха, ждала, что в стакане окажется какая-нибудь гадость. Надзиратели часто так издевались над воспитанницами – сутками не давали пить, а потом поили какой-то горькой жидкостью, от которой

выворачивало все нутро. Но в стакане был прохладный и свежий сок, и девушка с большим удовольствием его выпила.

– А теперь подними стакан.

Тридцать вторая пожала плечами, протянула руку и подняла стакан.

– Не рукой! – скривился господин. – Магией.

«Ведьма! – позвала Умница. – Давай!»

«Иду, – отозвалась та, беря тело под контроль. – Наблюдай, запоминай все, проанализируй каждый его взгляд, каждое слово, каждый жест, каждый намек».

«Сделаю!»

Ведьма быстро вытянула из окружающего пространства несколько цветных нитей, с которыми ей так нравилось играть, переплела их и вздернула стакан в воздух. Господин озадаченно уставился на покачивающийся перед его носом стакан. Потом расхохотался.

– Вот уж точно, – выдавил он сквозь смех, – дурак меры не знает! Ну, девочка, ну, насмешила!

Тридцать вторую захлестнуло ужасом. Она не угодила господину! Благие! Ведьма отпустила стакан и попыталась сплести что-то защитное.

– Тише! – махнул на нее рукой ис Тормен. – Не нервничай. Ты перешла на иной уровень, и никто не собирается убивать тебя за одну ошибку. Тем более что ты самоучка и не виновата в своем невежестве. Это моя задача – научить тебя правильно плести заклятия, не выбрасывая на ветер столько энергии. Поняла?

– Да, господин! – склонила голову немного успокоившаяся девушка.

«Умница, он правду сказал?» – подозрительно спросила Ведьма.

«Судя по всему, да. Поздравляю, девки, мы, похоже, выжили! Теперь главное научиться всему, что только можно. Ведьма, теперь многое зависит от тебя. Ты уж постарайся...»

«Сама жить хочу... – проворчала та. – Справлюсь».

– Для начала я объясню тебе, что такое вероятность, – снова заговорил господин, – и что именно происходит, когда ты пытаешься манипулировать ею. Я требую, чтобы в случае малейшего непонимания ты задавала вопросы. Я готов объяснить и сто раз, но ты должна четко понимать все, что я тебе даю. Не бойся задать вопрос, не бойся признаться в своем незнании. Бойся оказаться надутой, невежественной и чванливой дурой, уверенной, что знает и понимает все. Предела знанию не существует, девочка, запомни эту истину.

– Я запомню, господин, – кивнула тридцать вторая. – Вы говорили, что вероятность – это цветные нити, которыми я манипулирую?

– Молодец, – одобрительно кивнул он, – не забыла. Но это не совсем верно. Нити – это всего лишь визуальное отображение различных вариантов вероятности одного и того же события в разных условиях.

– Простите, но я не поняла... – растерянно пробормотала девушка, с некоторым страхом поглядывая на графа.

– Попробую объяснить проще, – потер он подбородок. – Существует определенная вероятность того, что некое заданное событие произойдет здесь и сейчас. Например, очень вероятно, что стакан упадет на пол. Падению стакана должны предшествовать всего лишь несколько других событий. Предположим, ты, вставая, задела его и столкнула на пол. Столкновение станции с метеоритом даст тот же результат. И таких предшествующих событий может быть множество. Поняла?

– Да, – заинтересованно ответила тридцать вторая. – Значит, если к одному и тому же событию может привести множество иных, то вероятность этого события довольно велика?

– Правильно, – одобрительно кивнул господин. – Но вот то, что стакан сам по себе зависнет в воздухе без помощи кого-то из нас, почти невероятно. Понимаешь, почему?

– Потому, что существует слишком мало причин, способных привести к такому результату.

– Отлично! – хлопнул в ладоши граф. – Ты меня радуешь, девочка. Но вероятность реализации даже самого невероятного события все равно существует. Пусть исчезающе малая, но существует. Мы, маги способные управлять вероятностями, умеем найти эту слабую нить и подменить ею линию основной реальности. И самое невероятное событие происходит.

Ведьма напряженно размышляла, задействовав все аналитические способности Умницы и нестандартное видение Хитрюги. Теперь она начала кое-что понимать и постепенно приходила во все больший восторг. Значит, господин хочет научить ее творить чудеса? Но почему? Он не может не понимать, что тридцать вторая его люто ненавидит и воспользуется любой возможностью, чтобы отплатить за свое искалеченное детство. Вон, насмешливо осклабился. Все он, сволочь такая, понимает. Что ж, этот враг пока не по зубам, но когда-нибудь...

– Теперь я, кажется, поняла, что такое нити, – негромко сказала девушка, заставив себя отвлечься от сладких фантазий о мести. – Разноцветные отображают слабые вероятности, а белая толстая нить – происходящее в реальности без вмешательства мага.

– Не совсем правильно, но для начала сойдет. На деле все не так, это мозг мага интерпретирует вероятности в виде нитей. Так проще всего работать с ними.

Господин долго объяснял тридцать второй начала работы с вероятностными нитями и простейшими связками. Информации оказалось очень много, но девушке нравилось заставлять собственный мозг работать в полную силу. Давно не приходилось так напрягаться. Но результат стоил самого дикого напряжения!

– А теперь вот, – сказал господин и положил на стол потрепанную книгу без обложки. – Внимательно прочти и постарайся опробовать все, что описано здесь. Однако обдумывай каждое свое действие. Даю тебе на это месяц, через месяц я вернусь и проверю, чему ты научилась. Не разочаруй меня, девочка.

– Я сделаю все, что в моих силах, господин... – хрипло ответила тридцать вторая.

– И учти, книга очень ценна. Таких существует всего пять экземпляров в галактике. «Начала высшей магии» Стеверена. Испортишь – удавлю. Медленно.

– Я буду очень осторожна, господин...

– И бежать не пытайся, – усмехнулся ис Тормен. – Даже если ты освоишь все плетения из этой книги, тебе это не поможет. Я тебя все равно найду, и тогда ты позавидуешь судьбе отданных надзирателям. Учти это и старайся сначала думать, хорошо думать, а потом только что-нибудь делать.

– Благодарю за урок, господин, – склонила голову тридцать вторая, чтобы скрыть блеснувшую в глазах ненависть.

– И еще, – встал он. – Отныне ты больше не тридцать вторая. Я даю тебе имя. Встань!

Дрожащая девушка медленно встала на ноги. Господин наклонился к ее уху и прошептал три слова. Имя! У нее есть имя! Она плакала, не скрывая слез. Чуть ли не впервые за последние несколько лет.

– Это имя пока останется нашей с тобой тайной, девочка, – усмехнулся ис Тормен. – Придет время – и оно будет греметь по всей галактике. Будет, если ты сумеешь научиться всему, чему я хочу тебя научить. Если ты научишься контролировать себя и все свои личности. Никогда не сдавайся и иди вперед, как бы больно тебе ни было. И ты дойдешь.

– Я – дойду! – кивнула бывшая тридцать вторая, по-волчьи осклаившись. – Обязательно дойду.

* * *

Гул голосов многих тысяч человек казался шумом моря. Подхорунжий Артемий Сысоев оглядывал невероятных размеров амфитеатр и изумленно качал головой. Никогда не видел такого огромного помещения, не представлял даже, что такие существуют. Он сумел устроиться рядом с возвышением впереди и придержал места для троих приятелей, одного из которых мог назвать даже другом. С вахмистром Пашкой Мерещенко они не раз дрались спина к спине. Хотя дома, в станице, частенько бивали друг другу морды. Да только на войне домашние разногласия как-то очень быстро забылись, и вскоре казались обоим такой мелочью, о которой и вспоминать-то грешно.

Снова окинув взглядом бесконечные ряды кресел, он поежился. Это сколько же народу здесь собрали? Как бы не все тридцать тыщ. А кто собрал-то? Убей его Бог, если Артемий понимал. Вспоминался сарай, забитый казаками и офицерами так, что даже сидеть никто не мог. Люди стояли, плотно прижатые друг к другу, многие были уже мертвы, но упасть в такой толпе не могли. Все настолько устали, что ждали расстрела с нетерпением. Пусть смерть, только бы поскорее закончилось это издевательство. А затем впереди вдруг зажегся странный белый свет, и чей-то уверенный, молодой голос с почти незаметным акцентом сказал:

– Господа, мы пришли помочь вам спастись и выехать за рубеж. Времени у нас мало, проходите по одному в этот черный проход. Потом мы вам все объясним.

Обреченные на смерть люди не стали терять времени. В чем там дело, видели только стоявшие впереди. Но вскоре в сарае стало немного свободнее, из-за чего задние поняли, что им не солгали. Но кто пришел на помощь? Некому ведь. Впрочем, Артемию тогда было не до рассуждений, он поддерживал раненого в живот, стонущего от боли незнакомого поручика. Тот умирал, но умирать ему было еще долго, видал подхорунжий, как умирают от таких ран. Имелось бы какое оружие, Артемий добил бы беднягу, чтобы не мучился так.

Он медленно двигался следом за каким-то капитаном-пехотинцем. Потом перед глазами мелькнуло что-то черное, по коже пробежал морозец, и он оказался в большом, светлом зале. Переход был столь шокирующим и непонятным, что Артемий замер на месте. Но его сразу отвели в сторону, поручика подхватил под вторую руку еще кто-то.

– Идемте в госпиталь, быстрее! – сказал девичий голос, и подхорунжий с изумлением уставился на поддерживающую раненого с другой стороны симпатичную желтоволосую девушку в черно-серебристой форме.

– Ага... – только и сумел он выдать из себя.

Да и то. Поручик ведь мучается, вон как стонет, бедолага. Лучше сразу погибнуть, чем от такой раны три дня помирать. В светло-серой стене вертелась черная воронка, над которой горела надпись: «Госпиталь». У Артемия уже не было сил на удивление, поэтому он просто вошел в воронку. Оказавшись в большой комнате с розовыми, медленно шевелящимися стенами и потолком, покрытым черными, кольшущимися, как под ветром, щупальцами, он едва не выпустил поручика, чтобы перекреститься. Но долго стоять на месте и лупить глазами во все стороны подхорунжему не дали.

– Что с парнем? – подбежал к нему высокий человек с короткими, совершенно белыми волосами, похожими на мох, и круглыми глазами зеленого цвета. Увидишь такого в темноте, за черта принять можно.

– Живот... – ответил Артемий. – Помирает.

– Раз в наш госпиталь попал, уже не помрет, – возразил незнакомец. – Помогите его раздеть.

Вдвоем с желтоволосой девушкой они положили стонущего поручика на кушетку у стены и быстро стащили с него остатки обмундирования. Живот раненого был обвязан заскорюзлой,

пропитанной кровью тряпкой, когда-то бывшей чьей-то нательной рубахой. Больше ничего для него пленные офицеры сделать не могли. Круглоглазый распорол тряпку блестящим ножом и принялся внимательно исследовать рану.

– Так, – кивнул он. – Без ти-анх не обойтись. Берите его и несите за мной.

Артемий не стал спорить, этот непонятный человек явно доктор, а значит, понимает, что делает. Он осторожно поднял снова застонавшего поручика и понес за незнакомцем в открывшуюся в стене круглую дверь. Оказавшись в комнатенке с мокрыми рубчатými стенами, он снова вздрогнул, но не стал ничего говорить. В полу была яма с бурлящей розовой слизью. Именно в нее доктор велел опустить потерявшего сознание раненого. Пожав плечами, Артемий послушался. Поручик мгновенно скрылся в слизи с головой, она изменила цвет на багровый и затянулась непрозрачной пленкой.

– Ну, все, – довольно сказал круглоглазый. – Через день-другой здоровым встанет.

– После раны в живот?! – вытаращил глаза подхорунжий.

– В ти-анх ноги-руки за неделю новые отрастают, – отмахнулся доктор. – Ладно, Мерта, проводи парня, покажи, что к чему. У меня столько работы, что одуреть можно.

– Идем, – потянула Артемия за рукав желтоволосая. – Меня, кстати, Мертой зовут.

– Артемий Сысоев, – назвалса подхорунжий. – А где это мы?

– На боевой станции ордена Аарн, – улыбнулась девушка. – Когда соберем побольше людей, вам все расскажут. Пока пойдемте, я покажу вам, где можно помыться, переодеться, поесть и отдохнуть. Вы сами-то не ранены?

– Господь миловал, – отрицательно покачал головой Артемий.

Выйдя из воронки в том же светлом зале, подхорунжий натолкнулся на Пашку Мерещенко. Они бросились обниматься, каждый думал, что друга уже и на свете-то нет. Рядом стояли армейский зауряд-прапорщик и вахмистр. Оба были немного знакомы Артемию, несколько раз выпивали вместе. Захватив всех четверых с собой, Мерта отвела их по длинному коридору, поселив в две соседние просторные комнаты.

Оказалось, при каждой имелось нечто, похожее на баню. Не совсем баня, но горячая вода и мыло были. Подхорунжий с огромным удовольствием соскреб с себя многодневную грязь, побрился и переделся в мешковатый серый чистый комбинезон, переколов на него погоны. Так поступали все офицеры, и удивляться этому не стоило – погоны остались последним, что давало им какую-то уверенность в себе, заставляло считать себя армией, а не сборищем оборванцев. Но после бани живот настойчиво потребовал своего. А ведь Мерта говорила, что где-то неподалеку есть место, в котором можно поесть.

Приятели запомнили номера своих комнат и отправились на поиски, сглатывая голодную слюну. Искать долго не пришлось, шагов через двести открылся проход в большой зал, заставленный несколькими сотнями столиков на четверых. За многими сидели люди, одетые в такие же мешковатые серые комбинезоны. Кого тут только не было... От рядового до генерал-майора. Правда, генерал-майор имелся только один. А вот полковников сидело в зале не так уж и мало. Пехотных, кавалерийских, артиллерийских, казачьих. Чинов пониже было не перечесать.

Чувствуя себя несколько неуютно в обществе стольких офицеров, приятели сели за стоящий возле самой стены пустой столик. Но где взять еду? Они видели, что столы пришедших раньше заставлены снедью. Однако не успели молодые унтер-офицеры опомниться, как поверхность столика подернулась туманом и на нем появились наполненные чем-то незнакомым тарелки, ложки, вилки, стаканы, бокалы, бутылки с чем-то прозрачным. Но не только, в некоторых напитки были совсем уж непривычных цветов – зелеными и черными. Все четверо застыли, недоверчиво уставившись на чудо, которое в бабушкиных сказках называлось скатертью-самобранкой. Сидящие неподалеку посмеивались, глядя на их ошалевшие лица и вспоминая, какими сами выглядели несколько минут назад при виде появившейся из воздуха еды.

– Мать-перемать... – протянул Пашка Мерещенко. – Это куда ж нас занесло-то, а?..

– Ты бы на их госпиталь поглядел, – буркнул Артемий, осторожно приюхиваясь к своей тарелке. Пахло вкусно.

– Да, господа, – вздохнул вахмистр Силантьев. – Все весельше и весельше, как говаривал мой дедуля, земля ему пухом.

– Какая разница, куда? – проворчал зауряд-прапорщик, здоровенный круглолицый и жизнерадостный сибиряк. – Живы? Ну, и слава Богу! Поясно кланяюсь людям, кои нас с того сарая вытащили. Помирать-то в двадцать годков вовсе не хотелось.

– Да уж... – поежился Артемий. – Но что тут за чудеса? Никогда такого не видывал.

– Сказали, вечером объяснят, – пожал плечами Пашка. – Давай выпьем, что ли, за спасение.

Зауряд-прапорщик решительно протянул руку, взял фигурную бутылку с прозрачной жидкостью и, немного повозившись, откупорил. Понюхал и блаженно улыбнулся.

– Она, родимая, – прогудел он и разлил водку по рюмкам.

Приятель чокнулись. Артемий привычно выдохнул и опрокинул рюмку в рот. Ледяная, крепкая водка скользнула в горло легко, почти не перебив дыхания. Хороша! Не хуже «Смирновской», которую на свадьбе дядьки Андрея пробовать довелось. Подцепив с тарелки что-то похожее на мясо, он закусил и кивнул. Совсем неплохо, в самом деле мясо. И принялся за еду уже всерьез. Съел быстро и пожалел, что нет еще. Однако ошибся – не успел он отодвинуть от себя пустую тарелку, как та исчезла и на столе появилась новая, с чем-то другим. Подхорунжий вздрогнул, потом махнул на все рукой, решив не обращать внимания на чудеса.

Офицеры перемещались между столиками, говорили друг с другом, выпивали, пересказывали свои впечатления, ведь многих вытащили из-под расстрела. Тема для разговоров была одна. Куда они попали? Кто их спас, и с какой целью? Никто не понимал. Они спорили, каждый пытался высказывать какие-то предположения. Но чаще всего сам себя и опровергал, попытавшись развить свою версию.

Сбивали с толку здешние чудеса. Мгновенное перемещение невесть куда, скатерти-самобранки, полеты спасителей на маленьких досках. Люди, учившиеся до войны в университетах, пытались припомнить, не слышали ли они о чем-то подобном. Но нет, не слышали. Одно только не вызывало сомнений. Не стали бы ради их спасения прикладывать столько усилий просто так. Что-то загадочным спасителям нужно. Вопрос: что именно?

Слова «Орден Аарн» слышались то тут, то там. Но что это за орден? Большинство пребывало в уверенности, что это тайный орден, подобный ордену загадочных тамплиеров, тысячи лет тайно управляющий миром. Немногие знакомые с астрономией пытались высказать предположение о людях со звезд, но их никто не слушал.

Артемий снова поежился, глядя на бесконечные ряды кресел. Ну вот, сейчас все и разъяснится. Около часа назад во всех коридорах, спальнях, столовых появились десятки черных воронок. С потолка прозвучал несколько ворчливый голос, пригласивший пройти на собрание, на котором им расскажут, что происходит. Все испытали облегчение, неизвестность и непонимание заставляли людей чувствовать себя очень неудобно. Пусть уж что угодно, только бы не гадать дальше, что нужно этим непонятным спасителям.

Люди проходили в воронки и оказывались в амфитеатре невероятных размеров, заставленном бесконечными рядами кресел. Перед креслами, метрах в пяти, находилась невысокая сцена. Все рассаживались, продолжая обсуждать увиденное. Артемий с приятелями вошли в воронку одними из первых и сели у самой сцены. Кресла оказались на удивление удобны, такое впечатление, что они сами подстраивались под садящихся в них людей. Постепенно зал заполнялся, но прошел добрый час, прежде чем в нем собрались все.

А затем с потолка послышалась странная, непривычная музыка, и на сцену начали выходить люди в знакомой уже черно-серебристой форме. Подхорунжий внимательно рассматривал каждого. Люди как люди, только улыбаются как-то слишком уж безмятежно. Но когда на

сцене появился плотный пожилой человек с вислыми седыми усами, Артемий едва не вскочил на ноги. Батюшки-светы! Их есаул, Борохов Михаил Петрович, старый друг его отца, дядька Михась! Он-то как среди этих аарн очутился? Тот заметил подхорунжего и приветственно помахал рукой, заставив Артемия встать и коротко поклониться.

– Здравствуйте, господа! – заговорил стоящий впереди всех светловолосый человек среднего роста, его голос каким-то образом разнесся по всему амфитеатру. – Позвольте представиться. Ненашев Никита Александрович, лор-капитан легиона «Бешеные Кошки», орден Аарн. Текущий альфа-координатор. Возможно, кое-кто из вас меня знает. Во времена оные я служил в контрразведке у Колчака в чине штабс-капитана.

Он немного помолчал и продолжил:

– У каждого из вас сотни вопросов. На все, к моему глубочайшему сожалению, я ответить не в силах. Но постараюсь осветить для вас самое важное.

– Простите, господин лор-капитан, – поднялся с места невысокий, седой уже офицер с погонами полковника артиллерии.

– Слушаю вас, – внимательно посмотрел на него тот.

– Мы искренне благодарны вам за спасение от гибели, – поклонился полковник. – Но зачем вам это? И если вы обладаете такой силой, то почему не пришли на помощь раньше?

– Я объясню, – мягко улыбнулся лор-капитан. – К сожалению, не всем. Господа, Аарн очень издалека. Хотя я сам русский, но попал в орден совершенно случайно восемь месяцев назад, после поражения армии адмирала Колчака. Меня, как и многих из вас, выдернули из-под расстрела. Прямо из камеры смертников.

– А почему не всем?

– Немного терпения, господин полковник. Тому есть причины. Всем вам представится возможность выехать в ту страну мира, которую вы изберете. Естественно, мы выделим каждому некоторую сумму на обустройство. Но есть еще несколько вариантов. Некоторым предложат войти в орден Аарн, во вновь создающийся русский легион. Большинство готова принять на службу с сохранением звания и выслуги лет армия Конфедерации Фарсен. Не пытайтесь вспомнить, что это за страна. Также мы окажем вам помощь в поиске и вывозе семей.

– Русский легион? – прищурился полковник. – Что ж, ожидаемо. Но кто вы такие?

– Опять же, господа, – усмехнулся светловолосый, – это я скажу людям, которые примут одно из наших предложений и подойдут нам по некоторым критериям. Понимаю, трудно принимать подобные предложения от кого-то неизвестного. Впрочем, кое-что я могу сказать уже сейчас. Орден Аарн является, по вашим меркам, международной полицией. Но не только. В случае появления чего-нибудь угрожающего жизни людей в масштабе галактики первыми идут в бой наши легионы. Люди часто даже не подозревают, что их жизнь подвергалась какой-то неизвестной опасности. И хорошо, что не подозревают. Устранить эту опасность – наша задача. Лично я считаю, что останавливать большое зло – дело, ради которого стоит жить.

– Согласен с вами, – кивнул полковник. – Достойное дело. Но поясните, будьте добры, что значит в масштабе галактики?

– Хорошо, – вздохнул лор-капитан. – Прошу только учесть, что у тех, кто не примет наших предложений, будет стерта память о пребывании на нашей станции. Мы имеем такую возможность и умеем это делать.

Офицеры начали перешептываться и переглядываться. Стоявший перед ними человек не лгал, судя по всему. Умеют стирать людям память? Да, про такое даже в сказках ни слова нет... Какова же сила этого непонятого ордена? Что они еще могут? Похоже, многое. Самое непонятое, что никто и никогда до сих пор о них не слышал. Как могла остаться в тени организация такой мощи?

– Мне очень не хочется этого делать, – продолжил лор-капитан, – но иного выхода у нас нет. Информация об ордене Аарн не должна стать достоянием общественности на Земле.

Вас всех внизу считают мертвыми. Красные уверены, что расстреляли вас. Мы наложили им фальшивую память о том, чего не было.

– А почему внизу? – спросил какой-то офицер со второго ряда.

– Вот почему, – повел рукой светловолосый. – Смотрите.

Стена за его спиной стала прозрачной, и собравшиеся в амфитеатре люди увидели на ней покрытый клочьями облаков голубой шар. Сперва мало кто понял, что перед ними, и только чуть позже многие рассмотрели знакомые по картам и глобусам очертания материков внизу. Постепенно до большинства начало доходить, что они видят. Кто-то вскочил на ноги, кто-то наоборот откинулся на спинку кресла. С каждым мгновением все больше и больше людей осознавали, что они столкнулись с чем-то невероятным, невозможным. С чем-то, что выходило за рамки всего привычного, всего, с чем им довелось сталкиваться за всю свою жизнь.

– Да, господа, – снова заговорил лор-капитан, – перед вами ваш родной мир, планета Земля. Вы сейчас находитесь на высоте нескольких тысяч верст, на нашей боевой станции, которая лишь немногим меньше Луны. И наш орден, и Конфедерация Фарсен находятся отнюдь не в вашем мире. Скажу больше, Солнце вместе с несколькими сотнями близлежащих звезд замкнуто в непроницаемый извне кокон. И благодарите за это Бога, господа, а то бы нашу планету давным-давно завоевали. Земля отстала в развитии от остальных на тысячи лет и не способна дать отпор войскам более развитых миров. Орден, конечно, запретил межзвездные войны и пытается следить за соблюдением этого запрета, но мы не боги, и за всем уследить не в состоянии. Пример тому – планета Фарсен, которую атакowali втайне от нас. Десять лет фарсенцы вели страшную войну, защищая свою родину от чужаков. Четыре миллиарда человек погибло. Вслушайтесь в эту цифру, господа. Четыре миллиарда!

– Господи, ты боже мой! – вздрогнул артиллерийский полковник, все еще продолжавший стоять. – Что же там за война такая была?

– Страшная война, генерал Гласс позже расскажет вам о ней подробнее, если пожелаете. Хорошо, что мы все-таки узнали о происходящем, и совместно с армией Фарсена уничтожили захватчиков. Но об этом потом. Я понимаю, что вы все до крайности изумлены тем обстоятельством, что вас спасли люди из других миров. Многие даже не слышали, что наш мир далеко не единственный во Вселенной, и сейчас растеряны. Но я говорю правду, и те, кто решит рискнуть, увидят все своими глазами.

– Но зачем вам мы? – спросил кто-то, Артемий не понял – кто.

– Это моя инициатива, господа, – вздохнул лор-капитан. – Так получилось, что, попав в орден, я сразу оказался в гуще событий. Буквально через два месяца на меня свалилась огромная ответственность, руководство очень масштабным делом. После окончания этого дела мне поручили еще одно, куда более масштабное. Но я не мог забыть, что на моей родине остались десятки тысяч честных, умных и порядочных людей, которым больше некуда идти. И я предложил создать русский легион. К моему предложению прислушались, и вот мы здесь.

– Приятно слышать, господин лор-капитан, – усмехнулся полковник и сел на место. – Значит, вам в этом ордене понравилось?

– Очень, – подтвердил светловолосый. – Такой взаимовыручки, дружбы, уважения друг к другу я не встречал ни разу за всю свою жизнь. Если человеку поручено дело, то ему верят и не мешают. Наоборот помогают всем, чем только могут. Хотя потом спрашивают строго. Но разве это не правильно?

– Правильно, – согласился артиллерист. – Однако никак не могу поверить в ваш рассказ.

– Станете одним из нас, поверите. А нет – так и не нужно.

Он немного помолчал, затем продолжил:

– Господа! Пусть каждый из вас взглянет на левый рукав ваших комбинезонов. Вы видите разноцветные полосы?

Офицеры сдержанным гулом подтвердили, что да, видят.

– Это не просто полоски. Пока вы находились на станции, вас незаметно проверяли. Не надо обижаться, сделать по-другому было невозможно. Так вот, те, у кого одна коричневая полоска, должны избрать страну, в которую эмигрируют. Каждому выделяют деньги на несколько лет безбедной жизни в валюте этой страны. О нашей станции вы забудете, память о пребывании здесь мы сотрем. Снова приношу свои извинения, но иначе поступить мы не имеем права. Далее. Те, у кого вдобавок к коричневой полоске есть желтая, имеют возможность дополнительного выбора. С нами прибыл представитель объединенной армии Фарсена, генерал Гласс. Желающие могут эмигрировать на Фарсен и поступить на службу в ОАФ с сохранением звания и выслуги лет. Те, у кого вдобавок есть серебряная полоска, могут стать аарн и войти в русский легион. Впрочем, необязательно, в ордене никого и ни к чему не принуждают. Если человек, ставший аарн, не хочет оставаться военным и решит пойти учиться, жить мирной жизнью, ему никто препятствовать не станет.

– А по какому критерию вы выбирали? – вскочил с места какой-то покрасневший пехотный капитан. – Почему у меня только коричневая полоса, а у капитана Вальцева все три? Мы в одинаковом звании, служили в одной части. Может, я тоже хочу служить в этом вашем русском легионе!

– Вы действительно хотите, чтобы я объяснил вам это прилюдно? – насмешливо осклабился лор-капитан. – Не бойтесь?

– Уверен!

– А зря. Припомните-ка разграбленный обоз возле деревни Шховка и убитых вами солдат. Ваших собственных солдат, увидевших как их командир запикивает в котомку украденные драгоценности. Вспомните брошенного вами умирать в лесу раненого поручика Хортича, который выжил бы, если бы вы помогли ему добраться до госпиталя. Вспомните изнасилованную вами в Запорожье девушку, обратившуюся к вам за помощью. Могу напомнить еще кое-какие моменты из вашей «богатой» биографии, капитан. Хотите?

– Н-н-е-е н-н-а-а-д-д-о-о... – с трудом выдавил из себя тот, падая обратно в кресло.

Он весь побелел и с ужасом смотрел на стоящего на сцене, гадливо скривившегося человека в черно-серебристой форме. Откуда чужак знает обо всем этом?! Не было же свидетелей! Хотелось отрицать, но каким-то шестым чувством капитан понял, что в этом случае будут представлены куда более убойные доказательства. Лучше не рисковать.

Сидевшие рядом офицеры постарались отодвинуться подальше, поглядывая на капитана с не меньшей гадливостью, чем аарн. Бросить на поле боя раненого товарища, спасая собственную шкуру? Не было в их глазах более подлого и бесчестного поступка. Бледность капитана говорила о том, что обвинение не голословно.

– Господа, – продолжил аарн со сцены. – Вы должны понять, что раз нам нетрудно наложить человеку фальшивую память, то еще легче считать подлинную. Ни нам, ни Фарсену не нужны люди, способные на подлость. Поэтому я искренне не советую господам с одной полоской требовать объяснений. Они окажутся ничуть не более приятны, чем те, которые получил капитан.

– То есть, – снова встал артиллерийский полковник, – вы хотите сказать, что все, у кого одна полоска, совершили какие-то бесчестные поступки?

– Либо способны на них, – холодно проинформировал лор-капитан. – В орден людей отбирают по душевным качествам, мы не можем допустить присутствия в наших рядах ни одного человека, могущего совершить что-либо подлое или жестокое ради собственной выгоды. У Фарсена требования менее жесткие, но люди без совести, способные бросить умирать раненого товарища, не нужны и им. Прошу не обижаться, мы другие. Поймите это. Став аарн, любой становится чем-то большим, чем просто человек. Чем-то иным, не таким, каким был прежде. Я уже не смог бы жить в России, я слишком многое узнал и повидал. Для меня вся планета Земля станет просто большой клеткой.

– А чем тогда отличаются люди с двумя полосками от людей с тремя? – спросил полковник, хмуро глядя на собственный левый рукав, на котором светились три полоски.

– Почти ничем, – ответил лор-капитан. – По вашим меркам, люди с двумя полосками не совершали подлостей. Но по нашим... Например, участие хоть в одном расстреле напрочь закрывает человеку дорогу в орден. Навсегда. Рядом со мной стоит Никита Фомичев, тоже лор-капитан и альфа-координатор. Только, в отличие от меня, он бывший красный комиссар. Его собирались расстрелять свои за отказ участвовать в казнях. Понимаете, почему его взяли? Потому что он предпочел пойти на смерть, но не убивать безоружных! Пусть сто раз врагов, но безоружных.

– Но если не уничтожать пусть даже и безоружных врагов, то они возьмут в руки оружие и придут убивать уже вас! – вскочил с места какой-то покрасневший офицер. – И они вас не пожалеют! Слюнявый гуманизм какой-то!

– Мы должны чем-то от этих врагов отличаться, чтобы иметь право считать себя хоть немного лучше, – грустно улыбнулся аарн. – Мы должны быть добрее. Война войной, но даже на войне не стоит становиться зверем. Это очень легко – падать вниз, господа, всегда легко. А вот карабкаться вверх куда труднее.

– Но красный... – полковник с неприязнью глянул на ухмыляющегося крепкого шатена рядом с лор – капитаном.

– Среди нас есть все. Бывшие рабы и бывшие аристократы. Даже наследные принцы иногда попадают. Нам неважно, кем был человек до ордена, но, став аарн, он или она становятся всем нам братом или сестрой. Вам трудно понять и принять это. Я вас не сужу. Было время, когда я сам едва не кидался на Никиту с кулаками. А потом мы не раз защищали друг друга спины в бою. Очень многое я не имею права говорить людям, которые не являются аарн. Приношу свои извинения, господа, но вам не нужно объяснять значения слова приказ.

– Понятно, – кивнул полковник. – Что ж, вы правы, нечего лезть со своим уставом в чужой монастырь. Не поймут, да еще и по шее накомстыляют.

– Именно, – ухмыльнулся лор-капитан. – Кстати, господа. Основа русского легиона ордена Аарн уже создана. Командиром легиона назначен многим из вас известный полковник Бурцев Александр Владимирович. Его заместителями стали с присвоением им званий дварх-майоров есаул Борохов Михаил Петрович и подполковник Малышев Леонид Георгиевич.

Вперед вышли три человека, одетых, как и остальные, в черно-серебристую форму ордена. Высокий, выглядящий аристократом мужчина лет тридцати с небольшим. Шатен. Правильные очертания лица, жесткие губы, прямой нос. Второй пониже, хромой и несколько сутулый. Щека на худом лице то и дело дергалась в нервном тике. Третий был невысок, плотен и уже далеко немолод. Лет пятидесяти, наверное. Короткий ежик седых волос, длинные вислые седые усы.

– А я все думал, вы ли это, Александр Владимирович, или мне мерещится, – широко улыбнулся артиллерийский полковник. – Рад видеть живым. Слышал, ваша дивизия под Перекопом вся легла, был уверен, что и вы там остались...

– Только ранило, – усмехнулся тот. – И я рад видеть вас живым, Сергей Васильевич. Приглашаю ко мне третьим дварх-майором, я вас не первый год знаю, сработаемся.

– Надо подумать, – вздохнул полковник. – Дело-то непростое, родину навсегда покидать.

– А нас на родине только расстрел ждет, – грустно сказал Бурцев. – Знаете без меня, что случилось с поверившими обещаниям Белы Куна. А в эмиграции? Да кому мы там нужны, признаться? Слышали, небось, каково приходится русским эмигрантам в том же Константинополе?

– Слышал, – скривился артиллерист. – Ладно, вы правы, думать особо не о чем. Раз меня готовы взять, отказываться глупо. Что нужно делать?

– Сказать Призыв, – ответил вместо Бурцева лор-капитан. – Три слова, Арн ил Аарн.

Полковник пожал плечами и повторил сказанное. На мгновение его окутала белесая дымка, а затем над амфитеатром грянула торжествующая птичья трель. Комбинезон артиллериста ни с того ни с сего вдруг изменил цвет, став черно-серебристым. Он потерял мешковатость, плотно обтянув тело дернувшегося и не ожидавшего такой подлости от одежды человека. На плече полковника появилось тусклое Око Бездны и медленно разгорелось багровым пламенем. Он с изумлением оглядел себя и потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения. Но ничего не изменилось, его форма действительно из темно-серой стала черно-серебристой.

– Рад приветствовать, брат! – радостно улыбнулся лор-капитан. – Не надо беспокоиться по поводу формы, она живая и изменяется под потребности носящего ее человека. В момент Избрания она перешла в состояние парадной формы ордена.

– И что теперь? – спросил полковник, все еще косясь на горящее на его плече Око Бездны.

– Звание присвоите вы? – спросил Бурцев, поворачиваясь к лор-капитану.

– Зачем? – пожал плечами тот. – Вы командир легиона, это в вашей власти.

– Хорошо. Прошу уважаемого дварха станции зафиксировать мой приказ по легиону без имени.

– Слушаю, – раздался с потолка гулкий голос.

– Приказываю присвоить полковнику Анищеву Сергею Васильевичу звание дварх-майора и назначить его третьим заместителем командира легиона без имени.

– Зафиксировано.

– Благодарю, – кивнул Бурцев. – Вот и все. Прошу на сцену, господин дварх-майор.

– Есть! – вытянулся тот и начал пробираться между рядами переговаривающихся офицеров вниз.

А они никак не могли успокоиться. У большинства было по две полоски, а значит, имелись варианты. Но что выбрать?.. О том, как жилось эмигрантам в той же Франции, офицеры хорошо знали, и не больно-то хотели испытать такую жизнь на собственной шкуре. Но из Франции или Турции был шанс когда-нибудь вернуться домой, в Россию. Пусть очень малый, призрачный, но был. А попав на этот самый Фарсен, домой не вернешься. Никогда. Потому подумать нашлось о чем.

Однополосочные ощущали себя не своей тарелке. Многие из них лихорадочно припоминали свои неприглядные поступки, пытаясь понять, что именно сделало их изгоями. Очень не хотелось, чтобы о таких поступках узнали все вокруг. Поэтому они молчали, не рискуя протестовать и вообще обращать на себя чужое внимание.

Артемий бросил взгляд на собственный рукав, на котором горело три полоски. У остальных трех приятелей оказалось то же самое. Да и то, никогда ни он, ни Пашка не бросили бы раненого. Сами бы подошли, но дотащили до своих.

Он покосился на ухмыляющегося в усы Михаила Петровича и подумал – раз дядька Михась в этом ордене, то и им туда дорога.

– Господа! – снова заговорил лор-капитан. – Мы никого из вас принуждать ни к чему не собираемся. Решение за вами. А сейчас вам хочет сказать несколько слов генерал Гласс, военный министр Конфедерации Фарсен.

Вперед вышел плотный, черноволосый человек лет шестидесяти, одетый в темно-зеленую, пятнистую форму с незнакомыми погонами с одним золотым листом. Его кожа казалась слегка желтоватой, глаза неожиданно ярко-зелеными.

– Здравствуйте, господа! – негромко сказал он, но его услышали в каждом уголке амфитеатра.

– Здравия желаем, господин генерал! – в едином порыве поднялись тридцать тысяч человек, было в этом старом офицере что-то такое, что заставляло подчиняться ему охотно, не прекословя.

– Вольно, – добродушно проворчал он, и все постепенно расселись. – Как вы знаете, несколько месяцев назад в нашем мире закончилась война. Страшная война, в которой погибло больше половины населения. Четыре миллиарда человек. Мы искренне благодарны нашим друзьям из ордена Аарн, пришедшим к нам на помощь в тяжелую минуту. Сейчас мы отстраиваемся, заново учимся жить в мире. Однако мир миром, а армия должна быть сильна. Мы не хотим повторения случившегося и отдадим ради этого все. Но Фарсену катастрофически не хватает людей. Особенно, опытных и толковых офицеров. Мы рады предложить желающим гражданство Конфедерации. Даже если эмигранты не захотят служить в армии. Военным же предлагаем очень хорошие условия. Высокое жалование, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное жилье для них и их семей. И множество иных льгот. Холостым нетрудно будет найти себе пару, молодых женщин осталось в живых почти вдвое больше, чем мужчин. Если кому что неясно, прошу задавать вопросы.

– Вы сказали о семьях, господин генерал, – встал какой-то высокий, худой офицер с погонами подполковника. – Но многие из нас не знают, где наши семьи, живы ли наши родные. Мы не можем уехать, пока не будем знать, что с ними.

– Никаких проблем, господа, – снова вышел вперед лор-капитан. – Ваших родственников найдем и вывезем мы. Для примера. Господин подполковник, прошу вас как можно тщательнее вспомнить лица ваших родных. Также прошу дварха станции помочь в поисках.

– Сделаю, – снова проворчал голос с потолка. – Меня, кстати, зовут Фарнарх, а не дварх станции, драгоценный ты наш альфа-координатор.

– Приношу свои извинения, Фарнарх, – усмехнулся тот. – Постараюсь исправиться.

– От тебя дождешься, – иронично хмыкнул дварх. – Скорее уж мета-корабль у нас политического убежища попросит. Ладно, к делу. Господин подполковник, повторяю просьбу альфа-координатора. Вспомните, пожалуйста, лица ваших родных.

– Вспоминаю, – пожал тот плечами. – Но зачем?

– Сейчас увидите, – проворчал Фарнарх.

Некоторое время длилось молчание.

– Так, нашел, – снова заговорил неизвестный, называемый двархом. – Вашего старшего брата и его жены нет в живых. Но ваши жена, мать и племянница живы. Сейчас они находятся в городе Рязань. Кстати, поздравляю. Два года назад у вас родился сын.

В воздухе вспыхнуло изображение покосившегося домишки. Затем оно расплылось, и появилась бедная комната с облупленными стенами, в которой почти ничего не было, только стол, несколько табуреток, сундук и большая железная кровать. Топилась буржуйка. Возле стола сидела молодая женщина с седой прядкой, выбившейся из-под платка, и что-то рассказывала малышу с большими черными глазами. Неподалеку от нее съежилась на сундуке мрачная девочка лет четырнадцати и что-то шила. Открылась дверь, и в комнату вошла пожилая женщина с парящим чугуном в руках. Она что-то сказала и поставила чугунок на стол.

– Мама... – с трудом выдавил из себя подполковник. – Господи, как она постарела...

– Если хотите, мы можем немедленно отправить за вашими родственниками людей, – предложил лор-капитан. – Хотя вам лучше пойти самому, вряд ли ваши женщины поверят незнакомцам.

– Так я могу забрать их с собой?! – расширились глаза подполковника. – Благодарю! Тогда я полностью ваш!

Люди зашумели. Они были потрясены – эти аарн без каких-либо усилий нашли оставшихся в живых родных подполковника? И говорят, что можно забрать их с собой? Многие сомневающиеся сразу приняли решение. Такой невероятный шанс упускать было никак нельзя.

Большинство из них и не надеялось когда-либо увидеть своих родителей, жен, братьев, сестер, детей. Они просто шли и дрались до последнего. Даже зная, что дело безнадежно проиграно, что шанса на победу нет, дрались. Честь не позволяла поступить иначе.

Они уже считали себя мертвыми, но их спасли. И если еще спасут семьи... Больше тридцати тысяч человек, затаив дыхание, смотрели, как в стене обшарпанной комнаты завертелась черная воронка, из которой выпрыгнул подполковник. Он кинулся обнимать мать, жену, племянницу, подбрасывать в воздух сына, разревевшегося при виде незнакомого дяди. Потом что-то сказал, женщины кинулись собираться и вскоре, перекрестившись, вошли в воронку, оказавшись в просторной, пятикомнатной каюте. После этого изображение погасло.

– Извините, господа, – сказал лор-капитан. – Невежливо дальше наблюдать.

– Конечно, – ответил кто-то. – Так вы поможете и нам найти родных?

– Живых найдем. Такую помощь мы окажем даже отправляющимся в эмиграцию. Жестоко не помочь, если имеешь такую возможность.

– А может, не надо эмиграции? – добродушно прогудел генерал Гласс. – Фарсен готов предоставить шанс даже проштрафившимся, господа! Вот вы, капитан? Если вам дадут шанс искупить свою вину, станете ли вы поступать по-прежнему?

Он уставился на того самого капитана, о подлостях которого рассказал альфа-координатор.

– Господин генерал! – вскочил на ноги тот. – Да я... Да как же можно!.. Я...

– Вы уверены? – внимательно посмотрел на генерала лор-капитан.

– Да! – рявкнул Гласс и незаметно подмигнул.

– Это вам решать, – пожал плечами Никита, понимая, что с однополосочных на Фарсене глаз не спустят и не позволят им занимать сколько-нибудь серьезные должности.

Артемий воспользовался тем, что Михаил Петрович стоял в стороне, быстро встал и подошел к нему.

– Ну, здравствуй, сынок! – проворчал есаул и обнял молодого казака. – Рад, что ты выжил.

– Здравствуйте, господин есаул! – привычно вытянулся Артемий. – А как мне под ваше командование попасть?

– Руку покаж.

Подхорунжий протянул руку, Михаил Петрович глянул на три полоски на рукаве и одобритительно хмыкнул, дернув себя за ус.

– Очень просто, – сказал он. – Скажешь этот их Призыв, и все. Считай, что ты у меня в отряде. Но ежели что – сам плеткой отхожу.

– Завсегда пожалуйста, господин есаул! – вытянулся во фрунт Артемий, едва сдерживая улыбку. – Пашка Мерещенко тоже тут и тоже с тремя полосками. И еще два моих дружка.

– Пашка? – приподнял брови Михаил Петрович. – А ну, где энтот охламон? Ходь сюды, неча тебе там сидеть, что сычу на печи!

Пашка подошел.

– Гляди у меня! – поднес есаул кулак под нос парню. – Наворотишь чего, мало не покажется. Ну, лады, братцы. Вечером пойдем наших из станицы забирать, кто живой. Под краснюками жизни не будет. Они, паскуды такие, хотят казачество под корень извести! Скажешь бате, Артемий, чтоб ничего не брали, все новое будет. Понял? А то бабы как зачнут собираться, так и за пять дней не выберутся.

– Ага, – кивнул головой подхорунжий.

– Нашли земляков, Михаил Петрович? – подошел к ним светловолосый лор-капитан.

– Так точно! С детства этих двух башибузуков знаю. Дома все дрались, а на войне подружились. Оба наши, с тремя полосками.

– Вот и хорошо, под вашей командой будут. Сейчас, кстати, надо разделить людей. Тех, кто с нами пойдет, в отдельные отсеки перевести. Я буду направлять их к вам, займитесь вместе с Леонидом Григорьевичем. Сбор в туманном зале «Пика Мглы», вы там уже бывали. Попросите Фарнарха открыть проход.

– Понял, – кивнул есаул. – Сделаем.

А потом закрутилась какая-то безумная карусель. Артемий просто растерялся поначалу. Четверо приятелей повторили за есаулом Призыв, и их форма тоже стала черно-серебристой. Вскоре на сцену потоком повалили люди, избравшие орден. Так поступали далеко не все из имевших на рукаве три полоски, многие предпочли армию Фарсена, а кое-кто и эмиграцию. Но последних оказалось немного, люди тянулись вслед за друзьями, а большинство решило все же рискнуть и поглядеть, как будет житься в иных мирах.

Михаил Петрович быстро приставил Артемия с Пашкой к делу – отводить свежеепеченных аарн на «Пик Мглы» и селить в каютах, которые указывал друзьям местный дварх по имени Асиарх. Артемий едва язык не сломал, пока научился это имя выговаривать. Первый раз попав в туманный зал, он едва сумел опомниться и долго еще шарахался от ключев разноцветного тумана в воздухе. При виде бегающих по потолку огромных пауков они с Пашкой то и дело крестились, а драконов с гвардами и вовсе старались обходить стороной. Хотя Михаил Петрович и сказал, что пауки с драконами тоже аарн и умеют говорить, молодые казаки ничего не могли поделать со своим страхом.

Но вскоре стало не до страха, они носились со станции на корабль и обратно, вывалив языки на плечи. Не было времени покурить, присесть, попить чего-нибудь – народ шел валом. Когда все закончилось, друзья опустились на пол, где стояли, и жадно выпили протянутые каким-то пожалевшим их пауком стаканы с соком, совершенно не обратив внимания на то, кто эти стаканы подал. Там их и нашел есаул. Оглядев взмыленных парней, он задумчиво похмыкал и покрутил ус. Потом что-то сказал, и из пола вырос столик, на котором стояла бутылка с чем-то коричнево-золотистым. И три стакана.

– Вставайте и выпейте по стакану, – проворчал Михаил Петрович. – По одному, больше не надо, а то до утра прыгать будете. Сильная штука!

Артемий с Пашкой послушно встали, выпили и изумленно застыли. Усталости как не бывало, они чувствовали себя сейчас, как после добрых полусуток сна.

– Так-то лучше, – кивнул есаул, сам опрокинув стакан непонятного зелья и огладив усы. – Пора нам за родичами в станицу идти. Тихо там, шума не подымать, не стрелять. Краснюков усыпят, вы их не трогайте, не ваше дело с ними разбираться. С нами на всякий случай десятка два орденских хлопцев пойдут, подстрахуют. Скажите своим, чтоб ничо не брали, поняли?

Парни дружно кивнули. Артемий возбужденно топтался на месте. Неужто он сейчас увидит батю, мамку, младших сестер? Дед, наверное, помер, он уже в семнадцатом на ладан дышал, не вставал совсем. В стене закрутились пять черных воронок, к которым подхорунжий успел привыкнуть. Бояться, по крайней мере, перестал. Михаил Петрович показал Артемию пальцем на крайнюю, он кивнул, шагнул в провал и оказался перед порогом родного куреня.

Ночь. Окна были темными, видно, все уже спали. Бреханул Серко, потом узнал молодого хозяина и ринулся под ноги ластиться. Подхорунжий тихонько рассмеялся, потрепал старого пса по загривку и негромко постучал в окно, под которым обычно спал отец. Некоторое время было тихо, потом кто-то заворочался, кашлянул и до боли родной голос спросил:

– Кого там черт посреди ночи принес?

– Открой, батя, – ответил он. – Я это. Артемий.

– Сынок! – задохнулся тот. – Вернулся! Живой!

В доме загорелась свеча, женский голос что-то спросил, батя ответил, и женщина заохала, запричитала.

– А ну, цыц мне тут! Хочешь, чтоб краснюки пришли?

Дверь заскрипела, и на пороге появилась грузная фигура. Артемий подошел и обнял отца, которого не видел три года. Тот прижал сына к груди и кусал губы. Не чаял уже увидеть. Сам бы в семнадцатом с сыновьями ушел, кабы не деревяшка вместо ноги.

– Заходи! – отстранился старый казак. – Дай хоть погляжу на тебя.

Артемий зашел в родной дом, понимая, что в последний раз. У печи соляным столбом застыла мать, зажавшая себе рот рукой и во все глаза смотревшая на него. Старик поднял свечу и с изумлением оглядел сына, затаенного в черно-серебристую форму с горящим багровым светом глазом на левом плече.

– Это что ж на тебе за форма такая, сынок? – растерянно спросил он.

– На новой службе выдали, – вздохнул Артемий. – За вами я, батя. Собирайтесь, времени нет. Наши сейчас заняли станицу, но ненадолго. Победили красные, нету больше белой армии. Все. Я чудом живым остался, спасли одни люди. У красных в сарае расстрела ждал, так меня вытащили и службу предложили. Куда деваться было? Да еще и семью с собой забрать позволили, помогли сюда добраться.

– Так, давай по порядку, – нахмурился старый казак. – Ничо я что-то не понял. Садись, плотнем понемногу и поговорим.

– Ладно, – вздохнул Артемий. – Только Михал Петрович говорил, чтоб собирались быстро. Он тоже за своими пошел. И Пашка Мерещенко.

– Михась с вами? – усмехнулся батя, садясь за стол, на котором уже стояла четверть с самогоном и лежали кусок сала с душистым домашним хлебом. – Тогда я спокоен. Он вам баловать не даст.

– Он и здесь у нас командиром, – кивнул парень, тоже сев. – Я сам не дюже понимаю, что случилось. Утром сидели в сарае, думали, все, скоро расстреляют. Красные в Крыму тьму народу побиили. Обещали, что раз война кончилась, то простят. Обдурили. Потом нам сказали, что они всех решили перестрелять.

– Ясно... – помрачнел старый казак и наполнил стаканы самогоном. – Выпьем за помин души рабов божьих.

– И, батя... – потупился Артемий.

– Чего?

– Петра я сам схоронил. Еще год назад...

– Вот оно как? – вытер старик слезу с глаз. – Земля пухом...

Они молча выпили и сжевали по куску сала. Услышавшая о смерти старшего сына мать вцепилась зубами в край платка и глухо завывала. Понимая, что шум поднимать нельзя, она плакала почти молча. Артемий виновато взглянул на нее и потупился. С печи виднелись глаза младших сестер, тоже утиравших слезы. Совсем девки на выданье, годов по пятнадцати уже.

– Дальше чего было? – спросил батя.

– А потом нас стали выводить. Поначалу думал, что на расстрел, оказалось – нет. Спасли нас.

– Кто?

– Орден Аарн, – вздохнул Артемий. – Так они себя называют. Я теперь тоже с ними. Они кучу народу из Крыма вывезли, а к себе взяли тыщи три-четыре, не боле. Остальных какому-то Фарсену сбагрили. Я, честно говоря, пошел к ним, когда увидал, что дядька Михась там. Он меня к себе в отряд взял. Пашку тоже. Собирайся, батя. Дядька Михась сказал ничего не брать, там все есть. Нету у нас времени, до рассвета уйти надо. Эти аарн всем, кого взяли, помогают семьи забрать. Не вернемся мы больше на Дон, батя...

– Это ты чего-то не то говоришь, сынок, – помрачнел старый казак и налил обоим еще самогона.

– То он говорит, Василь, – раздался в комнате голос есаула, вышедшего из закутившегося на стене гиперперехода. – Краснюки решили казачество под корень резать. За вами всеми скоро придут, месяц-другой, не более.

– Ну, здравствуй, Михась! – встал старый казак, не увидевший, откуда вышел есаул, и обнял друга. – Рад, что живой. Значит, под корень, говоришь? А откель знаешь?

– Списки я их расстрельные видел, – помрачнел тот. – Командир мой новый показал. А ему я верю, не станет Никита Александрович в таком деле душой кривить. Красюки хотят всех, кого в станицах уважают, кончить, чтоб не мешали им казакам головы дурить. Учителей, священников, справных казаков. Ты в Манковке человек уважаемый, тебя они первого кончат. Власть теперь ихняя. Так что собирайся, Василь Андреевич. Ничего с собой не берите, что на себе надето, того и хватит. Там, где жить станем, все по-другому. Но дом будет, земля будет. Везде люди живут.

– Оно-то так, да только...

– Все понимаю, а деваться некуда.

– Тогда отца Филарета предупредить надо, – посмотрел на друга старый казак.

– Уже подумал, – усмехнулся в усы Михаил Петрович. – Собирается. Негоже нам без батюшки, а отец Филарет человек хороший, да и казаком когда-то был добрым.

– Тогда выпьем на дорожку, – вздохнул Василий Андреевич. – Держи стакан, сынок.

Артемий взял протянутый стакан, чокнулся с отцом, с Михаилом Петровичем и выпил.

– Подымай девок, Прасковья, – повернулся старый казак к жене. – Уходим мы отсель. Нам с красюками на одной земле не жить. И не выть мне тут!

– Бери оружие, на память чего, и хватит, – посоветовал есаул. – Теплой одежды не надо, идти недалеко.

– А куда ж это? – удивился Василий Андреевич.

– Щас увидишь, – ухмыльнулся в усы Михаил Петрович. – Асиарх, будь добр, открой проход в каюту Артемия. Их пятеро, значит, вырасти пять спален.

– Хорошо, – раздался с потолка ворчливый голос дварха.

– А собаку можно взять? – спросил Артемий. – Негоже Серка бросать, он нам всю жизнь верно служил.

– Да на здоровье, – ответил Асиарх. – Только смотри, чтобы твою собаку в энергоцентр не понесло. Сгорит на хрен. О, каюта готова. Открываю проход.

– Эт-то кто говорит? – спросил Василий Андреевич, ошеломленно хлопая глазами.

– А лукавый их знает, кто они такие, эти двархи, – пожал плечами Михаил Петрович. – Кажись, душа без тела. Там они везде. Коли чего надо, у них спрашивай, всегда помогут. Не удивляйся, Василь, скоро такого насмотришься, что ни в одной сказке не слышал. Эти аарн мертвых оживляют! Не буду брехать, только тех, кто помер пару часов назад. Если раньше, то все.

– Мать твою! – недоверчиво глянул на него старый казак.

Артемий стоял немного в стороне и смотрел, как мечутся по дому мать с сестрами, увязывая какие-то вещи в узлы. Батя то и дело порывивал на них, заставляя оставить то одно, то другое. Сам старик взял только припрятанные в подполе червонцы, иконы из красного угла, ордена и именную шашку. Еще сходил в конюшню попрощаться со старым, почти слепым конем. Потом вернулся в дом. Артемий вышел во двор, поймал Серка и привязал к ошейнику пса веревку. Тот все пытался прыгать и ластиться, приходилось постоянно придерживать его.

– Ну, все, – вздохнул старый казак и поясно поклонился куреню, в котором родился, вырос и прожил жизнь. – Куда идти?

– А вон, в углу черная воронка, – показал рукой Михаил Петрович. – В нее. Ничего страшного, я сам поначалу боялся.

Василий Андреевич только сейчас обратил внимание, что в темном углу что-то не так. Он подошел ближе и с удивлением уставился на бесшумно вертящуюся, черную туманную воронку аршина в два высотой. Есаул снова ухмыльнулся в усы, вошел в воронку и сразу вышел обратно, показывая, что ничего страшного нет.

– Прасковья! – рыкнул старый казак. – Марья, Фенька! Сюда идите!

Заплаканные женщины нерешительно подошли к нему. Он по очереди втолкнул их в воронку и вошел сам. Артемий вздохнул, поднял на руки Серка и последовал их примеру. Его взгляду открылась уже знакомая картина жилой каюты орденского крейсера. Возле стола в центре замер отец, ошеломленно вертя головой во все стороны. Мать с сестрами испуганно сбились в кучу рядом с ним. Артемий подошел к почти невидимой двери в спальню и дотронулся рукой до сенсора в виде человеческой ладони. Дверь мгновенно исчезла. Он затолкал в дверной проем отчаянно сопротивляющегося Серка и запер, чтобы тот под ногами не путался.

– Где мы, сынок? – хрипло спросил старый казак. – Это что за хоромы? Как мы сюда попали?

– Эти черные воронки сразу на тыщи верст человека переносят, – вздохнул парень. – Через них и нас спасали. А попали мы на летучий корабль ордена, называется «Пик Мглы». Здоровенной такой, полсотни верст в длину только будет. И как он такой здоровый в небе держится, ума не приложу...

– В небе? Мать твою... Кто ж они такие, эти твои орденцы?..

– Кабы я знал, батя, – тяжело вздохнул Артемий. – Давай устраиваться, нам теперь здесь жить. Тут пять спален, баня и эта комната, столовая, что ль. Вон та дверь – выход в коридор, потом надо будет с соседями познакомиться, каюты Пашки и Михал Петровича где-то рядом.

– Это тут все время жить? – скривился старый казак.

– Не, только пока до их дома лететь будем, там, говорят, хоть царский дворец себе строй.

Может, месяц, может, чуть поболее.

– Тогда ладно, тогда не страшно, – вздохнул Василий Андреевич.

– А где кушать-то готовить? – спросила немного пришедшая в себя мать.

Артемий озадаченно почесал в затылке и позвал:

– Асиарх!

– Слушаю, – отозвался тот. – Нужна помощь?

– Да, – кивнул парень. – Я хотел спросить, где нам брать еду и воду.

– В каждой каюте есть свой биокомп, – пояснил дварх, – в вашей тоже. Тебе достаточно позвать его и заказать все, что нужно. Заказанное появится на столе немедленно. Можешь дать биокомпу любое привычное имя. Это все?

– Спасибо, – кивнул Артемий. – По службе я на сегодня могу быть свободен?

– Да, а утром вас соберут. Часов в десять по земному времени. Отдыхайте. Чего понадобится, зови, не стесняйся.

– Еще раз спасибо, – улыбнулся парень. – Познакомься с моими родителями – Сысоевы Василий Андреевич и Прасковья Ивановна. Сестры – Мария и Феонила.

– Очень рад знакомству, – ответил дварх. – Меня обычно называют Асиархом. Если чего понадобится, зовите, я всегда услышу, где бы вы ни были. Коли ворчать стану, не обижайтесь, такой уж я есть.

– Благодарствую, – поклонился взявший себя в руки старый казак, ухмыльнувшись в усы. – А ворчать? Дело житейское. Опосля моего бати мне это не страшно. Вот кто ворчун был!

Дварх негромко рассмеялся и отключился.

– Биокомп! – позвал Артемий.

– Слушаю вас, – раздался в каюте сухой голос.

– Отныне будешь отзываться на имя Потап.

– Принято.

– Батя, мам, – повернулся к родителям Артемий. – Потап – вроде как домовый. Коли есть али пить охота, нужно ему говорить, и все появится. Вот, смотрите.

Он покосился на пустой стол, представив, как удивит сейчас отца, и приказал:

– Потап! Накрой стол на пятерых. Хороший обед. С водкой. Собаке в ту спальню кусок мяса с костью и миску воды подай.

Поверхность стола подернулась туманом. Через несколько мгновений взгляду людей предстали блюда, бутылки, тарелки, стаканы, вилки, ложки.

– Ну вот, батя, – ухмыльнулся Артемий. – Вот так оно здесь.

Отец оторопел, мать вообще едва не упала, увидев непонятно откуда взявшееся изобилие.

– Такого я еще не видал... – покачал головой старый казак, подозрительно глядя на стол.

– И я до сегодня не видал, – пожал плечами Артемий. – Да только по сравнению с остальным это пустяк. Ты, батя, тут такого насмотришься, что с ума съехать можно. Одни пауки чего стоят...

– Пауки?

– Ага, здоровенные, аршина по два, и говорящие. А змеюки аршин пяти с крыльями? Пряма-таки горынычи. Тоже говорящие. Ты б поверил, что паук али змеюка офицер?

– Оставь, сынок, – помотал головой старый казак. – Все равно, пока сам не увижу, не поверю.

– Давай тогда устраиваться – и за стол, батя.

– Давай.

Мать с сестрами крестились, завидев огромные, висящие в воздухе спальные платформы. Отец хмыкал в усы, разглаживал их. Он внимательно изучал каждую мелочь и задумчиво покачивал головой, не говоря ни слова. Мария с Феонилой предпочли поселиться в одной комнате, привыкли всегда быть вместе, да и побаивались девушки оставаться в этом странном месте в одиночестве. Вторую спальню заняли отец с матерью, хотя пожилая женщина все косилась на зависшую в полуметре от пола кровать. Но все-таки распихала взятое из дому тряпье по стенным шкафам и нишам. Прасковья очень боялась, да и родного дома было жаль до слез. Она не выла только потому, что муж запретил. А тот мог и канчуком угостить, коли что не по нему.

– Ну, пошли трапезничать, – проворчал Василий Андреевич. – Хоть и не пойму, откель ужин взялся, а стынет. Негоже.

Он вышел в большую комнату и огляделся. Но кроме стола в ней ничего не было.

– Сидеть-то на чем?

– Забыл, батя... – развел руками Артемий. – Потап, вырасти, будь добр, стулья! И пару диванов.

Вокруг стола вырос из пола десяток мягких кресел, у стены появились два больших, удобных дивана.

– Когда надо, говоришь Потапу, и стулья вырастают, – пояснил подхорунжий отцу, – когда не надо, снова в пол уходят. Я тоже сначала дивился, а теперь вроде как привык.

– К хорошему быстро привыкаешь, – проворчал старик, надавил на кресло, не провалится ли, и сел, вытянув вперед деревянную ногу. – Но слишком тут все не так, сынок...

Он взял фигурную бутылку с водкой и попытался открыть, не сразу поняв, что пробку нужно скручивать. Открыв, понюхал, одобрительно крякнул и налил в два стакана понемногу. Для женщин нашелся то ли сок, то ли морс, Василий Андреевич так и не понял что. Выпили, закусили. Старый казак подозрительно жевал жареное с какими-то овощами мясо. Здешний хлеб ему не понравился, слишком белый и мягкий, да и не хватало в нем чего-то. Однако же, вкусно. Он все пытался немного прийти в себя, уж больно быстро все случилось.

Михасю можно верить, раз старый друг сказал, что нужно уходить, значит нужно. Василий Андреевич не питал иллюзий по поводу красных. Новая власть была лютой, людей расстреливали просто так, ни за что. А продразверстка? Ладно бы брали, оставляя хозяевам хоть что-нибудь, чтобы с голоду не помереть. Нет же, подчистую все выгребали, а коли кто протестовал, того стреляли или избивали так, что человек и встать не мог. Но куда это их сейчас занесло? Слишком много вокруг вещей, о которых только в сказках и слышал. Надо же, шагнул

в воронку и оказался незнамо где. Стол, что скатерть-самобранка. Кровати в воздухе висят. Стулья из пола вырастают.

– Приношу свои извинения, – прервал его размышления голос биокомпа. – К вам гости. Дварх-майор Михаил Борохов и альфа-координатор Никита Ненашев. Вы согласны принять их?

– Впускай, чего уж, – буркнул Василий Андреевич.

Из закрутившейся на стене черной воронки вышли есаул и среднего роста незнакомый светловолосый мужчина с худым лицом и тонкими губами.

– Здравия желаю, господин альфа-координатор! – вскочил Артемий.

– Вольно, – отмахнулся тот. – Отвыкай тянуться, у нас не принято. Здравствуйте! Как устроились?

– Никита Александрович, наш командир, – представил его есаул.

– Сысоев Василий Андреевич, – с трудом встал старый казак. – Войсковой старшина в отставке! Устроились хорошо, господин альфа... Простите, не разобрал ваше звание.

– Альфа-координатор или лор-капитан, – улыбнулся тот. – Рад, что хорошо. Понимаю, что на корабле вам непривычно, но это ненадолго, поверьте. Не позже, чем через месяц-другой вернемся на Аарн Сарт. Там подберете себе дом.

– Жаль, что у Василя ноги нет, – обратился к Никите есаул. – Был бы нам четвертый майор, каких поискать еще.

– Нога не проблема, за пять дней в госпитале вырастят. Асиарх, будь добр, просканируй.

– Уже, – отозвался с потолка тот. – Посвящение пройдет.

– Не хотите снова на службу пойти? – спросил лор-капитан, повернувшись к старому казаку. – Нога, как я говорил, через неделю новая будет. Для наших докторов это не трудно.

– На службу? – прищурился Василий Андреевич, довольно огладив усы. – Знать, и старая гвардия на что-то годится, а, Михась?

– А то как же! – ухмыльнулся тот. – С тобой служить спокойнее будет, знаю, что спину доверить можно.

– Ну, коли нога вырастет, так и вовсе хорошо.

– Не только, – внимательно посмотрел на него Никита. – Встанете из ти-анх молодым. Хоть двадцатилетним, хоть чуть постарше. Это уж как захотите. Я видел, как старики молодыми из госпиталя выходили. Да и сам через него прошел, сильно помогает против любых болячек.

– Молодым?! – изумился старый казак. – Коли честно, не верю. Не бывает.

– У нас все бывает, – иронично возразил альфа-координатор. – Впрочем, сами увидите. Так согласны?

– Чего ж не послужить, коли зовут, – прищурился Василий Андреевич. – Надоело дома без толку сидеть. Вот только кому служить-то?

– Михаил Петрович вам расскажет, у меня, извините, времени нет.

– Соглашайся, Василь, не пожалеешь, – посоветовал есаул. – Долго рассказывать, но люди хорошие. Печенкой чую. Не видал я еще, чтоб командиры так о людях заботились.

– Тогда лады, согласен. Что нужно делать?

– Опять же Михаил Петрович расскажет. Звание вам присвоит командир легиона, дварх-полковник Бурцев Александр Владимирович. А я, простите, пойду. Спать этой ночью вряд ли получится, дел море.

– Получится! – раздался в каюте незнакомый женский голос, и на стене появилось изображение молодой женщины. – Вериль рассказала мне, что ты снова от нее бегаешь. Хватит! Ты немедленно отправляешься домой! Забыл, что завтра делать придется? Сколько работы предстоит?

– Лави! – рассмеялся Никита. – Сперва дело, а потом уже все остальное. Но ладно, часа через два-три приду. Ты дома?

– Еще нет, но скоро буду. Успокаиваю Релира, у него чуть ли не истерика.

– С чего бы это? – удивился альфа-координатор.

– На корабле сейчас тысячи полторы мальчишек, – со вздохом пояснила Лави. – Он вспоминает, что здесь устроили всего лишь трое, и хватается за голову в попытках представить, что учинят полторы тысячи. Предполагает, что они разберут крейсер по винтику, и заранее паникует.

Никита расхохотался, представив себе бегающего по рубке и рвущего на себе волосы Релира.

– Скажи ему, что не пустят детей никуда, кроме жилых секторов, – с трудом выдавил он сквозь смех. – Асиарх, будь добр, не пускай мальцов куда не следует.

– Ладно, – проворчал тот. – Но среди них десятка три прирожденных пилотов.

– Только не это! – вздрогнул Никита. – Своей властью альфа-координатора запрещаю допуск мальчишек к истребительным отсекам, кем бы они там ни были! Хватит с нас Васки со товарищи!

– Ладно, так и быть, – буркнул дварх и умолк.

– Успокой Релира, – снова обратился альфа-координатор к жене. – Не пустят мальчишек ни в энергоцентр, ни в истребительные отсеки.

– Постараюсь, – ответила она. – Жду в нашей каюте!

Стена погасла.

– Жена, – объяснил Никита. – Заботится, боится, что снова с ног упаду.

– Знамо дело, – усмехнулся Василий Андреевич. – На то она и жена. А что за мальцы тут?

– У многих дети еще маленькие, а семьи мы помогли забрать всем. Вот командир легиона и нервничает, боится, что мальчишки натворят чего-нибудь. Он горьким опытом научен. Были у нас тут в прошлом рейсе три приятеля двенадцати лет. Украли полностью вооруженные боевые истребители и отправились воевать! Представляете себе радость офицера, командовавшего атакой, когда ему сообщили, что в гуще боя трое мальчишек?..

– Пороть! – передернул плечами есаул. – Не хотел бы я на месте того офицера оказаться!

– Самое интересное, что один из этой неугомонной троицы победу в том бою и обеспечил, – вздохнул Никита. – Если бы не он, то и меня в живых уже не было бы.

– Все равно пороть, – покачал головой Василий Андреевич. – Наградить, а потом пороть.

– Насколько я знаю, старший брат одного из них так и поступил, – рассмеялся альфа-координатор. – А мальчикам за бой первый офицерский чин дали. И отправили в летную школу, где за ними пригляд должный будет. Хотя эта троица и там, я уверен, всем прикурить даст. Теперь понимаете, почему полковник нервничает?

– Чего ж тут непонятного? – ухмыльнулся в усы старый казак. – Я б на его месте тоже нервничал. Говорите, полторы тыщи мальцов собралось? Трудненько с ними будет.

– Эх, не додумался я никого из воспитателей в полет пригласить, они бы справились, их этому учили. Воспитателей готовят так, что армия детскими игрушками покажется.

– Для чего? – удивился есаул.

– А что может быть важнее, чем молодых настоящими людьми вырастить? – не менее удивленно посмотрел на него Никита.

– Ничего, – согласился тот. – Только не всегда получается. Некоторых учи – не учи, а толку не будет.

– Все случается, – вздохнул Никита. – Ладно, желаю хорошо отдохнуть. Завтра в девять утра жду на совещании. Скажете Асиарху, чтобы открыл проход в командный зал второго биоцентра. Впрочем, он сам знает. Достаточно сказать, что на совещание.

Он обвел глазами каюту, коротко поклонился женщинам, ненадолго остановив взгляд на дочерях Василия Андреевича. Довольно симпатичны, хоть и одинаково курносы. Глаза их поблескивали с трудом сдерживаемым любопытством. Но что-то насторожило Никиту, что-то в эмофоне девушек было не так, необычно. Он всмотрелся внимательнее и едва не выругался. Неужели? Обе? Господи ты боже мой! Но еще не инициировались. И то хорошо.

– Асиарх, Реллу на связь! – скомандовал Никита. – Срочно!

В воздухе вспыхнула рамка голосовязи, в которой появилось усталое лицо очень красивой черноволосой женщины лет тридцати на вид.

– Что-то случилось? – недоуменно спросила она. – С чего срочный вызов?

– Похоже, две не инициированных Целительницы Душ, – ответил Никита. – Хотел бы я ошибиться, но боюсь, что нет.

– Шрекеб хвадез! – непонятно выругалась женщина. – Это что на вашей Земле такое творится? Ты думаешь, эти первые? Кой хвост Проклятого! Сто четырнадцатая и сто пятнадцатая! Я с ума схожу, это невероятно, невозможно, но факт налицо. Такого массового набора в Школе Духа не было лет пятьсот! Я уже сообщила Тра-Лгаа, она ошеломлена. Хотя очень сильных почти нет, Даша так и осталась уникалом.

– Понятно... – вздохнул Никита. – Что делать с девочками?

– Завтра приду, поговорю с ними и их родителями, – проворчала Целительница Душ и погасила связь.

– Извините, – повернулся альфа-координатор к Василию Андреевичу. – Вы не замечали за вашими дочерьми в последнее время ничего странного?

– За девками-то? – удивленно переспросил старый казак. – Да нет, девки как девки, одни тряпки да парни на уме.

– У них обеих редкий Господень дар, – вздохнул Никита. – Когда прилетим, придется отдавать их в специальную школу, а то через пару-тройку лет либо с ума сойдут, либо с собой покончат. Бог не прощает, если люди не используют его дар. Перед ними после обучения буквально преклоняться станут, к Целителям Душ в ордене отношение особое. Каждый приказ любого Целителя Душ немедленно бросаются исполнять. Если какая-нибудь из ваших дочерей с какой-то стати велит атаковать укрепление или город, ее желание кинутся исполнять тысячи легионеров, даже не спросив, зачем. Но сперва девочки пройдут обучение и научатся понимать, что каждое их слово может разрушить чью-то жизнь.

– Божий дар, говорите? – прищурился Василий Андреевич, внимательно оглядывая ошеломленных откровениями альфа-координатора дочерей. – Божий дар хоронить нельзя, тут вы правы. Ну, потом поглядим, что из этого выйдет.

– Завтра к вам придет опытная Целительница Душ, ей больше ста шестидесяти лет и уж она-то знает все, что связано с этим даром. А я прощаюсь, жена скоро опять искать начнет.

Никита поклонился и вышел в открывшийся немного в стороне гиперпереход.

– Слышал я, как они тут к этим Целителям Душ относятся, – покачал головой есаул. – На руках носить готовы. Хотел бы только знать почему. Ладно, потом все равно узнаю. А пока, Василь, тебе надо три слова сказать, здесь их называют Призывом. С полковником нашим завтра поговорим, пусть поспит немного. Совсем он сегодня замотался, а человек золотой. Я его давно знаю.

– Что за призыв? – поинтересовался старый казак.

– Арн ил Аарн, – ответил Михаил Петрович. – Это значит, что ты хочешь стать одним из аарн. А дальше дварх смотрит всю твою жизнь, память читает. Не берут тех, кто готов любое паскудство утворить, чтоб выгоду какую поиметь. Тебя уже проверяли, и меня проверяли, и Никиту Александровича – всех, одним словом. Потому в ордене плохих людей и нет.

– Всю жизнь смотрят? – вздрогнул тот. – Мать твою так! Не брешешь?

– Сам поначалу не поверил, – вздохнул есаул. – Потом понял – правда. Спроси Артемия, он видал, как одного капитана осадили. Тот орать начал, что почему, мол, меня не выбрали? А командир ему ласково так отвечает, что нечего было там-то и там-то бросать раненого товарища умирать, нечего было девушку тогда-то и тогда-то насилловать. Капитан весь побелел и заткнулся. Да он не один такой был. Про двоих я и не подумал бы никогда, что шкурами окажутся. Никита Александрович мне потом показал записи их памяти, там такое, что я сам этих паскуд удавить готов был.

– Плохих людей к себе вообще не берут? – прищурился старый казак. – Знаешь, коли так, не буду терять время. Что там говорить надо?

– Арн ил Аарн.

Василий Андреевич повторил странно звучащие слова и вздрогнул при звуке грянувшей с потолка торжествующей птичьей трели. На пустом кресле вдруг непонятно откуда возникла черно-серебристая форма.

– Ну, поздравляю! – обнял друга есаул. – Вот и форму уже выдали. Как оденешь, не бойся, одежда тут живая, попервах ластиться станет, что щен малый. Привыкает она к хозяину. Не мажется, не мнется никогда, любую грязь с тела сама очищает. На войне б такую форму! Удобная. Лады, наливай Артемий!

Подхорунжий, молчавший во время визита командира, кивнул и наполнил водкой стопки. Все трое выпили, закусили и долго еще сидели, обсуждая увиденное за этот невероятный день. Какова будет их дальнейшая жизнь? А черт ее знает. Хотелось бы думать, что хорошей, но последние годы отучили людей верить в хорошее. Есаул рассказывал старому другу все, что слышал от Никиты Александровича об ордене. Василий Андреевич с Артемием ежились, пытаясь представить себе десятки тысяч миров.

Разошлись нескоро. Если бы всем им не нужно было утром присутствовать на совещании, то проговорили бы, наверное, до рассвета. Артемий уже откровенно зевал, когда Михаил Петрович попрощался и исчез в гиперпереходе. Отец хлопнул его плечу, забрал выданную форму и скрылся в спальне. Мать с сестрами ушли уже давно. Подхорунжий потянулся и отправился спать сам.

* * *

На экране мелькали парижские улицы. Никита потягивал кофе со счастливой миной на лице. Вот чего ему страшно не хватало все эти месяцы! В трюмы дварх-крейсера уже загрузили больше полусотни тонн кофе, закупленных в Бразилии и Турции. Асиарх сказал, что на Аарн Сарт есть несколько планет, на которых кофе вполне сможет расти. Никита записал в свой биокомп напоминание о том, чтобы обратиться к Мастерам Жизни тех планет с просьбой заняться выращиванием этой культуры.

– А кого вы ищите, господин альфа-координатор? – поинтересовался Бурцев, тоже потягивая кофе.

– Опытных контрразведчиков и жандармов, – ответил он. – Тех из них, кто сумел, несмотря на профессию, остаться людьми. Таких очень мало...

– Если честно, вообще не встречал, – пожал плечами дварх-полковник.

– Я вот, например, – усмехнулся Никита. – Еще нескольких человек знал. Жаль, их в живых уже нет.

– Желаю успеха! – отсалютовал ему чашкой с кофе Бурцев. – Я вам пока не нужен?

– Нет, можете быть свободны.

– Тогда пройдуся, гляну, чем там наши люди заняты.

Дварх-полковник одним глотком допил кофе, встал и вышел из командного пункта. Никита откинулся в кресле. Признаться, вчерашним днем он был доволен. Больше четырех

тысяч бывших рядовых и офицеров Белой армии стали аарн. Асиарху пришлось вырастить на крейсере три тысячи дополнительных кают для них и их семей. Бедняга Релир находился в шоке от толпы мальчишек и девчонок, стараясь не заходить в жилые сектора. Дети привыкали к новому быстро, и уже вовсю носились по коридорам и залам крейсера. Страшно довольный Асиарх рассказывал им сказки, катал на здесь же создаваемых каруселях и аттракционах. Ворчливый дварх обожал детей и готов был сутками возиться с ними.

На утреннем совещании структура первого из русских легионов была окончательно определена. Полковник Бурцев по рекомендации есаула Борохова поддержал кандидатуру Василия Андреевича Сысоева и утвердил его четвертым дварх-майором. А затем Никита своим приказом отправил старого казака вместе с женой в госпиталь, и сейчас они находились в ти-анх. Старик долго упирался, желая сразу заняться делом, но приказ есть приказ, и он, недовольно ворча, все-таки отправился к Вериль. Остальные занялись подбором людей в свои подразделения.

У генерала Гласса дела тоже шли неплохо – на Фарсен отправлялись двадцать четыре тысячи человек. Эмиграцию избрали всего лишь немногим больше восьмисот офицеров, да и те, в основном, однополосочные. А этих вовсе не жаль. Никита предпочел бы отправить в эмиграцию всех таких. Но раз Гласс решил их взять, пусть, это внутренние дела Фарсена, в которые орден вмешиваться не собирался. В основном, с Крымом было покончено, и у Никиты появилось время заняться эмигрантами и скоплениями остатков белых войск на дальнем востоке. Хотя в Крыму еще осталось немало интеллигентов, многие из которых тоже подвергались опасности. Но спасти всех, не устраивая на Земле кровавую кашу, было невозможно. Потому спастись придется только тех, кто способен стать аарн или пригодится Фарсену.

Спешить не стоило, отбор нужно производить очень тщательно. И не только среди русских. Немало интересных людей нашлось в других странах, людей, которым в жизни не повезло, которые не смогли бы добиться успеха не только на Земле, но и ни в одном из миров папу. К сожалению, честь, доброта, любовь и иные столь ценимые в ордене качества здесь совершенно не ценились. Здесь для успеха требовалось нечто противоположное – подлость, жадность, жестокость и властолюбие.

– Определил местонахождение первого кандидата, – эмообраз Асиарха переливался голубоватыми оттенками деловитости. – Сканирую его.

– Подходит? – наклонился вперед Никита.

– Увы. Редкая сволочь. Ищу следующего. А вот этот подходит, очень даже подходит. Но учти, человек смертельно болен и проживет не больше месяца.

– Покажи мне его.

Перед Никитой загорелся голоэкрэн, на котором он увидел какое-то крохотное парижское кафе. Всего на пять столиков. Оно было пустым, только в углу сидел благообразный, полный старик с моноклем в глазу и читал газету. Перед ним стояла чашка с чаем, на тарелке сбоку лежало немного печенья.

– Господи! – вскочил на ноги альфа-координатор. – Семен Феоктистович?! Он еще жив?!

Сидящий в кафе человек в свое время считался одним из лучших контрразведчиков Российской империи. Отойдя от дел еще в начале века, он воспитал не одно поколение молодых, и Никита прекрасно помнил блестящие лекции старика в училище. Если удастся его уговорить, то Семен Феоктистович один будет стоить сотни других. Надо немедленно переодеться – и в Париж! Или пойти в форме? Кто ему что скажет? Посмотрят, как на чудака, и все, мало ли в чем хаживают нищие русские эмигранты. А если и скажут что, плевать.

– Открывай проход, Асиарх, – выдохнул перевозбужденный альфа-координатор. – Только сделай мне для начала копию документов о стоящих за красными. И спасибо тебе, дружище! Семен Феоктистович... Ты не представляешь, что это за человек!

– Всегда пожалуйста, – хихикнул дварх. – И почему же не представляю? Я его полностью отсканировал. Лучшего человека действительно найти трудно, он сумеет поставить работу так, как мало кто другой. Вот только сомневаюсь, что тебе удастся его уговорить. Старик упрям, как тысяча Проклятых вместе со всеми их хвостами. Так, документы готовы, вот папка.

На краю пульта появилась серого цвета папка. Если бы документы из нее оказались достоянием земной прессы, скандал бы поднялся невероятный. Слишком многие уважаемые в мире люди были связаны с гибелью Российской империи и победой большевиков. Впрочем, ни одна газета просто не рискнула бы опубликовать такое. Имена, упоминаемые в документах, были слишком громкими, а их обладатели не прощали даже малейшего покушения на свои привилегии. Мало кто рисковал с ними ссориться.

Перед Никитой завертелась воронка гиперперехода, он подхватил с пульта папку и прыгнул вперед. Привычно мелькнуло в глазах, и альфа-координатор оказался неподалеку от кафе, в темном переулке, в котором никого не было. Не стоило изумлять парижан видом появляющегося из черной воронки человека. Улыбнувшись при мысли об этом, Никита быстрым шагом направился к входу. Рука внезапно натолкнулась на что-то на поясе. Он даже остановился, чтобы посмотреть. Кошелек. Нет, Асиарх попросту молодчина! Подумал даже о том, что у Никиты нет местных денег, и озаботился. Откуда только вездесущий дварх взял франки? Впрочем, неважно. Альфа-координатор вошел в кафе и направился к столику, за которым сидел грузный старик.

– Здравствуйте, Семен Феокистович! – поздоровался он.

– Здравствуйте, молодой человек, – удивленно посмотрел на него тот. – Мы знакомы?

– Вы у нас в училище два года лекции читали.

– А, юнкер, – улыбнулся Семен Феокистович. – Присаживайтесь. Какими судьбами в Париже? В эмиграции?

– Нет, по делам, – отрицательно покачал головой альфа-координатор. – Позвольте представиться, Ненашев, Никита Александрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.